

**АРХИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ
ОКУ «ГОСАРХИВ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ»**

**«1941–1945.
ЭТОТ ДЕНЬ МЫ ПРИБЛИЖАЛИ,
КАК МОГЛИ!»**

*Материалы
Всероссийской научной конференции,
Курск, 23 апреля 2020 г.*

Курск
2020

УДК 93
ББК 63.3(2)622
Т 93

Т 93 «1941–1945. Этот день мы приближали, как могли!»:
материалы Всероссийской научной конференции. Курск, 23 апреля 2020 г.
/ под ред. В. Л. Богданова. – Курск: ООО «Центр рекламы «Ллоцман», 2020.
– 223 с.

Редакционная коллегия: В. Л. Богданов (гл. редактор) – начальник архивного управления Курской области; Л. Б. Карманова (зам. гл. редактора) – зам. начальника архивного управления Курской области; Н. А. Елагина – директор ОКУ «Госархив Курской области»; В. В. Раков – зам. директора по научно-исследовательской работе ОКУ «Госархив Курской области», канд. ист. наук; О. А. Черников – заведующий филиалом ОКУ «Госархив Курской области», канд. ист. наук.

Научный редактор: О. Н. Аргунов, канд. ист. наук.

Сборник содержит тексты докладов и сообщений ученых, сотрудников архивных учреждений, работников учреждений культуры, краеведов, представленных на конференцию. Публикуемые материалы в своем большинстве подготовлены на основе документальных источников, выявленных в центральных и местных архивах, впервые вводимых в научный оборот. Издание предназначено для самого широкого круга читателей, интересующихся историей. Материалы опубликованы в авторской редакции.

УДК 93
ББК 63.3(2)622

© Архивное управление Курской области, 2020
© ОКУ «Госархив Курской области», 2020
© Авторы статей, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Антипин Н.А.	Челябинск – Курску: помощь в восстановлении Курской области после освобождения от оккупации	6–13
Антоненко Е.А., монахиня Иустина (Трофимова) Аргунов О.Н.	Особенности возрождения Курского Свято-Троицкого женского монастыря в годы Великой Отечественной войны и его патриотическая деятельность	14–17
Байрамов Р.С., Коровин В.В.	Жизнь в освобожденных курских селах весной – летом 1943 г.	18–22
Байрамов Р.С., Коровин В.В.	О некоторых проблемах обеспечения горюче-смазочными материалами войск Центрального фронта весной – летом 1943 года	22–27
Басов В.Н.	О подготовке кадров для ВВС в Курской спецшколе № 4 в предвоенные и послевоенные годы	27–33
Богданов С.А.	О подготовке кадров для ВВС в Курской спецшколе № 4 в предвоенные и послевоенные годы	27–33
Богданов С.А.	Система оповещения местной противовоздушной обороны советского Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны	33–40
Будченко Л.И.	Развитие культуры в Сталинграде в условиях Великой Отечественной войны	40–48
Бутенко Е.И.	О боевых действиях частей и соединений 70-й армии Центрального фронта в районе села Самодуровка	48–55
Герасимова С.В.	«РЯДОВЫЕ ИСТОРИИ»: устная история Великой Отечественной войны в жанре киноальманах	55–59
Дурноглазов В.Е.	Народное образование Курской области в начальный период Великой Отечественной войны	60–66
Капустин Д.А.	Письма курских оstarбайтеров как исторический источник	67–71
Кононов Н.Г.	Курская макаронная фабрика (1943–1945 гг.)	72–81
Крохина А.В., Манжосов А.Н.	«Наша память нетленная...» (Из истории участия студентов Курского железнодорожного техникума в гражданско-патриотической и мемориальной работе в 60-е гг. XX – начале XXI вв.)	81–89

Кужина Н.И.	Деятельность исправительно-трудовых лагерей Дальнего Востока СССР в годы Великой Отечественной войны по документам Государственного архива Хабаровского края	89–96
Кузьмина В.М.	Мобилизующая и агитационно-пропагандистская деятельность творческой интеллигенции в годы Великой Отечественной войны	97–104
Ласочко Л.С.	Эвакуация гражданского населения Курской области в 1941 году	104–110
Максимов А.П.	Воспоминания работников райкомов ВЛКСМ Чувашской АССР о работе комсомольских организаций в годы войны (по фонду партийного архива Чувашского обкома КПСС)	111–115
Манжосов А.Н., Кауров И.А., Шатохин Д.Е.	«Вернуть магистрали к жизни...» (Советские железнодорожники в период контрнаступления в Московской битве (декабрь 1941 – февраль 1942 гг.))	115–120
Манжосов А.Н., Полячихин К.О., Февронин П.Р. Медведев А.Д.	Участие советских бронепоездов в боях Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.	121–125
Муравьева И.И.	Первый учебный год в освобожденном Курске (на примере средней школы № 2)	125–132
Никифоров С.А.	Работа тамбовских госпиталей в период Курской битвы	133–140
Пугачева Н.А.	Проблемы изучения преступлений немецко-фашистских спецслужб, вермахта и коллаборационистов в отношении мирного населения оккупированных территорий Советского Союза	141–151
Пчелинов-Образумов А.А.	Работа Астраханского городского комитета обороны в годы Великой Отечественной войны	151–158
Раков В.В.	Районные центры Курской области после освобождения от гитлеровской оккупации (на примере Белгорода и Шебекино)	158–165
Салтык Г.А.,	Город освобожденный: Курск в феврале – марте 1943 года	166–173
	Участники Великой Отечественной	

Холтобина Л.С.	войны в истории микрорайона «КЗТЗ» г. Курска	173–180
Токмакова Е.О.	Всё для фронта, всё для Победы!	180–183
Холтобина Л.С.	Маленькие герои большой войны в документах архивов	183–190
Холтобина Л.С., Кузьмина В.М.	«Фашизм не пройдет!»: социально- культурная практика гражданского и патриотического воспитания на примере музея «Юные защитники Родины»	190–195
Хорлина В.А.	Василий Андреевич Холодков и его роль в деятельности медицинских учреждений Московской области в годы Великой Отечественной войны (на материалах ЦГАМО)	196–200
Черников О.А.	Морально-политическая обстановка в первые недели Великой Отечественной войны по материалам архивного фонда Р-3191 «Курский областной и районные военный комиссариаты»	201–204
Шанина О.Н.	Общественные организации в условиях Великой Отечественной войны (на примере Ярославской области)	204–212
Щукина Е.П., Поляков В.Б.	Воловцы – фронту (по страницам районных газет)	212–217
Яценко К.В.	Проблема роли советского государства и народа в современных фальсификациях истории Великой Отечественной войны	218–222

Н. А. Антипин,
кандидат исторических наук
Объединенный государственный архив Челябинской области

ЧЕЛЯБИНСК – КУРСКУ: ПОМОЩЬ В ВОССТАНОВЛЕНИИ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ ПОСЛЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ ОККУПАЦИИ

Аннотация: После принятия 21 августа 1943 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) постановления «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации» Челябинская область взяла шефство над восстановлением Курской области. Для руководства шефской работой 28 августа 1943 г. при Челябинском обкоме была создана специальная комиссия. В статье описаны формы помощи Курской области: денежные пожертвования, сборы одеждой и домашней утварью, отправка станков, инструментов, запасных частей, строительных материалов. Помощь носила безвозмездный характер.

Ключевые слова: восстановление оккупированных регионов, Курская область, Челябинская область, Великая Отечественная война, шефская помощь

Оккупация западных регионов СССР нанесла экономике и социальной сфере этих районов большой урон. Кроме убыли населения, вызванной боевыми действиями и репрессивной политикой оккупационного режима, были разрушены предприятия, пострадали жилища и социальные объекты, исчезла медицина, сеть образовательных учреждений, система снабжения и распределения товаров первой необходимости и т. п.

Уже в конце 1941 г. после битвы под Москвой возникла необходимость организации помощи освобожденным районам. В начале 1942 г. на Урале был создан фонд помощи населению, в который предприятия и организации передавали технику, оборудование, строительные материалы, продовольствие, сельскохозяйственный инвентарь, скот, одежду, предметы домашнего обихода и многое другое [1, с. 295].

Летом 1943 г. в ходе битвы на Курской дуге были освобождены несколько областей, которые также необходимо было в короткие сроки восстановить, включить их в экономические связи, обеспечить население продовольствием и минимальным набором предметов первой необходимости, организовать восстановление промышленного и сельскохозяйственного производства.

С принятием 21 августа 1943 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) постановления «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации» за каждой республикой

и областью закреплялись подшефные территории [2, л. 200–280]. За Челябинской областью была закреплена Курская область [3–7]. Для руководства шефской работой 28 августа 1943 г. была создана комиссия в составе секретаря обкома А. А. Шварева (председатель), заместителя председателя облисполкома Гольдберга, секретаря Челябинского горкома А. И. Панкрушева, секретаря обкома ВЛКСМ Караганова, заместителя заведующего отделом кадров Бураковского, парторга ЦК ВКП(б) ММК Петруши, директора облметаллосбыта Бершадского, заместителя начальника ЮУЖД Карпова, заместителя редактора газеты «Челябинский рабочий» Селиванова [8, л. 129].

Помощь освобожденным районам имела всенародный добровольный характер. В Челябинске инициатором шефства над восстановлением Курской области стал коллектив завода им. Д. В. Колющенко. 15 сентября 1943 г. в Челябинске состоялся митинг по случаю формирования первого эшелона, на котором секретарь Челябинского обкома А. И. Панкрушев произнес речь: «Отправляемый сегодня первый эшелон – это лишь начало той помощи, которую мы должны и будем оказывать для того, чтобы Курская область снова зажила полнокровной сознательной жизнью. Отправляя первый эшелон, мы должны сегодня на этом митинге взять на себя обязательства братской взаимопомощи. Мы имеем все возможности найти в своем хозяйстве и без ущерба высвободить еще немало станков и инструментов» [9, л. 25]. Предполагалось ежемесячно отправлять в Курск по два эшелона [10, л. 226].

19 сентября 1943 г. в Курскую область отправился первый эшелон из 54 вагонов: пять вагонов с оборудованием (200 станков, электромоторы, трансформаторы, компрессоры, запасные части к тракторам), пять вагонов цемента, 17 вагонов пиломатериалов, 17 вагонов круглого леса, десять вагонов предметов широкого потребления, металла и инструментов. Общая стоимость направленного из Челябинской области в первом эшелоне оценивалась в 200 тыс. руб. Эшелон сопровождала делегация из восьми человек [11, л. 4–5]. Первый эшелон собирали по всей области; большой вклад в его формирование внес Катав-Ивановский район, который собрал 13 вагонов: цемент, пиломатериалы, листовое железо, канаты, крючья, шурупы, круглый лес и пр. [11, л. 2].

Отправляя помощь Курской области, стахановцы Катавского района приняли обращение к трудящимся своего района: «По всей нашей стране широкой волной раскатилось могучее патриотическое движение помощи освобожденным районам. Весь советский народ участвует в восстановлении Сталинграда, Ростова-на-Дону, Воронежа, Орла и других городов. По прекрасному почину ярославских и ивановских колхозников вся страна включилась в оказание помощи освобожденным и освобождаемым районам продовольствием, строительными материалами, оборудованием и скотом. Рабочие и колхозники Куйбышевской области выступил инициаторами шефства над возрождением хозяйства

освобожденных областей. Наш Катавский район, включившись в этот великий патриотический подъем оказания помощи районам, освобожденным из-под ига немецкой оккупации, в ответ на постановление правительства “О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации” взял шефство над Курской областью. В помощь населению Курской области отправлено 13 вагонов различного оборудования и стройматериалов» [11, л. 3]. «Чтобы помочь курянам, вырвавшимся из страшной фашистской тюрьмы, сбором одежды, вещей домашнего обихода, продуктов питания, инструментов, скота и т. д.» катав-ивановские стахановцы взяли обязательство к 7 ноября отправить еще 60 вагонов.

Помощь Курской области широко освещалась в периодической печати, примеры активного участия в сборе пожертвований должны были мотивировать других на включение в этот процесс [12–14].

Среди публикаций в прессе и впечатления членов челябинской делегации. Заведующий организационно-инструкторским отделом Челябинского обкома ВКП(б) М. Морковкин, сопровождавший первый эшелон, писал: «Страшная картина последствий немецкого хозяйничанья предстала перед нашими глазами в городах и селах Курской области. В большинстве городов и сел полностью разрушено все народное хозяйство. Разрушены все спиртовые и сахарные заводы, которыми издавна славилась Курская область. Немцы сожгли все социально-бытовые и культурные учреждения. Уничтожены почти все школы, 32 районных и 2 городских больницы, 95 поликлиник и амбулаторий, 91 фельдшерско-акушерский пункт, 5 домов младенца, 110 детских садов, 190 библиотек, 182 избы-читальни». И далее штрихи к картине последствий оккупации: лучшие города области превращены в руины, расстреляно и замучено 28 166 человек, полмиллиона жителей остались без крова, «деревня, получившая при советской власти богатую технику, оказалась отброшенной на столетие назад – к цепу, сохе» [13].

Первый челябинский эшелон встретили в Курске 15 октября 1943 г. По случаю прибытия помощи состоялся митинг, на котором выступали челябинцы и руководство Курской области. На этом митинге было зачитано «Письмо трудящихся города Курска трудящимся Челябинской области», опубликованное в «Челябинском рабочем» 5 ноября [15].

Это очень эмоциональный текст, написанный в былинном стиле. В нем извинения тех, кто был в оккупации, за то, что они не могли помогать Красной армии, восхищение и удивление силой советского оружия, созданного на предприятиях в глубоком тылу, благодарность за оказываемую помощь. Вот фрагмент этого текста:

Братья и сестры, родные челябинцы!

Когда наш Курск, громя врагов, ворвались полки Красной армии, когда, словно ураган, понеслись крошить немцев краснознаменные

«Ильюшины» и «Петляковы», когда в клубах снежной пыли промчались по улицам Кировские танки – не было предела нашей радости. Мы ликovali, что вернулась Красная армия и навеки освободила нас от гитлеровского рабства. Мы радовались и потому, что Красная армия пришла к нам сильной и могучей, с чудесным оружием. Мы вышли на улицы и низко кланялись своим освободителям, спросили у них:

– Кто вам дал эту силу, родные, кто вам дал эти танки и самолеты, «Катюши» и минометы, пушки и автоматы? Кто сумел за полтора года войны так великолепно оснастить армию?

И бойцы отвечали нам: кланяйтесь челябинцам, свердловцам, молотовцам, сибирякам – это они дали нам такую технику.

И мы снова спросили у бойцов: как сумели люди советского тыла за короткий срок наладить такую массу оружия?

И бойцы рассказали нам, как в лихую годину войны вы на пустырях, при сильнейших морозах возводили новые заводы, расширяли цеха, устанавливали станки, привезенные с запада. Они рассказали нам, как пришлось вам трудиться, не досыпая ночей, не зная отдыха. И сердца наши наполнились великой благодарностью ко всем, кто своим героическим трудом помогает Красной армии вернуть нам свободу.

<...>

Ваши станки уже в самые ближайшие дни окажут нам помощь в ремонте тракторов. Вы прислали нам вагон стекла – это уже сегодня поможет нам застеклить школы, больницы и новые детские дома, готовые к открытию. Присланные вами ботиночки, уже завтра будут одеты детьми, обездоленными немцами. Любовно изготовленные игрушки доставят немало радости малышам, которые пятнадцать месяцев видели только горе. Каждый ключ, каждый напильник, присланные вами, будут помогать возрождению области.

<...>

Слава южноуральцам, кузнецам могучего оружия, гвардейцам советского тыла! [16, л. 42–46 об.]

В этом тексте представлены последствия оккупации, определены задачи и этапы восстановления хозяйства региона, а также особое внимание уделено тому, что сами жители Курской области делают для восстановления городов и сел [17]. Ведь и в Челябинске люди жили в тяжелых условиях военного времени: напряженный труд, нормированное снабжение, крайне стесненные жилищные условия, поэтому важно было показать, что куряне прилагают немалые усилия к восстановлению своего края: собрали первый урожай, восстановили почти все дома колхозников, возрождают животноводство.

Комплектование эшелонов с помощью происходило в контакте с руководством Курской области, которое формировало списки первоочередного и необходимого. Например, 1 октября 1943 г. Курский

облисполком направил А. А. Швареву письмо, в котором отметил необходимые материалы для восстановления базы культурных учреждений (парткабинетов, библиотек, изб-читален, типографий, кинотеатров, радиостудий, школ): подшивки газет и журналов, карты, книги «Краткий курс истории ВКП(б)», 1 500 портретов вождей, 1 500 плакатов, патефонов для домов культуры, шашки, шахматы, домино, бильярд, для школ 1 000 географических карт, карандаши (500 тыс. штук), 10 тыс. учебников, приборы для физических и химических кабинетов, парты, доски; печатные машинки, кинопередвижки, радиоприемники, репродукторы, микрофоны [16, л. 53–53 об.]. И уже 6 октября 1943 г. бюро Челябинского обкома постановило о сборе книг. Горкомам и райкомам было предписано организовать сбор литературы в парткабинетах, библиотеках и у населения, до 20 октября книги следовало направить в областную библиотеку [18, л. 13 об.].

В июне 1944 г. начальник ст. Курск Шубин направил просьбу о выделении мебели, кроватей, столовой посуды, краски и стекла [16, л. 9]. В это же время обком и облисполком обратились к Н. С. Патоличеву с просьбой об отправке в Курскую область тысячи кубометров леса и мебели для восстановления административных зданий, стройматериалов и сантехники для Дома Советов [16, л. 10].

Челябинская областная комиссия на основе этих пожеланий формулировала поручения, составляла списки, определяла приоритеты. Так, председатель комиссии А. А. Шварев в одном из своих обращений к секретарям горкомов и райкомов региона отмечал: «Выполняя указания товарища Сталина о помощи районам, освобожденным от немецких захватчиков, трудящиеся Челябинской области оказали большую помощь трудящимся Курской области в восстановлении народного хозяйства, разрушенного немецкими захватчиками. <...> Нет сомнения, что куряне при нашей активной помощи возродят цветущую Курскую область. Но то, что мы сделали, это только начало. Наша помощь не должна прекращаться до полного восстановления всего народного хозяйства Курской области. <...> Сейчас куряне восстанавливают свой областной центр город Курск и обратились к нам с просьбой помочь им восстановить дом советов – одно из лучших, прекрасных зданий города, медицинский и педагогический институты, разрушенные и ограбленные немецкими бандитами. Куряне просят направить им для этой цели лес, строительные материалы (цемент, стекло, гвозди, кровельный материал, краски, электрооборудование). <...> На швейной фабрике не хватает запасных частей, обувная фабрика начала работу, но не имеет колодок для обуви» [16, л. 5].

К концу 1943 г. из Челябинской области в рамках шефской помощи были отправлены восемь эшелонов, 430 вагонов с оборудованием, металлом, лесоматериалами и предметами широкого потребления, в том числе 284 станка, 16 вагонов с инструментами, 19 вагонов разного металла, 39 вагонов сортового и обручного железа, 31 вагон с разным мелким

оборудованием, 34 вагона с товарами широкого потребления, 3 вагона литературы, 21 вагон цемента, 23 вагона гвоздей и другие строительные материалы. В числе отправленных эшелонам один был подготовлен обкомом комсомола в честь 25-летия ВЛКСМ (39 вагонов с подарками для молодежи Курска). Колхозники области отправили 450 овец, 170 голов рогатого скота. Об этом сообщал Н. С. Патоличев секретарю ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкову в письме от 9 декабря 1943 г. [16, л. 34–35]. В другой записке Г. М. Маленкову обращалось внимание на задержки в продвижении эшелонов: отправленный из Челябинска 19 сентября 1943 г. состав прибыл в Курск 14 октября, отправленный 10 октября – прибыл на место 11 ноября и т. д. [10, л. 38].

Один из восьми эшелонов, отправленных в 1943 г., был комсомольским. Комсомольцы и молодежь региона сформировали 39 вагонов со стройматериалами, оборудованием, цементом, железом, литературой, предметами домашнего обихода, бельем и т. п. [19, л. 5].

26 января 1944 г. состоялось очередное заседание областной комиссии, на котором было признано необходимым усилить массово-политическую работу среди трудящихся по оказанию помощи освобожденным районам и особенно Курской области, шире освещать вопросы организации помощи освобожденным районам и проводимой в связи с этим массово-политической работы на страницах городских и районных газет и в местном радиовещании. На этом же заседании был утвержден план отправки эшелонов: 4 февраля из Челябинска – 70 вагонов, 7 февраля из Челябинска – 60 вагонов, 8 февраля из Магнитогорска – 50 вагонов, 10 февраля из Златоуста – 40 вагонов, 25 февраля со ст. Вязовая – 55 вагонов (лес) [20, л. 11]. На 1 марта 1944 г. из Челябинской области было отправлено 14 эшелонов (608 вагонов) [10, л. 38].

В архивных фондах горкомов и райкомов сохранились дела со списками собранного для отправки в Курскую область. Например, по Челябинску: завод № 62 направил оборудование, трест маслопрома – пять свиноматок и пять сепараторов, завод № 721 – станки, завод им. Колющенко – инструменты и материалы, СНК Эстонской ССР – десять пар детской обуви, десять пар детских валенок, 20 м хлопчатобумажной материи, литературу на русском языке; Челябингиз – 94 книги, областная больница восстановительной хирургии для инвалидов Отечественной войны – медицинские инструменты, пинцеты, зажимы, термометры, иглы и т. п.; школа № 40 – ручки, карандаши, линейки, перья, столовые приборы, игрушки, одежду [21]. Областной отдел местной промышленности выделил для освобожденных районов 12 тыс. штук гончарной посуды, 2 000 металлических ложек, обллегпром отправил 3 000 пар мужских ботинок и 17 тыс. чайных стаканов, предприятия кооперации инвалидов подготовили к отправке трикотажные изделия, металлические печи, примусы и другие предметы [9, л. 2].

Естественно, основными поставщиками шефской помощи стали крупные предприятия, однако в формировании эшелонов участвовало и население, которое делилось с жителями Курской области тем, что было в домах. Вот один из примеров: в марте 1944 г. Кизильский райком ВКП(б) собрал и направил подшефным 572 предмета ширпотреба и домашнего обихода: 85 тарелок, 40 стаканов, 32 чашки, 72 чайных блюдца, 23 кружки, 103 ложки, 67 вилок, 20 сковородок, 35 ножей, 20 ухватов, 20 чайных ложек, 20 чугунков, 6 коромысел, 5 лопат, 8 ведер, 13 сковородников, 3 сахарницы, 3 горшка. Кроме того, были собраны денежные пожертвования – 4 000 руб. [16, л. 38].

В постановлении «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденным от немецкой оккупации» особое внимание уделено восстановлению сельского хозяйства освобожденных районов: возвращение вывезенного во время эвакуации скота, закупка недостающего скота для возрождения животноводства. В течение ноября, декабря 1943 г. и января 1944 г. планировалось заготовить 8 000 голов крупного рогатого скота, 5 000 овец и коз, 3 000 свиней для всех освобожденных районов [8, л. 123]. Если оборудование, строительные материалы, предметы ширпотреба и прочее предоставлялось безвозмездно, то отправка скота происходила на возмездной основе. Закупочные цены: 1 кг живого веса крупного рогатого скота – 3,85 руб., овец – 3,20 руб., свиней – 4,25 руб. [8, л. 134]. Государство приобретало скот как у колхозов, так и в личных подсобных хозяйствах. При этом скот находился на сохранении до весны 1944 г. и затем был отправлен в Курскую область. Так, к концу 1943 г. в Челябинской области колхозники подготовили к отправке 1 225 голов крупного рогатого скота и 5 200 овец [16, л. 48].

Еще одной формой помощи освобожденным районам стал сбор денежных пожертвований. Всего по плану предполагалось собрать 17 млн 700 тыс. руб. – с каждого района от 300 тыс. до 600 тыс. руб., в Магнитогорске – 1 млн руб., в Челябинске – 1,2 млн руб. [16, л. 49–49 об.]. К 22 октября 1943 г. было собрано 261 099 руб., к 19 января 1944 г. – 1 358 020 руб. Реальные цифры получились намного ниже плановых: например, в Магнитогорске было собрано 241 683 руб., в Аргаяшском районе – 26 030 руб. (при плане 400 тыс. руб.), в Златоусте – 46 167 руб. (при плане 800 тыс. руб.), в Кыштыме – 44 607 руб. (при плане 500 тыс. руб.), в Верхнеуральском районе – 9 243 руб. (при плане 600 тыс. руб.).

Таким образом, Челябинская область внесла весомый вклад в восстановление освобожденной от оккупации Курской области. Денежные пожертвования, сборы одеждой и домашней утварью помогли населению региона справиться с бытовыми проблемами. Отправленные с Южного Урала станки, инструменты, запасные части, строительные материалы позволили приступить к восстановлению разрушенного хозяйства, а также важных социальных объектов. Эта помощь носила безвозмездный характер. Население Челябинской области и предприятия делились

материальными ресурсами, которыми сами располагали в весьма скромных объемах. Ответной благодарностью Курской области стали рабочие руки, направленные в Челябинскую область после войны.

Список источников и литературы

1. Урал – фронту / под ред. А. В. Митрофановой. М., 1985.
2. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 217.
3. Павленко В.Д., Павленко Г.К. Помощь освобожденным районам в период Великой Отечественной войны // Челябинская область: энциклопедия: в 7 т. / гл. ред. К. Н. Бочкарев. Челябинск, 2008. Т. 5.
4. Партийная организация Челябинской области в Великой Отечественной войне. 1941–1945: сб. док. и материалов / сост. С. Н. Корнеенков. Челябинск, 1981.
5. Партийная организация Челябинской области в Великой Отечественной войне. 1941–1945: сб. док. и материалов / сост. З. В. Шестакова. Челябинск, 1981.
6. Челябинская область. 1917–1945 гг.: сб. док. и материалов / под ред. П. Г. Агарышева. Челябинск, 1998.
7. Ленинская поступь пятилеток: Из истории развития промышленности и рабочего класса Челябинской области : сб. док. и материалов : в 2 т. Челябинск, 1986. Т. 1.
8. Объединенный государственный архив Челябинской области (далее – ОГАЧО). Ф. П-288. Оп. 7. Д. 390.
9. ОГАЧО. Ф. П-92. Оп. 5. Д. 160.
10. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 7. Д. 389.
11. ОГАЧО. Ф. П-288к. Оп. 1. Д. 410.
12. Летягин Д. Благородное дело // Челябинский рабочий. 1943. 28 нояб.
13. Морковкин С. Что мы видели в Курской области // Челябинский рабочий. 1943. 28 нояб.
14. Годовицын Г., Мандрик А. Возрождается курская земля // Челябинский рабочий. 1943. 5 нояб.
15. ОГАЧО. Ф. П-288к. Оп. 1. Д. 412.
16. ОГАЧО. Ф. П-288к. Оп. 1. Д. 411.
17. Спасибо за братскую помощь, товарищи челябинцы!: письмо трудящихся города Курска трудящимся Челябинской области // Челябинский рабочий. 1943. 5 нояб.
18. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 1. Оп. 7. Д. 63.
19. ОГАЧО. Ф. П-485. Оп. 1. Д. 1008.
20. ОГАЧО. Ф. П-92. Оп. 5. Д. 231.
21. ОГАЧО. Ф. П-118. Оп. 1. Д. 141.

Е. А. Антоненко,
кандидат исторических наук
Курский государственный университет

Монахиня Иустина (Трофимова),
Курский Свято-Троицкий женский монастырь

ОСОБЕННОСТИ ВОЗРОЖДЕНИЯ КУРСКОГО СВЯТО-ТРОИЦКОГО ЖЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И ЕГО ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Аннотация: В данной статье рассмотрены особенности возрождения древнейшей обители города Курска – Свято-Троицкого женского монастыря в период Великой Отечественной войны, а также подчеркивается особая роль Русской Православной Церкви и монашества в помощи государству и воинству в годы войны с врагом.

Ключевые слова: Русская православная церковь, женское монашество, война, патриотическая деятельность.

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. стала тяжелейшим испытанием для нашего народа, проверкой материальных, организационных и духовных сил государства. Мужество и героизм, непоколебимая стойкость народа в борьбе с врагом принесли немеркнущую славу всем доблестным защитникам Отечества от мала до велика. Всемирная история показала, что во второй раз за XX век армия Германии пересекла границы нашей Родины. Но в отличие от 1914 года Советскому Союзу противостояла не империя Гогенцоллернов, которая принадлежала все-таки к христианской Европе, а разбойничий Третий рейх, поправший все божии и человеческие законы, стремившийся к истреблению одних и порабощению других народов [1, с. 453].

В ознаменование 75-летия Победы в Великой Отечественной войне Указом Президента в Российской Федерации 2020 г. объявлен Годом памяти и славы [2]. В каждом субъекте РФ заботятся о сохранении памяти о «великих тех годах».

На заседании Межрелигиозного совета России митрополит Волоколамский Иларион (Алфеев) отметил: «Когда говорится о Великой Отечественной войне, тема религии зачастую выносится за скобки. Вклад религиозных общин в Победу остается малоизвестным широкой общественности. Как известно, наши религиозные общины открыто осудили агрессию гитлеровской Германии против Советского Союза и призвали верующих с оружием в руках защищать отчизну до окончательной победы. Но тема религии и веры в подвиге нашего народа

подобными официальными декларациями, конечно же, не исчерпывается» [3].

С началом войны митрополит Сергей (Страгородский) написал «Послание к пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви», в котором Патриарший Местоблюститель призвал православный русский народ встать на защиту Отечества. В своем «Послании» митрополит вспоминал былую славу русского воинства под предводительством святых благоверных князей – Александра Невского и Дмитрия Донского, а в завершении написал следующее: «Положим же души вместе с нашей паствой... Церковь благословляет всех православных на защиту священных границ нашей Родины. Господь нам дарует победу» [1, с. 455].

Отметим, что начавшаяся война коренным образом изменила привычный уклад жизни и положение Русской православной церкви в Советском Союзе. Уже первые слова обращения руководителя советского государства, секретаря ЦК ВКП(б) И. Сталина к народу 3 июля 1941 г.: «Дорогие соотечественники! Братья и сестры!» послужили вестником в пересмотре правительством религиозной политики в советском государстве.

Проанализируем, каково же было положение монашествующих накануне и в годы Великой Отечественной войны, а также их возможности в оказании помощи для защиты Родины. К 1941 г. Русская православная церковь, по утверждению историка М. В. Шкаровского, опирающегося на доклад председателя Совета по делам Русской православной церкви Г. Г. Карпова в ЦК ВКП(б) от 14 февраля 1947 г., имела 3 732 действующих храмов, причем 3 350 церквей находились на территориях, вошедших в состав СССР в 1939–1940 гг. [4, с. 116–117]. С началом войны в регионах, подвергавшихся оккупации войсками нацистской Германии, многие закрытые монастыри стали возрождаться, не была исключением и территория Центрального Черноземья.

Анализ архивных источников позволяет утверждать, что в период с 1944 по 1946 г. в СССР действовало «75 монастырей – 42 женских с 3 125 обительницами (монахинями и послушницами) и 33 мужских — с 855 обителями (монахами и послушниками) [5, л. 3]». По территории Советского Союза монастыри были распределены следующим образом: «в РСФСР – 2 монастыря (в Курской и Псковской областях), в УССР – 42, в Молдавской ССР – 24, в БССР – 3, в Литовской ССР – 2, в Латвийской ССР – 1 и в Эстонской ССР – 1 монастырь [5, л. 3]».

Рассмотрим особенности открытия древнего женского монастыря в Центральном Черноземье в годы Великой Отечественной войны. Курский Свято-Троицкий женский монастырь (первые письменные упоминания о нем восходят к первой четверти XVII столетия) был закрыт в 1923 г., а во время немецкой оккупации города в 1942 г. возобновил свою деятельность. Подчеркнем, что данная обитель являлась единственным женским монастырем в Центральном Черноземье в частности и РСФСР в целом,

функционирующим в годы Великой Отечественной войны и в послевоенное пятилетие.

О численности, возрасте монашествующих, их юридическом и хозяйственном положении, о патриотической и других видах деятельности курского монастыря с 1942 по 1949 год повествуют документы Государственного архива РФ («Материалы о положении хозяйственной деятельности монастырей», «Информационные отчеты и секретная переписка по Курской области», «Справки о Свято-Троицком монастыре в г. Курске Курской области (ликвидированном в 1949 году)») [5].

По архивным данным, монастырский комплекс, как и прежде, располагался в центре города – по улице М. Горького, 13 и представлял следующий вид: «19 построек, из них несколько небольших деревянных домов, с небольшими квартирами и малыми комнатами ... три больших двухэтажных каменных дома, два больших деревянных и церковь» [6, л. 1].

Условия жизни монахинь были далеки от некогда былого дореволюционного благоденствия, а именно совместное проживание 121 насельницы на небольшой площади, которая отводилась обители, было невозможным, поэтому из них 49 проживали на территории монастыря, 50 – за его пределами – в квартирах города Курска, и 22 разъехались по другим районам и селам Курской области [6, л. 1].

Проживавшие при монастыре монашествующие жили на общих основаниях квартиросъемщиков, в деревянных домах, где занимали 18 небольших комнат общей площадью 147 кв. метров, уплачивая Райжилуправлению квартирно-арендную плату. Специально отведенных домов или квартир для монашествующих не было, жили в тех же домах. Так, игуменья монастыря, не имевшая своей комнаты, жила совместно с сестрой, которая работала дворником в Райжилуправлении и как дворник получила жилплощадь [6, л. 1].

Учитывая тот факт, что на территории монастыря как в довоенный период, так после ее возрождения в 1942 г. расположились разные госучреждения, то жизнедеятельность насельниц курского женского монастыря была достаточно стесненной. А после освобождения г. Курска в феврале 1943 года от немецких оккупантов на территории монастыря разместился Отдел кадров и Орготдел ВКП(б) и Областной архив.

С момента открытия Курского Свято-Троицкого женского монастыря в 1942 г. и до закрытия в 1949 г., обитель существовала, как своекоштная. Сестры сами обеспечивали свой собственный быт, зарабатывали себе на пропитание и проживание, каждая из насельниц вынуждена была искать пути и средства к существованию. Анализ архивных материалов позволяет узнать источники и виды заработков монахинь. Так, монашествующие получали оплату за участие в хоре церкви, за уборку и обслуживание церкви, за работу дворниками и рассыльными в учреждениях, как пенсионерки труда. Также приходилось

жить и за счет случайных заработков: пошива одеял, вязания чулок, варежек, вышивание и др. Следует отметить, что нетрудоспособные матушки жили на иждивении трудящихся сестер [6, л. 3].

Но, несмотря на сложные условия существования, древнейшая церковная традиция помощи Отчеству в годы войн и бедствий не прервалась. Курским Свято-Троицким женским монастырем на оборону Родины в 1943 г. было собрано 37 018 рублей, в 1944 г. передано – 13 140 рублей. Кроме того, в 1944 г. обитель жертвовала на оборону страны все облигации третьего государственного военного займа, подписанные на 15 500 рублей. Монастырем было куплено билетов денежно-вещевой лотереи на 2 550 рублей. Следует отметить, что еженедельно по воскресным дням священник монастыря обращался к верующим с патриотическими проповедями [6, л. 25 об.].

В период Великой Отечественной войны Русская православная церковь, несмотря на страшные 1930-е гг. – время гонений и репрессий, унесшее жизни миллионов духовенства и мирян, словом и делом помогала своему народу, внося весомый вклад в общее дело великой победы над фашистской Германией. Открытие и возобновление деятельности Курского Свято-Троицкого женского монастыря в 1942 г. являлось уникальным случаем, так как это был единственный действующий женский монастырь в РСФСР. Патриотическое служение, выраженное в молитве, а также материальной помощи армии, – стало продолжением дореволюционной монашеской традиции данной обители. Сегодня монахини Курского Свято-Троицкого женского монастыря, как, наверное, и каждая семья в России, с особым почитанием относятся к сохранению памяти о живых и павших в годы Великой Отечественной войны. В настоящее время в обители проживает схимонахиня Антония (Тяпкина), прошедшая всю войну связисткой на Белорусском фронте.

Источники и литература

1. Цыпин В. История Русской Православной Церкви. Синодальный период. Новейший период. М., 2004.
2. Указ о проведении в России Года памяти и славы // Президент России [Электронный ресурс] // URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 19.12.2019).
3. Состоялось очередное заседание Межрелигиозного совета России // Межрелигиозный совет России [Электронный ресурс] // URL: <http://interreligious.ru> (дата обращения: 19.12.2019).
4. Шкаровский М.В. Русская Православная церковь при Сталине и Хрущеве. М., 2005.
5. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 18.
6. ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 619.

О. Н. Аргунов,
кандидат исторических наук
Государственный архив Курской области

ЖИЗНЬ В ОСВОБОЖДЕННЫХ КУРСКИХ СЕЛАХ ВЕСНОЙ – ЛЕТОМ 1943 г.

Аннотация: Освобождение большей части территорий Курской области от немецко-фашистских оккупантов в феврале 1943 г. стало важным событием: мирная тыловая жизнь начала постепенно возвращаться в курские села. Однако этот процесс был труден из-за огромных материальных потерь, нанесенных сельскому хозяйству за время оккупации, и подготовки к проведению Курской битвы, поставившей точку в окончательном освобождении региона от противника.

Ключевые слова: Курская область; Великая Отечественная война; Курская битва; колхозы; колхозники.

Весна и лето 1943 г. были для Курской области сложным временем. Буквально в последние дни зимы были освобождены от немецкой оккупации большинство районов региона, и в них активно начались процессы восстановления органов власти и колхозно-совхозной хозяйственной системы. Все это не могло не отразиться на местном населении, которое до этого в течение достаточно продолжительного периода времени пребывало в немецкой оккупации.

С одной стороны, освобождение из немецкого рабства был великим счастьем для абсолютного большинства советских граждан, переживших ужасы оккупации, с другой – местное хозяйство было в настолько разрушенном состоянии, что перед глазами маячил практически неминуемый голод, который любыми средствами нужно было предотвратить. Выход у курских колхозников был один: попытаться получить максимально возможный урожай в условиях тотальной разрухи. И стоит отметить, что на решение этой проблемы были брошены все имеющиеся в курской деревне силы.

В первую очередь развернулись работы по сбору семян среди колхозников: полуголодные люди с большим трудом отдавали на колхозные нужды свои тщательно сохраненные семена. В разных районах эта работа проходила с различным успехом: достаточно быстрыми темпами эти работы шли в Касторенском, Кривцовском и Стрелецком районах, где к началу апреля удалось собрать в общей сложности более 12,0 тыс. ц семян зерновых культур [1, л. 46; 2, л. 163; 3, л. 4]. В общей сложности к началу весеннего сева в области удалось собрать около 230,0 тыс. ц семян зерновых, которых хватило только для того, чтобы засеять четверть от запланированных площадей [4, л. 151].

В тяжелейших условиях проходила весенняя посевная кампания в колхозах и совхозах области: начавшись во второй декаде апреля с заметным опозданием, по отдельным культурам она продлилась до середины июня. Это было связано со множеством факторов:

– острый недостаток семян (Курской области правительством была оказана семенная помощь в 6,0 тыс. т зерновых культур, но поступила она только в мае, когда срок сева зерновых культур прошел, поэтому не высеянными остались 1,2 тыс. т [5, л. 16 об.]);

– недостаток, а в некоторых районах и полное отсутствие тягловой силы. Для компенсации недостатка тракторов и лошадей к работам активно привлекались коровы колхозников. В общей сложности в весенних полевых работах участвовали более 93,0 тыс. коров колхозников, на которых было вспахано свыше 98,0 тыс. га, прокультивировано 41,0 тыс. га, пробороновано 247,0 тыс. га [5, л. 16 об.]. Не лучше обстояли дела и с работами на приусадебных участках, где также приходилось работать вручную. По сведениям председателя Курского облисполкома В. В. Волчкова на сентябрь 1943 г. в освобожденных районах Курской области приходилась всего одна лошадь на 140–150 колхозных дворов [5, л. 265];

– нехватка рабочих рук (только на сооружение оборонительных укреплений из и без того обескровленного колхозного хозяйства были изъяты свыше 130,0 тыс. чел. [5, л. 16 об.]). В некоторых районах доходило до того, что из колхозов забирали практически всех трудоспособных, как это было в Прохоровском районе [5, л. 21];

– бесхозяйственность в сельхозартелях и сельсоветах, где зачастую председателями назначались люди, не пользовавшиеся авторитетом среди колхозников или же бывшие немецкие пособники, откровенно саботировавшие колхозные работы. Один из наиболее вопиющих случаев подобного поведения произошел в 1943 г., когда на должность председателя Верхне-Опоченского сельсовета Советского района был назначен В. В. Сидоров, который на ответственные должности в сельсовете и колхозе назначал своих любовниц, при этом отстраняя от работы добросовестных и исполнительных людей, игнорируя позицию правления сельхозартели и ее председателя. Также В. В. Сидоров, пользуясь своим служебным положением, забирал себе продукты питания и хозяйственные товары, предназначенные для семей военнослужащих [5, л. 454].

Серьезно замедляло и делало труд колхозников еще более тяжелым то обстоятельство, что большинство наиболее тяжелых работ в полях приходилось выполнять вручную. В большинстве колхозов отсутствие тягловой силы приводило к тому, что люди были вынуждены вручную вскапывать десятки гектаров залежных земель. Так, на 1 июня 1943 г. по данным 36-и районов в ручной копке земли были заняты 82 737 чел.,

которые вскопали 12 245,0 га, то есть в среднем на одного человека приходилось 0,15 га [5, л. 16 об.].

Нагрузки на людей были колоссальными: работали все – от мала до велика, но и этого напряжения сил не хватало, чтобы добиться серьезных результатов: настолько сильно хозяйство области пришло в упадок после хозяйничанья немецких варваров. В одном из наиболее пострадавших во время оккупации районов – Черемисиновском – при наличии 8,0 тыс. человек трудоспособных колхозников, 2 349 коров, 64 лошадей и 60 отремонтированных тракторов было посеяно лишь 820,0 га зерновых [6, л. 13]. Не лучше обстояли дела и в Бесединском, Тимском и Боброводворском районах [4, л. 78–79 об.].

В конечном счете, значительный недосев культур, плохие агротехнические условия, а также несвоевременность посадки зерновых привели к тому, что урожайность этих культур в 1943 г. в Курской области была крайне низкой: средняя урожайность составила 1,3 ц с га [7, л. 41], что было даже меньше, чем количество зерна, потраченного на сев (норма высева в тот период времени составляла около 2,0 ц на гектар посевной площади). Следовательно, проблема предстоящего голода в течение весны – лета 1943 г. не была решена, а осенью она уже стала реальностью для некоторых территорий региона. Особенно острой эта проблема была в бывших прифронтовых районах.

Широко известным является факт, что перед началом Курской битвы было произведено массовое отселение мирного населения из 25-километровой прифронтовой зоны, многие жители уже в конце июня – начале июля стали возвращаться в свои дома. Это было обусловлено желанием сохранить свое имущество, которое они не могли взять с собой в места вселения, а также заботой о сборе урожая с огородов. В первых двух декадах июля 1943 г. эта проблема достигла таких масштабов, что руководство Центрального фронта обращалось к начальнику войск НКВД по охране тыла фронта, чтобы те не допускали мирное население обратно к местам проживания, так как в некоторых местностях подобного контроля вообще не велось [5, л. 33]. И данные опасения были не безосновательными: нередки были случаи, особенно в западных и северо-западных прифронтовых районах Курской области, где серьезных боев летом 1943 г. не велось, когда бойцы убирали урожай с колхозных полей, при этом не оставляя хозяйствам даже семян для будущего сева. С учетом того, что отселены были свыше 400,0 тыс. человек из 24-х районов области [8, с. 157], проблемы с продовольствием могли возникнуть у пятой части населения региона, что в условиях всеобщей разрухи в хозяйстве могло иметь катастрофические последствия. Поэтому многие колхозники на свой страх и риск нарушали запрет на посещение мест отселения.

Опасения возможного голода были не напрасными: локальные голодовки имели место зимой 1943–1944 г. в ряде прифронтовых районов лета 1943 г. [9], во многом они были вызваны самозаготовками

продовольствия военными на данных территориях. Только по Чернянскому, Скороднянскому и Корочанскому районам за август месяц военными было самозаготовлено 1300,0 т зерна [5, л. 75], а в целом по районам Воронежского фронта для нужд армии было заготовлено 29,0 тыс. т зерна [5, л. 266].

При этом, огромное количество продовольствия было заготовлено еще весной 1943 г.: воинскими частями на территории районов Курской области было заготовлено 18 727,0 ц зерна, при этом частями Центрального фронта заготовлено 12 402,0 ц, Воронежского – 5 934,0 ц, Юго-Западного – 391,0 ц [10, л. 65–67].

Говоря о тяжелом положении курских селян весной и летом 1943 г., стоит также упомянуть их активное участие в восстановительных работах и оборонительных работах. Уже в апреле 1943 г. на оборонительных работах трудились около 120,0 тыс. курян и их число непрерывно росло: к началу Курской битвы в работах были задействованы уже свыше 300,0 тыс. человек. За этот период времени руками курских крестьян удалось возвести сотни километров оборонительных укреплений, окопов, противотанковых рвов [11, л. 26–26 об.].

Таким образом, мы видим, что жизнь в курских селах в первые месяцы после освобождения была очень тяжелой. Огромное количество сил тратилось, с одной стороны, на восстановление разрушенного за время оккупации хозяйства региона, с другой – не меньшее количество ресурсов уходило на осуществление оборонительных работ. Естественно, что это негативно сказалось на урожае, собранном по итогам сельскохозяйственного года. Поэтому можно не без основания сказать, что жизнь в освобожденных курских селах была крайне тяжелой, но люди стойко переносили выпавшие на их долю тяготы, веря в неминуемую победу над врагом.

Источники и литература

1. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. Р-3322. Оп. 22. Д. 7.
2. ГАКО. Ф. Р-3272. Оп. 2. Д. 9.
3. ГАКО. Ф. Р-3272. Оп. 2. Д. 11.
4. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 10. Д. 6.
5. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 10. Д. 4.
6. Государственный архив общественно-политической истории Курской области (далее – ГАКО). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3106.
7. ГАКО. Ф. Р-3272. Оп. 4. Д. 2.
8. Байрамов Р.С., Коровин В.В. Из опыта перемещения жителей населенных пунктов прифронтовой полосы в ходе подготовки к Курской битве // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2020. Т. 10. № 2.
9. Аргунов О.Н. В преддверии голода: Сельское население Курской области в 1943–1945 гг. // Истоки и уроки Великой Победы: Сб. науч. стат. Участников Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. Участием, посвященной 75-летию победы в Великой Отечественной войне. г. Курск, 22 мая 2020 г. / ред. кол. В.В. Коровин (гл. ред.). Курск, 2020.
10. ГАКО. Ф. Р-5010. Оп. 1. Д. 1.

Р. С. Байрамов,

аспирант

Юго-Западный государственный университет

В. В. Коровин,

доктор исторических наук

Юго-Западный государственный университет

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОРЮЧЕ-СМАЗОЧНЫМИ МАТЕРИАЛАМИ ВОЙСК ЦЕНТРАЛЬНОГО ФРОНТА ВЕСНОЙ – ЛЕТОМ 1943 ГОДА

Аннотация. Обобщение опыта тылового обеспечения Действующей армии в различные периоды Великой Отечественной войны является перспективным направлением военно-исторических исследований. Конкретизация и локализация отдельных аспектов многогранной проблемы снабжения войск средствами борьбы, позволяет выделить и раскрыть наиболее значимые и малоисследованные направления указанной деятельности. В данной статье на основе документальных материалов, выявленных авторами в фондах ЦАМО РФ, рассматривается специфика обеспечения горюче-смазочными материалами боевых частей и соединений Центрального фронта накануне и в период Курской битвы.

Ключевые слова: горюче-смазочные материалы, Центральный фронт, снабжение, топливо, склады, хранение, емкости.

Проблема снабжения Действующей армии горюче-смазочными материалами (ГСМ) на протяжении Великой Отечественной войны всегда оставалась напряженной и актуальной. Без достаточного обеспечения топливом было невозможно полноценно осуществлять подготовку советских войск и успешно вести боевые действия против немецко-фашистских захватчиков.

В условиях готовившейся летней кампании 1943 г. руководство страны обращало особое внимание на решение проблемы удовлетворения потребностей фронта в топливе. Только в течение мая 1943 г. этот вопрос неоднократно поднимался Государственным Комитетом Обороны. Например, 8 мая 1943 г. ГКО принял постановление № 3325 «О плане снабжения горюче-смазочными материалами Красной армии и Военно-Морского флота на май 1943 года», а 15 мая было принято постановление ГКО № 3382 «О перемещении ближе к фронту из мобрезерва НКВ высокооктанового бензина и авиамасел для авиации и танков и о перевозке ГСМ по заявке УСГ КА».

Управлению снабжения горючим (УСГ) предписывалось создать на Западном, Брянском, Центральном, Воронежском и Юго-Западном фронтах запасы горючего в размере 20 заправок авиабензина и 15 заправок танкового горючего (всего более 100 тыс. т). Для оказания практической помощи работникам службы снабжения горючим, изучения возможности размещения его запасов, выяснения состояния технической базы, координации железнодорожных перевозок топлива на фронт выехала группа офицеров УСГ во главе с его начальником генералом М.И. Кормилицыным [1, с. 180–181].

Нормы, установленные Государственным комитетом обороны, не выполнялись на Центральном, Воронежском, Брянском, Степном и Западном фронтах и составляли 13 заправок вместо 20. Часть запасов Центрального фронта располагалась за пределами тыловых районов фронта в силу недостатка складов для хранения топлива.

Снабжение армий Центрального фронта автомобильным топливом было строго лимитировано. Обеспеченность фронта автобензином в период подготовки к сражению (на 1 апреля 1943 г.) выражалась в 3 042 т, что составляло 2 заправки, из которых 1 344 т (0,9 заправки) находилось еще в пути на фронтовых магистралях.

В первой декаде апреля 1943 г. на Центральный фронт удалось завезти 226 т топлива, что составляло всего 2,6 % от нормы. С 10 по 20 апреля 1943 г. было поставлено 1 065 т (12,2 % от нормы). С 20 по 27 апреля 1943 г. фронт получил еще 1 869 т (21,5 % от нормы). В пути продолжало находиться 2 250 т топлива, что составляло 25,9 % от нормы.

Из автобензина, завезенного фронту с 1 по 20 апреля 1943 г. (14,8 % месячной нормы), 13-я армия получила 20,9 %, а 70-я армия – 19% от месячной нормы. С 20 по 27 апреля 13-й армии было поставлено 250 т топлива. За тот же период 70-я армия получила 115 т. В целом, общая подача для 70 А составила 93,0 % [3, л. 310].

Немаловажным фактором эффективного снабжения ГСМ являлась своевременная транспортировка топлива с крекинг-завода до пункта назначения. Штабом Управления тыла фронта была составлена справка о необходимом количестве железнодорожных составов для перевозки ГСМ. Согласно представленному расчету вес одной заправки составлял 2 467 т. Среднесуточный расход топлива определялся в 0,3 заправки (740 т, или один эшелон). Железнодорожный участок Елец – Касторная – Курск имел протяженность 266 км. Средняя скорость грузового состава на указанном участке не превышала 10–15 км/ч. Таким образом, от Ельца до Курска поезд двигался 24 часа. Но требовалось учитывать и негативные факторы, воздействовавшие на движение эшелона. Так, во время авиационных налетов противника время прохождения данного участка могло составлять 4–5 суток [2, л. 390–391].

На фоне неполной обеспеченности фронта топливом в апреле 1943 г. был разработан план основных мероприятий по снабжению ГСМ. Отдел

снабжения горючим (ОСГ) Центрального фронта рассчитывал довести войска до положенных норм снабжения горюче-смазочными материалами, при этом заготовить на каждом полевом армейском складе (ПАС) запасы емкости в количестве не менее 1 000 бочек общей вместимостью до 500 т. В городе Курске и прилегающих к нему районах предписывалось собрать всю тару, которую можно было использовать для хранения горюче-смазочных материалов. Предстояло оперативно подготовить котлованы для хранения ёмкостей, разработать планы подъездов к хранилищам, замаскировать склады ГСМ и пути подъезда к ним [3, л. 50].

Бронетанковые (БТ) и механизированные (МВ) войска фронта во время боевых операций не могли обеспечить полный подвоз ГСМ своим автотранспортом ввиду его большого некомплекта. В распоряжении частей имелось всего 300 бензоцистерн. Поэтому было принято решение обязать каждого начальника отдела снабжения горючим армии осуществлять подвоз ГСМ автотранспортом с армейских складов до танковых частей по заявкам помощников командующих БТ и МВ [4, л. 454].

Автотранспорт использовался для обеспечения не только боевых операций. По данным начальника штаба Управления тыла Центрального фронта генерал-майора И. П. Карманова, армии фронта испытывали большие затруднения с горючим для автомобилей, которые требовались для транспортировки детей и больных, подлежащих выселению. И. П. Карманов направил ходатайство о выделении для каждой армии по 50 т автобензина и 300 т всему фронту на указанные цели [5, л. 536].

Одним из факторов, препятствовавших нормализации обеспечения войск бензином, стала низкая исполнительская дисциплина отдельных должностных лиц. Как свидетельствуют материалы проверок, учет топлива в подразделениях находился в неудовлетворительном состоянии. Например, командиры воинских частей, как правило, не проверяли путевые листы. Донесения по табелю от соединений в ОСГ армии доставлялись со значительным опозданием. Но, несмотря на выявленные при проверках нарушения правил учета и хранения горючего, заложенное в крупных соединениях топливо (в объеме двух заправок) оформлялось соответствующими актами.

Учет расхода ГСМ, проведенный в мае 1943 г., выявил перерасход по автобензину на 55 т, а по лигроину¹ – на 4,4 т. Перерасходы имели место из-за того, что лимиты расходования топлива не доводились соединениями армий до своих подразделений и непосредственно до водителей каждой машины. Еще одним недочетом, выявленным в ходе проверок, стало отсутствие плана перебазирования запасов ГСМ в пределах конкретной армии [6, л. 32].

ГСМ в район Курска поставлялись с Саратовского крекинг-завода, но после очередных налетов немецкой бомбардировочной авиации,

¹ Лигроин – горючая смесь жидких углеводородов, более тяжелая, чем бензин.

совершенных в июне 1943 г., завод был полностью разрушен. Управлению снабжением горючим было необходимо изыскивать новые источники поставки горюче-смазочных материалов в район Курска, а в войска Центрального фронта требовалось поставить около 20 тыс. т автобензина. Потеря основного поставщика компенсировалась за счет дополнительной выработки топлива на других нефтеперерабатывающих заводах, сокращения поставок на другие фронты и изъятия запасов автобензина из резерва.

С целью обеспечения безопасности подвоза и сохранения горючего в пути следования к месту назначения, было запрещено в один железнодорожный состав включать более 10 цистерн. Одновременно разрабатывались маршруты для перевозки пустых цистерн, возвращавшихся к нефтеперерабатывающим заводам. Разгрузка топлива производилась исключительно ночью, и ограничивался четырьмя часами. Указанные меры были ориентированы на повышение эффективности транспортировки топлива и его сохранности [1, с. 181].

По данным на 16 июня 1943 г. наличие горюче-смазочных материалов вполне обеспечивало боеспособность войск. Запасы ГСМ хранились в емкостях, углубленных в землю и замаскированных. Но выявлялись случаи и неправильного хранения ГСМ. Так, на ПАС-2205 (Дмитриев-Льговский) ёмкости для хранения горючего хотя и рассредоточили по территории склада, но недостаточно углубили в землю и не замаскировали.

Трудности с обеспечением и хранением горюче-смазочных материалов заключались не только в их доставке на фронт и организации производства на нефтеперерабатывающих предприятиях. На местах на низком уровне оставалась служебная дисциплина, когда командиры частей и соединений не выполняли возложенных на них обязанностей, тем самым подвергая риску не только имущество, но и жизни своих бойцов. Например, 24 июня 1943 г. на складе ГСМ № 852, в результате неправильной эксплуатации бензомотопомпы и перегрузки его мотора произошло возгорание бензина, что создало угрозу распространения пожара по всему складу. В результате вспышки топлива многие военнослужащие получили ожоги, несовместимые с жизнью. Данный случай произошел из-за грубого нарушения правил пожарной безопасности на складе ГСМ [7, л. 37].

Исходя из содержания доклада начальника ОСГ Центрального фронта подполковника К. В. Ложкина, можно судить о том, что неоднократно фиксировались случаи задержки автобензоцистерн. Так, 13-я армия задержала 201-ю роту подвоза ГСМ на 10 дней. В результате 39 автомашин не имели возможности осуществлять подвоз ГСМ в другие части и соединения фронта [7, л. 27].

Места расположения складов ГСМ оценивались по степени их уязвимости на предмет воздушной атаки противника. Например, полевой

армейский склад ГСМ № 2357 находился в 700 м от ст. Рышково, на территории строящегося завода, а склад ГСМ № 2652 располагался на расстоянии 8 200 м северо-западнее ст. Казаки. Предназначение этих складов заключалось в хранении и снабжении частей фронта горюче-смазочными материалами. Общий размер имевшихся в них емкостей, уязвимых для уничтожения противником, составлял 0,25 кв. км. Находившаяся на расстоянии 8 400 м восточнее ст. Курск нефтебаза занималась хранением и выдачей ГСМ частям фронта, здесь размер уязвимости складов составлял 0,2 кв. км [3, л. 310]. Показатели размера уязвимости имели важное значение для организации противовоздушной обороны и обеспечения безопасности топливозохранилищ.

Как следует из исследованных нами боевых донесений и оперативных сводок частей и соединений, принимавших участие в оборонительных боях на Северном фланге Курской дуги, во время сражения боевая техника не испытывала дефицит горючего. В частности, об этом свидетельствуют документы 16-го и 19-го танковых корпусов, где даже в самые напряженные дни обеспеченность топливом составляла 1–2 заправки [8, л. 1–14]. Командование 19 тк отмечало, что и в разгар боя боевые машины корпуса имели возможность отойти на дозаправку и пополнить боезапас в близлежащих укрытых от авиации и артиллерийско-минометного огня противника местах.

Несмотря на тщательную подготовку, в отдельные периоды Орловской и Белгородско-Харьковской наступательных операций (особенно на заключительном их этапе) из-за повышенного расхода горючего возникали некоторые затруднения с обеспечением им войск. Особенно много потребовалось войскам ударных группировок автобензина. Органы тыла центра в ходе наступления подали дополнительно Центральному, Воронежскому, Юго-Западному и Южному фронтам 11 тыс. т автобензина. И все же к концу наступления запасы авиабензина во фронтах снизились на 30 %, а автобензина – на 29 % по сравнению с началом наступления. Запасы других видов горючего во фронтах не снизились, но значительная часть их осталась в исходных районах и не использовалась для обеспечения последующих наступательных действий. Всего в ходе битвы под Курском было израсходовано более 204 тыс. т горючего [1, с. 181–182].

В целом, победоносное завершение Курской битвы подтвердило эффективность мер, принимаемых руководством страны и военным командованием для решения проблемы материального обеспечения боеспособности войск. Негативные явления, сопровождавшие решение этой сложной задачи, были вызваны обстоятельствами как объективного, так и субъективного характера. Проявлявшееся к подобным ситуациям внимание со стороны должностных лиц и органов военного управления позволяло рационально противодействовать влиянию деструктивных факторов, используя накопленный опыт в достижении основной цели

государства, ведущего справедливую, освободительную, Отечественную войну.

Источники и литература

1. Тыл Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне / под общ. ред. генерала армии С.К. Куркоткина. М., 1977.
2. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ). Ф. 226. Оп. 354. Д. 5.
3. ЦАМО РФ. Ф. 226. Оп. 354. Д. 9.
4. ЦАМО РФ. Ф. 226. Оп. 354. Д. 4.
5. ЦАМО РФ. Ф. 226. Оп. 354. Д. 7.
6. ЦАМО РФ. Ф. 201. Оп. 427. Д. 17.
7. ЦАМО РФ. Ф. 307. Оп. 4176. Д. 1.
8. ЦАМО РФ. Ф. 3414. Оп. 1. Д. 48.

В. Н. Басов,

кандидат педагогических наук
Государственный архив Курской области

О ПОДГОТОВКЕ КАДРОВ ДЛЯ ВВС В КУРСКОЙ СПЕЦШКОЛЕ № 4 В ПРЕДВОЕННЫЕ И ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

Аннотация. Настоящая работа посвящена организации и работе Курской спецшколы ВВС № 4, которая была создана незадолго до начала войны. Деятельность данных специальных учебных заведений позволила в достаточно короткие сроки обеспечить кадрами Вооруженные силы СССР, а в послевоенные годы продолжить подготовку будущих офицеров-летчиков.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Курск, военно-воздушные силы, кадры.

75-лет отделяют нас от дня Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Чем дальше мы уходим от событий тех лет, тем более актуальными становятся вопросы, связанные с получением правдивой информации о событиях предвоенных лет и военной поры. Вопрос готовности СССР к войне носит дискуссионный характер, на эту тему имеется немало спекуляций, откровенной лжи и подтасовки фактов. Понятие «готовность к войне» включает в себя такие аспекты, как: готовность вооруженных сил, экономики, структур управления и общества. Нас интересует вопрос: как осуществлялась подготовка военных специалистов в предвоенные годы, в частности где и как велась подготовка кадров для военно-воздушных сил?

В 1920-е гг., с окончанием Гражданской войны возникла необходимость перестройки системы подготовки кадров для Красной Армии. Происходил переход от системы краткосрочных командирских курсов к военным школам среднего состава, выработался единый тип военно-учебных заведений по родам войск с трехгодичным сроком обучения. Работу по улучшению системы подготовки командных кадров возглавил И. Э. Якир – начальник Управления военно-учебных заведений Красной Армии. Стали создаваться специальные военно-подготовительные школы для последующего комплектования военных училищ. С 1937 г. военные школы стали преобразовываться в военные училища со сроком обучения сначала 3, а позже 2 года (к началу Великой Отечественной войны их насчитывалось 203).

Однако возникали трудности с укомплектованием военных учебных заведений, для которых требовались не только физически крепкие, но и грамотные люди, преимущественно из числа рабочих и крестьянской молодежи. В этот период ставится вопрос о необходимости воссоздания подготовительных военно-учебных заведений. Отметим, что после советско-финской войны 1939–1940 гг., особое внимание стало уделяться созданию бронетанковых и механизированных частей, а также развитию военно-воздушных сил. Перед войной стало очевидным фактом то, что военная техника становилась всё сложнее и сложнее. А более сложной техникой должны управлять более грамотные и умелые люди. Советско-финская война 1939–1940 гг. обнаружила и серьезные проблемы в подготовке офицеров. Позже, в мае 1941 г. начальник генерального штаба вермахта генерал Гальдер в своем дневнике отмечал: «Русский офицерский корпус исключительно плох... России потребуется 20 лет, чтобы офицерский корпус достиг прежнего уровня» [1, с. 79–80]. Советскому Союзу не потребовался такой длительный срок, необходимые офицерские кадры были подготовлены уже в первой половине Великой Отечественной войны.

Немалую роль в комплектовании военных училищ отлично подготовленными юношами сыграли вновь образованные подготовительные военно-учебные заведения – специальные военные школы.

Считается, что эту идею К. Е. Ворошилову предложил заместитель начальника артиллерии В. Д. Грендаль (1884–1940) – ученый-артиллерист. К созданию сети специализированных военных школ подходили постепенно. Так, по решению правительства от 5 мая 1937 г. в экспериментальном порядке в пяти московских средних школах началась подготовка юношей для поступления в военные училища. Обучение велось с 8 класса по учебным программам с усиленным преподаванием военного дела. В Положении о специальных школах говорилось, что выпускники этих школ после 10 класса могли поступать в любое военное училище, но уже осенью 1937 г. в Положение было внесено уточнение. Согласно этому

уточнению все спецшколы становились артиллерийскими и их выпускники должны были комплектовать только артиллерийских училищ. Однако, многие юноши хотели стать танкистами, летчиками и моряками. Артиллерийские школы выявили положительные стороны подготовки молодых людей к кадровой военной службе. По их образцу в дальнейшем стали создаваться спецшколы для ВВС и ВМФ (20 спецшкол ВВС и 7 ВМФ). История создания спецшкол для ВВС связана с именем известного летчика М. М. Громова. Именно по его предложению стали создаваться специальные школы для военно-воздушных сил.

М. М. Громов, бывший инструктором в авиашколах и летчиком испытателем, и инспектором техники пилотирования в Главном штабе, хорошо видел и понимал, что в авиацию на обучение должен приходиться молодой человек с достаточным багажом теоретических знаний и некоторым минимумом практического знакомства с авиацией. Михаил Михайлович утверждал, что перевоспитание труднее, сложнее, как всякое переделывание, так как старые привычки и навыки в некоторых случаях склонны проявляться произвольно. Вот почему подготовку к профессиональной деятельности (профессиональное воспитание) он предложил начинать до начала освоения профессии. Юноше лучше начинать готовить себя к профессии летчика еще до поступления в авиационное училище, так как для перевоспитания срок пребывания в нем слишком короток.

При его непосредственном участии в мае 1940 г. руководство ВВС обратилось в правительство с просьбой об организации авиационных спецшкол. Широко развернулась пропаганда авиационных знаний, профессия военного летчика стала наиболее популярной у молодых юношей. Зрелищными и популярными становились воздушные праздники. Молодые юноши с большим энтузиазмом шли в авиацию.

Уже в ноябре 1940 г. по этому вопросу правительство приняло решение об открытии спецшкол ВВС. В постановлении указывалось, что «в целях подготовки кадров для комплектования военно-авиационных училищ летчиков и летчиков-наблюдателей ВВС Красной армии предложить Совнаркомам РСФСР, УССР, БССР, Грузинской ССР и Армянской ССР организовать в системе народных комиссариатов просвещения 20 специальных средних школ Военно-воздушных сил (в составе восьмого, девятого и десятого классов) в следующих городах: Москве, Ленинграде, Воронеже, Горьком, Саратове, Сталинграде, Иванове, Курске, Свердловске, Ростове-на-Дону, Казани, Краснодаре, Киеве, Ворошиловграде, Харькове, Днепропетровске, Одессе, Минске, Тбилиси и Ереване. Каждая спецшкола получила свой номер. На основании постановления правительства № 2276 «Об организации специальных средних школ Военно-Воздушных сил» и приказа Народного Комиссара Просвещения от 14 ноября 1940 г. № 1717 была сформирована средняя специальная школа ВВС № 4 в г. Курске. Набор учащихся проводился в

школах и детских домах Курской, Брянской и Орловской областей. Директивная численность составляла 500 человек. Желая попасть в спецшколы оказалось довольно много: молодых людей влекла романтика авиационной службы, чувство долга, стремление защищать Родину.

Специально созданные комиссии проверяли знания абитуриентов по всем общеобразовательным дисциплинам, прежде всего по математике, физике, химии и иностранному языку. Помимо прохождения медицинской комиссии каждый поступающий должен был продемонстрировать свою физическую подготовку на спортивных снарядах. Высоко оценивалось наличие спортивных значков: «Готов к труду и обороне», «Ворошиловский стрелок», «Осоавиахим» и других. Учитывался и интеллектуальный уровень будущих авиаторов.

Первым директором спецшколы был назначен Ф. А. Казьмин, заместителем директора по учебной части – П. Л. Забабурин (позже ставший директором школы), помощником директора по военной подготовке наркоматом обороны был назначен майор Н. М. Портнов.

В архивных фондах ОКУ «Госархив Курской области» имеются документы об организации специальной средней школы военно-воздушных сил, докладные записки директора школы Ф. А. Казьмина начальнику отдела специальных школ Наркомпроса РСФСР полковнику Долину о состоянии набора учащихся, о необходимости выделения обмундирования для курсантов, о личном составе школы и т. п. [2, л. 17]. Зав. облоно Максименко в докладной записке перечисляет, что было сделано для открытия школы: «6 ноября 1940 г. всем директорам средних школ было направлено письмо о проведении разъяснительной работы с учащимися 8, 9, 10 классов о правилах приема в школу и необходимости предоставления списков учащихся, удовлетворяющих требования по приему, 18 ноября решением исполкома горсовета Курска было выделено помещение под учебный корпус здания средней школы № 2 по улице Бебеля, 12 и под общежитие дом 58 по улице Ленина, по улице Радищева, дом 4» [2, л. 27]. Так как здание по улице Бебеля требовало ремонта, для этих целей было выделено 20 000 рублей. Уже 2 декабря мандатная и медицинская комиссии начали работу по приему учащихся. Было подано 482 заявления, из которых на комиссию было вызвано 180 человек, подходивших по условиям приема. В тот же день был проведен вечер встречи учащихся 8–10 классов с командным и политическим составом авиагарнизона г. Курска. Для выполнения плана приема (необходимо было принять 500 человек) в районы Курской области – в г. Белгород, Старый Оскол и др. были направлены ответственные работники облоно для проведения разъяснительной работы с учащимися и их родителями. Это позволило уже 13 декабря 1940 г. получить еще 952 заявления (247 из Курска, с периферии – 599, из других областей – 126). На комиссию из этого количества вызвали 436 человек. Основной причиной отказа для подавших заявления была слабая успеваемость учащихся, 100 человек

имели слабое здоровье, 10 человек получили отказ по социальным причинам. Для организации учебного процесса в спецшколе необходимо было набрать учительский состав. Комплектовать школу кадрами осенью было достаточно трудно, так как уже начался учебный год, а школы ВВС должны были быть укомплектованы хорошо подготовленными специалистами. В документах архива мы обнаружили запрос в Наркомпрос РСФСР директора спецшколы Ф. А. Казьмина от 17 февраля 1941 г. с просьбой дать разъяснение по поводу комплектования школы кадрами: «... Курский Облоно и Гороно при комплектовании спецшколы разъясняли, что зарплата учителям спецшколы будет на 25 % выше зарплаты учителей обычных средних школ и за классное руководство, связанное с командованием взводами будет выплачиваться не 30, а 50 рублей. Однако, Облоно выплачивает зарплату за уроки и за классное руководство учителям нашей школы по ставкам обычных средних школ». Далее директор школы просит разъяснить, каковы должны быть ставки зарплаты учителей спецшколы и «...если полагается надбавка, просим дать соответствующее указание Курскому Облоно» [3, л. 25]. Имеется также письмо военрука школы майора Николая Михеевича Портнова полковнику Долину с такой же просьбой: «На Ваше имя я послал телеграмму по вопросу оплаты преподавателей. Это вопрос необходимо разрешить, т. к. за ту цену часовой оплаты преподавателям по сетке Наркомпроса, как предлагает Облоно, подыскать преподавателей невозможно... С некоторыми преподавателями была договоренность, но когда они узнали, что оплата по сетке Наркомпроса, то отказались...необходимо пригласить преподавателя метрологии и других специальных предметов...» [3, л. 55]. 22 февраля 1941 г. был получен ответ из Наркомпроса от начальника отдела специальных военных школ полковника Долина: «...оплата за классное руководство и заработная плата учителям специальных военных школ выплачивается наравне с учителями обычных средних школ. Об этом Вам дано разъяснение инспектором Наркомпроса т. Путинцевым. Впредь предлагаю, прежде чем обращаться в Наркомпрос, получать все необходимое разъяснение в облоно» [3, л. 24]. Несмотря на трудности с подбором учителей, занятия в спецшколе № 4 г. Курска начались 12 января 1941 г.

Ситуация с кадрами обострилась осенью 1941 г. В архивных документах имеется записка директора школы на имя начальника отдела специальных военных школ полковника Долина: «Курская спецшкола сообщает, что по мобилизации в ряды РККА выбыло 6 преподавателей. В настоящее время школа не имеет преподавателей по следующим предметам: по химии, физике, по военно-специальным предметам, по истории и немецкому языку...» [3, л. 67]. Несмотря на указанные трудности учебный процесс велся на достаточно высоком уровне: в архивном фонде имеются акты проверок организации учебного и воспитательного процесса и качества обучения спецшкольников. Не все

курсанты соответствовали предъявляемым требованиям как по уровню теоретической, так и физической подготовки, часть из них была в первые месяцы отчислена из школы. Особое внимание уделялось социальному происхождению школьников, особенно внимательно стали относиться к этому вопросу после освобождения Курской области от немецко-фашистских захватчиков.

В документах архива имеются сведения о социальном происхождении учащихся 8–10 классов спецшколы первого набора (осень 1940 г.): детей рабочих обучалось 102, колхозников – 158, служащих – 243 человека. 326 человек являлись членами ВЛКСМ, по национальному составу: русских – 479, украинцев – 21, белоруссов – 4, евреев – 9 человек. Основная часть учащихся это дети, рожденные в 1921–1925 гг., их обучалось 474 человека, в 8 классе – 200, в 9 классе – 182, в 10 классе – 121, всего 503 курсанта [3, л. 29]. В июне 1941 г. состоялся первый выпуск 116 учащихся школы. 6 выпускников получили похвальные грамоты, 24 закончили школу с отличными и хорошими оценками.

В архивных фондах был обнаружен интересный документ, связанный с этим выпуском: письмо – обращение к товарищу Сталину, принятое на торжественном заседании, посвященном выпуску учащихся 10 класса от 15 июня 1941 г. Приводим дословно содержание письма: «Дорогой Иосиф Виссарионович! Мы – выпускники и командный состав Курской специальной школы ВВС № 4 в торжественный день первого выпуска нашей школы шлем Вам, наш дорогой отец и учитель, пламенный привет. Сегодня мы окончили школу и с нетерпением ждем того дня, когда нас примет в свои ряды наш доблестный, выпестованный Вами, Военно-Воздушный Флот. Придя в ряды Красной Армии, мы будем служить своему отечеству. Так, как служите Вы, дорогой Иосиф Виссарионович. Под руководством партии большевиков, под Вашим личным руководством мы воспитываемся в духе советского патриотизма, в духе преданности великому делу коммунизма. Под Вашим руководством наша Красная Армия стала самой сильной армией в мире. С боевым кличем «За Сталина полки Красной армии побеждали и всегда будут побеждать всех врагов нашей цветущей родины. Да здравствует рабоче-крестьянская Красная Армия и Военно – Морской Флот! Да здравствует партия Ленина-Сталина! Да живет и здравствует многие годы наш родной и любимый Сталин!» [3, л. 64]. Письмо – обращение выпускниками 10 класса было направлено также и наркому обороны, маршалу Тимошенко. Часть в первых выпускников сразу же была призвана на фронт, многие из них погибли.

Осенью 1941 г. фронт приблизился к городу Курску. По решению советского правительства в середине сентября 1941 г. Курская спецшкола № 4 была эвакуирована в город Сарапул (Удмуртия). Не все курсанты школы смогли выехать в Сарапул. Эвакуация продолжалась 16 суток в довольно сложных условиях. Обучение на новом месте продолжалось до

1944 года. В июле 1944 спецшкола вернулась в Курск и разместилась в здании по улице Бебеля, 12. Обучение в школе продолжалось до 1955 г., а 8 июля 1955 г. Советом Министров РСФСР было принято решение № 886 о ликвидации спецшкол ВВС.

За 15 лет существования Курскую спецшколу окончили около 1 800 человек. 300 выпускников приняли участие в Великой Отечественной войне, и большинство из них погибли. Курская ССШ подготовила для авиационных училищ и академий контингент, позволяющий укомплектовать офицерами не менее 13–15 авиационных полков, т. е. почти две воздушные армии. В 1990 г. на здании по улице Бебеля, 12 была установлена мемориальная доска в память о существовании Курской спецшколы № 4.

В целом же спецшколы ВВС сыграли определенную роль в укреплении советской авиации. Учащиеся, окончившие спецшколы, приходили в авиационные училища со знанием уставов Красной армии, основ воинской службы, имели понятия о самолетах и летной профессии и других премудростях армейской жизни. По сравнению с выпускниками, окончившими 10 классов обычной средней школы, «спецы» оказывались намного лучше подготовленными к изучению не только военных предметов, но и общеобразовательных дисциплин. Кроме того, они отличались лучшей физической подготовкой, дисциплинированностью и крепкой товарищеской сплоченностью.

Источники и литература

1. Грабарь В.К. Вскормленные с копыя. Очерки истории детского воинского воспитания. СПб., 2009.
2. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. Р-4977. Оп. 1. Д. 1.
3. ГАКО. Ф. Р-4977. Оп. 1. Д. 7.

С. А. Богданов,

Государственный архив Хабаровского края

СИСТЕМА ОПОВЕЩЕНИЯ МЕСТНОЙ ПРОТИВОВОЗДУШНОЙ ОБОРОНЫ СОВЕТСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация: В годы Великой Отечественной войны важнейшее значение при организации противовоздушной обороны, защиты населения и объектов народного хозяйства имела система оповещения о воздушной опасности. В состав системы оповещения советского Дальнего Востока входили посты воздушного наблюдения, оповещения и связи, службы оповещения и связи, командные пункты, штабы местной противовоздушной обороны. Для предупреждения граждан о воздушной

опасности задействовались специальные средства связи, радио, телефонная сеть, звуковые сигналы предприятий и транспорта. Статья подготовлена на основе архивных документов Российского государственного военного архива, Центрального архива Министерства Обороны Российской Федерации, Государственного архива Хабаровского края и Государственного архива Приморского края.

Ключевые слова: оповещение, связь, командный пункт, пост наблюдения, радио, телефонная сеть, сирены, воздушная тревога, учения, местная противовоздушная оборона, Дальний Восток.

В годы Великой Отечественной войны нестабильная геополитическая и военно-стратегическая обстановка в Азиатско-Тихоокеанском регионе вынуждала руководство СССР предпринимать меры, направленные на усиление обороноспособности, защиту населения и объектов народного хозяйства советского Дальнего Востока. Союзница гитлеровской Германии – милитаристская Япония, сосредоточив вблизи границы с Советским Союзом соединения Квантунской армии, сознательно нагнетала напряженность на дальневосточных рубежах. Значительную угрозу, исходя из опыта военных действий Второй мировой войны, представляли японские военно-воздушные силы. По данным разведывательного отдела Дальневосточного фронта на 1942 г. боевой парк японской авиации в Маньчжурии, Корее и на южном Сахалине составлял 1 909 самолетов, в том числе 747 бомбардировщиков и 593 истребителя [1, л. 21]. В 1941–1945 гг. было зафиксировано 433 случая нарушения воздушного пространства СССР со стороны японской авиации [2, с. 62].

Крупнейшие населенные пункты, предприятия и объекты транспортной инфраструктуры дальневосточного региона находились в зоне возможного поражения японских военно-воздушных сил в связи с их расположением в непосредственной близости от государственной границы, либо на самой границе (г. Благовещенск). Размещение в городах оборонных промышленных предприятий, аэродромов, частей Красной армии и Тихоокеанского флота также повышало вероятность воздушных бомбардировок в случае начала войны.

Вследствие угрозы со стороны японской авиации важнейшее значение формирования местной противовоздушной обороны (МПВО) и органы власти уделяли организации системы оповещения населения. От ее функционирования зависело проведение комплексных мероприятий по минимизации и устранению разрушений от воздушных бомбардировок. Система оповещения предназначалась для предупреждения населения и объектов народного хозяйства о воздушной опасности. В ее состав входили командные пункты, посты воздушного наблюдения, оповещения и связи (ВНОС), службы связи и оповещения, объекты связи (почтамт, телеграф, радиоузлы, телефонные станции). Для оповещения населения

использовались радио, телефонная связь, сирены, звуковые сигналы предприятий.

К началу Великой Отечественной войны местная противовоздушная оборона (МПВО) дальневосточного региона СССР оставалась не подготовленной. Население не было проинформировано о месте нахождения убежищ и правилах их использования [2, с. 107]. Защитные сооружения для укрытия населения возводились в недостаточном количестве. Организация светомаскировки и противопожарной безопасности находились на неудовлетворительном уровне. Аналогичная ситуация сложилась и в системе оповещения о воздушной опасности. Органы власти, формирования МПВО и Осоавиахима не могли в полной мере обеспечить своевременное предупреждение населения. В начале 1941 г. начальник отдела МПВО УНКВД по Хабаровскому краю майор В. И. Быков сообщал руководившему МПВО СССР генерал-лейтенанту В. В. Осокину о том, что сеть связи в городах не была приспособлена к военным действиям [3, л. 9].

Для организации эффективной системы оповещения требовалась установка мощных сирен. Например, в г. Биробиджане на начало 1941 г. сирены отсутствовали как в городе, так и на предприятиях. Оповещение населения по данным председателя исполкома Биробиджанского Совета депутатов трудящихся и начальника МПВО г. Биробиджана З. М. Крайца в основном производилось через радиотрансляционную сеть [4, л. 14].

Положение изменилось с началом Великой Отечественной войны, когда все силы и средства противовоздушной обороны были приведены в состояние боевой готовности. Руководством страны был принят ряд решений о деятельности местной противовоздушной обороны, в том числе и в системе оповещения населения, с учетом требований военного времени. 10 июля 1941 г. Советом Народных Комиссаров РСФСР было принято постановление «Об организации МПВО в городах и населенных пунктах РСФСР», согласно которому на исполнительные комитеты городских Советов депутатов возлагалась задача по созданию в населенных пунктах служб связи и оповещения [5, л. 45].

О появлении авиации противника штабы МПВО должны были предупреждать посты воздушного наблюдения, оповещения и связи (ВНОС). В населенных пунктах на основе городских телефонных и радиотрансляционных сетей создавались службы связи и оповещения. В городах была организована прямая связь с командными пунктами ПВО и постами ВНОС. В подразделениях и командах местной ПВО действовали отделения наблюдения, которые дежурили на вышковых и наземных наблюдательных постах.

Система оповещения, в первую очередь, организовывалась в городах Хабаровского и Приморского краев. В 1941 г. в г. Хабаровске для оповещения населения использовались 11 электросирен, 13 радиодинамиков, 15 звуковых сигналов предприятий, 14 тыс.

радиоточек [6, л. 3.]. В 1941 – начале 1942 гг. в г. Хабаровске по данным начальника городского штаба МПВО майора Сулягина и начальника службы связи города Мамлина была увеличена сеть уличных динамиков (на 1 марта 1942 г. было установлено 46 шт.). Командный пункт города был оборудован средствами связи (телефонами и коммутаторами (устройство для соединения телефонных линий), прокладывались линии связи от штабов и участков местной ПВО к подразделениям [7, л. 3]. В г. Хабаровске также был введен в эксплуатацию новый более мощный радиоузел, который не только улучшил городское радиовещание, но и стал важнейшим средством оповещения населения в условиях противовоздушной обороны.

Важнейшей составной частью мероприятий местной ПВО являлись учения, на которых отрабатывались действия служб связи и оповещения. 26–29 апреля 1943 г. в г. Хабаровске состоялись учения, в проведении которых были задействованы формирования МПВО, гражданское население, части Красной армии и городские предприятия [8, л. 19].

Службы связи и оповещения МПВО на учениях подавали сигналы «Воздушная тревога», которая объявлялась при угрозе воздушного нападения по всему населенному пункту при помощи сирен, звуковых сигналов электростанций и заводов. Для предупреждения о воздушной опасности также задействовались радиотрансляционная и телефонная сеть [9, л. 66]. При химическом поражении местности подавался сигнал «Химическая тревога», который предназначался для передачи на объектах и участках, непосредственно находящихся в зоне поражения, путем ударов в гонг и различные металлические предметы

Население при сигнале «Воздушная тревога» покидало свои дома, квартиры, рабочие места, транспортные средства и укрывалось в защитных сооружениях (убежищах, подвалах, погребах). Группы самозащиты, сформированные из местных жителей, помогали обеспечивать эвакуацию населения в укрытия. Бойцы подразделений МПВО по сигналу «Воздушная тревога» прибывали в заранее определенные точки сбора. В период учений велось круглосуточное дежурство на телефонных, телеграфных и радиостанциях. На предприятия и учреждения городской штаб МПВО направлял дежурных, которые должны были их предупредить об угрозе воздушного нападения. Руководил учениями в г. Хабаровске начальник отдела МПВО УНКВД по Хабаровскому краю подполковник В. И. Быков [8, л. 19]. В годы Великой Отечественной войны учения регулярно проводились в населенных пунктах дальневосточного региона СССР.

В г. Комсомольске-на-Амуре система оповещения организовывалась на основе ведущих городских предприятий. На авиационном заводе № 126 и судостроительном заводе № 199 были оборудованы командные пункты, оснащенные средствами связи и оповещения. Ведущие промышленные объекты также располагали собственными телефонными станциями. На

заводе № 126 работала станция на 500 номеров и сирены [10, л. 17 об.; 11, л. 7 об.]. Начальник отдела МПВО УНКВД Хабаровского края майор В. И. Быков по итогам поверки местной ПВО г. Комсомольска-на-Амуре в декабре 1942 г. отмечал, что сообщение о воздушной опасности городской штаб МПВО получал с командного пункта 6-го бригадного района противовоздушной обороны [11, л. 4 об. – 5]. Штаб в свою очередь передавал распоряжение на теплоэлектростанцию (ТЭЦ) завода № 199 о подаче общегородского сигнала «Воздушная тревога». Звук от производственного гудка ТЭЦ был настолько мощным, что был слышен даже на окраинах города. Население о воздушной опасности также предупреждали по радио и размещенных на территории предприятий сиренах [11, л. 50 об.].

Службы связи и оповещения в Приамурье также были организованы в гг. Николаевске-на-Амуре, Биробиджане, Благовещенске, Куйбышевке-Восточной (в настоящее время – г. Белогорск), Свободный. Подразделения МПВО взаимодействовали с частями противовоздушной обороны Дальневосточного фронта. В г. Благовещенске предупреждение о появлении авиации противника получали с командного пункта 138-го отдельного зенитно-артиллерийского дивизиона, обеспечивавшего противовоздушное прикрытие города [12, л. 19 об.].

Показательно рассмотреть организацию связи и оповещения на примере г. Владивостока. С 1938 по 1942 гг. городские районы, как и в других дальневосточных городах, разделялись на участки. Из-за увеличения количества районов участки были ликвидированы, а вместо них в 1942 г. были образованы «квадраты» [13, л. 2]. По воспоминаниям бойца формирований МПВО И. И. Перминова новые структуры создавались для более оперативного управления силами и средствами, в том числе и для своевременного использования телефонной связи [13, л. 2–3]. Местная ПВО «квадрата» строилась вокруг какого-либо производственного объекта.

Сигнал о воздушной тревоге поступал на командный пункт МПВО города от поста воздушного наблюдения, оповещения и связи ПВО Тихоокеанского флота. Далее сигнал распространялся по «квадратам» города по радио и телефонной сети. В докладе о состоянии местной противовоздушной обороны начальник штаба МПВО г. Владивостока А. Шевченко сообщал управлению МПВО Приморского края, что в командном пункте города для обеспечения связи были установлены два телефонных коммутатора «системы МБ» на 200 номеров, радиорубка с динамиками и громкоговорителями [14, л. 124–124 об.]. При помощи этого оборудования связисты информировали городское население и важнейшие объекты города.

В г. Владивостоке связь также обеспечивали городская телефонная сеть (несколько станций на 900 номеров) и ведомственные телефонные станции (в торговом порту на 450 номеров, в управлении НКВД на

400 номеров) [15, л. 21]. В начале Великой Отечественной войны система оповещения включала 45 сирен, 53 уличных динамика и 12 тыс. бытовых радиоточек в жилых домах [15, л. 4].

Службы оповещения действовали и в других городах Приморского края. В г. Артеме командный пункт МПВО получал сигнал о воздушной опасности от 7-го зенитного артиллерийского полка Дальневосточного фронта. Городское население, по данным начальника МПВО г. Артема Бубнова, получало предупреждение о воздушной опасности по городской телефонной связи, радио (на 1942 г. в городе работало 2 305 радиоточек), сиренами [16, л. 24 об.]. Службы связи и оповещения в Приморском крае также действовали в гг. Ворошилове (в настоящее время – Уссурийск), Спасске-Дальним, Сучане (в настоящее время – Партизанск).

К 1943 г. отделом МПВО Приморского края совместно с краевыми органами связи была установлена система оповещения, позволявшая в течение 30–40 минут с помощью телефона и телеграфа предупредить о воздушной опасности все районы края, вплоть до отдаленных [16, л. 90]. Населенные пункты также получали оповещения от наблюдательных постов Дальневосточного фронта. В Приморском крае не реже одного раза в месяц проводились внезапные проверочные штабные учения, на которых отрабатывались действия штабов и служб МПВО по сигналам «Угрожаемое положение», «Воздушная тревога», «Химическая тревога» в дневное и ночное время на объектах связи (почтамт, телеграф, телефонная станция). Аналогичная система оповещения населенных пунктов была организована и в Хабаровском крае.

Органы власти и МПВО уделяли внимание организации системы оповещения на Камчатке и о. Сахалин. В г. Петропавловске-Камчатском городской штаб МПВО получал предупреждение о воздушной опасности от оперативного дежурного 101-й стрелковой дивизии. Оповещение объектов и служб МПВО осуществлялось через городскую телефонную станцию (рассчитана на 500 номеров) и радиотрансляционный узел (рассчитан на 500 радиоточек) [17, л. 13]. По данным временно исполняющего дела начальника отдела МПВО УНКВД по Хабаровскому краю подполковника А. Голованова в Петропавловске-Камчатском также применялись сирены и звуковые сигналы предприятий [11, л. 60]. Для управления силами и средствами ПВО промышленных объектов использовалась телефонная и диспетчерская связь. На заводах были установлены коммутаторы, которые были соединены с городской телефонной станцией.

В системе оповещения Петропавловска-Камчатского органами МПВО отмечались и недостатки. Станция и радиотрансляционный узел размещались в деревянных зданиях, телефонная сеть была проложена с использованием воздушных линий связи, поэтому при воздушном налете противника они могли быть быстро выведены из строя. Радиотрансляционный узел не имел собственного источника энергоснабжения, его питание осуществлялось от

сети общего пользования местной электростанции, которая работала нерегулярно и ограниченное время [17, л. 13–13 об.]. В отдаленных от центра города районах местные жители из-за недостаточного количества средств оповещения могли не всегда услышать сигнал «Воздушной тревоги». Данные недочеты, были характерны для большинства населенных пунктов, где действовали службы оповещения МПВО.

В административном центре Сахалинской области г. Александровске-Сахалинском штаб местной ПВО получал предупреждение о воздушной опасности от главного поста воздушного наблюдения, оповещения и связи 79-й стрелковой дивизии и от пограничного отряда по прямой телефонной связи. Штаб местной ПВО оповещал население города по радиотрансляционной сети. К радиоузлу были подключены 4 уличных динамика и более 4 тыс. радиоточек [11, л. 59]. Основным средством оповещения города помимо радио также являлась электросирена морского торгового порта, звук которой распространялся на 6–8 км. Старший инспектор МПВО Сахалинской области И. А. Бутовский в феврале 1942 г. по итогам обследования МПВО г. Александровска-Сахалинского, сообщал, что городской штаб в течение нескольких минут мог оповестить население о воздушной опасности [18, л. 37–46].

В деятельность системы оповещения вносились изменения, связанные с опытом Великой Отечественной войны. Начальник Главного управления МПВО СССР генерал-лейтенант В. В. Осокин в октябре 1942 г. в письме, направленном руководителям МПВО населенных пунктов страны, в том числе и Дальнего Востока, сообщал о необходимости подготовки наблюдательных пунктов к работе в зимних условиях, хранения аппаратуры связи в сухих отапливаемых помещениях, проверки функционирования сирен [19, л. 259].

В 1941–1945 гг. службы связи и оповещения на советском Дальнем Востоке существенно усилились. В населенных пунктах были введены в строй новые телефонные и радиостанции, радиоузлы, увеличилось количество сирен, динамиков и радиоточек. Во всех городах были построены командные пункты, оборудованные средствами связи. К 1943 г. в Приморском и Хабаровском краях была внедрена система оповещения, позволившая предупреждать о воздушной опасности населенные пункты в течение 30–40 минут. Работа служб оповещения и средств связи проверялось на регулярных учениях противовоздушной обороны. В годы Великой Отечественной войны в целом удалось организовать систему оповещения населенных пунктов советского Дальнего Востока о воздушной опасности, которая была использована в войне с Японией в августе – сентябре 1945 г.

Список источников и литературы

1. Центральный архив Министерства Обороны Российской Федерации. Ф. 238. Оп. 1586. Д. 152.

2. Ткачёва Г.А. Оборонно-экономический потенциал Дальнего Востока СССР в 1941–1945 гг. Владивосток, 2005.
3. Государственный архив Хабаровского края (далее – ГАХК). Ф. Р-751. Оп. 1. Д. 15.
4. ГАХК. Ф. Р-751. Оп. 1. Д. 13.
5. Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 37878. Оп. 1. Д. 126.
6. РГВА. Ф. 37878. Оп. 1. Д. 276.
7. ГАХК. Ф. Р-751. Оп. 1. Д. 23.
8. ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 1490.
9. Государственный архив Приморского края (далее – ГАПК). Ф. Р-26. Оп. 3. Д. 317.
10. РГВА. Ф. 37878. Оп. 1. Д. 233.
11. ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 1486.
12. РГВА. Ф. 37878. Оп. 1. Д. 206.
13. ГАПК. Ф. Р-1370. Оп. 5. Д. 3.
14. ГАПК. Ф. П-3. Оп.1. Д. 982.
15. РГВА. Ф. 37878. Оп. 1. Д. 213.
16. ГАПК. Ф. П-68. Оп. 4. Д. 355.
17. РГВА. 37878. Оп. 1. Д. 253.
18. ГАХК. Ф. Р-751. Оп. 1. Д. 24.
19. ГАХК. Ф. Р-751. Оп. 1. Д. 19.

Л.И. Будченко,

кандидат юридических наук

Центр документации новейшей истории Волгоградской области

РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРЫ В СТАЛИНГРАДЕ В УСЛОВИЯХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация: Победа в Великой Отечественной войне была достигнута в том числе благодаря государственной политике по мобилизации духовно-нравственных и культурных сил нашего народа. Это нашло яркое отражение в культурной жизни Сталинграда военных лет. На служение Родине во имя Победы были направлены все ресурсы отечественной культуры, что подтверждают многочисленные архивные документы.

Ключевые слова: Сталинград, война, учреждения культуры, восстановление.

В канун Великой Отечественной войны Сталинград – крупный промышленный город, в котором для организации культурного досуга работали 4 театра: областной драматический им. М. Горького на 1 200 мест, музыкальной комедии на 1 100 мест, юного зрителя на 620 мест, передвижной кукольный; областная филармония, два цирка, два музея (краеведческий и обороны Царицына), Дворец пионеров, 11 кинотеатров, музыкальное и художественное училища и другие социально-культурные учреждения. В Сталинграде и 14-и оккупированных

районах области до прихода немцев было 345 клубных учреждений, включая избы-читальни, колхозные клубы и 122 библиотеки с общим числом книжного фонда 919 800 книг [1, с. 43].

В первом полугодии 1941 г. жизнь учреждений культуры Сталинграда шла своим чередом. В январе ТЮЗ ставил спектакль по пьесе Шиллера «Разбойники», драматический коллектив Дома культуры завода «Баррикады» – пьесу Ю. Германа «Сын народа», детский театр Дворца пионеров осуществил постановку «Детство маршала». Регулярно проводились коллективные посещения зоосада, музеев, работала выставка советского эстампа. В феврале закончился областной конкурс на лучшее произведение изобразительного искусства, театр юного зрителя поставил пьесу Ж. Б. Мольера «Мещанин во дворянстве». Весной в ТЮЗе прошла премьера спектакля Д. Щеглова «Побег», съемочная группа режиссеров братьев Васильевых начала съемки фильмов «Поход Ворошилова» и «Оборона Царицына». 18 апреля закончился 2-й тур всесоюзного смотра театральной самодеятельности по Сталинграду [2, с. 4–6]. В зале Сталинградского музыкального училища состоялся первый концерт сталинградских композиторов, областная библиотека имени М. Горького, фонд которой насчитывал на 7 мая 1941 г. около 200 тыс. экземпляров книг, отчиталась о ежедневном посещении до 1000 человек; в картинной галерее открылась выставка работ художников Сталинграда и Астрахани. В конце мая прошли гастроли Изабеллы Юрьевой, ТЮЗ осуществил постановку по пьесе М. Светлова «20 лет спустя». 17 июня на сцене драматического театра выступил симфонический оркестр филармонии г. Ростова. 22 июня в драматическом театре открылась городская олимпиада детского творчества [2, с. 7]. В числе участников была Александра Пахмутова. После ее выступления со сцены театра прозвучало сообщение о начале войны.

23 июня 1941г. бюро Сталинградского обкома ВКП(б) приняло постановление о перестройке всей работы на военный лад, а 26 июня «Сталинградская правда» опубликовала письмо работников искусства Сталинграда с призывом посвятить искусство великой цели – борьбе с врагом и освобождению народов от фашистского гнета. Весь потенциал учреждений культуры был направлен на поддержание в людях морального духа, на формирование чувства боевой готовности к защите Отечества, на обеспечение оперативной информации о событиях на фронте и агитационную работу. В кинотеатрах, на киноплощадках Сталинграда и в Доме Оборона по вечерам демонстрировались фильмы: «Рукопашный бой», «Санитарная служба на войне», «Работа санитарного звена группы самозащиты жилого дома» и др.

1 июля Сталинградское областное литературное объединение совместно со Штабом по обслуживанию призывных пунктов провели творческое совещание с поэтами и композиторами Сталинграда. Обсуждались вопросы помощи Красной Армии. Была перестроена работа

Сталинградского союза художников. Многие из них писали боевые лозунги и плакаты, рисовали карикатуры, оформляли клубы и площади города. По предложению 1-го секретаря обкома ВКП(б) А. С. Чуянова была создана художественно-творческая бригада, артисты которой выступали перед воинскими частями, госпиталями, тружениками тыла. Основными темами в репертуаре театров и концертных бригад стали: единство и сплоченность народа перед лицом врага, героизм воинов, патриотизм, раскрытие характера советского человека. В концертах принимали участие и артисты-кукольники, ставя отрывки из пьес; исполняя злободневные частушки о фашистах, Гитлере и Муссолини.

В театрах города и области срочно менялся репертуар. 3 июля «Сталинградская правда» сообщала, что в самое ближайшее время областным драматическим театром будут поставлены антифашистские пьесы «Профессор Мамлок» Ф. Вольфа и «Ключи Берлина» М. Гуса и К. Финна и что началась подготовка к постановке пьесы К. Симонова «Парень из нашего города».

25 августа 1941 г. Бюро Сталинградского обкома ВКП (б) приняло постановление о перестройке агитационно-массовой работы в условиях военного времени [2, с. 8–10].

1 сентября в Сталинграде состоялся большой концерт с участием исполнителей главных ролей в фильме «Оборона Царицына», сбор от которого поступил в Фонд Оборны [2, с. 9], 22 сентября в областном театре оперетты прошел «Большой вечер оперетты» под девизом «Работники искусств – в Фонд Оборны СССР» [3].

В октябре областной драматический театр поставил героическую драму Б. Дьякова «Мужество» о зверствах фашистов на захваченной советской территории, в ноябре – пьесу «Полководец Суворов». Были представлены и произведения, поднимавшие настроение, вселявшие оптимизм. В сентябре 1941 г. демонстрировалась новая музыкальная комедия «Антон Иванович сердится». В начале 1942 г. в областном драматическом театре готовилась к постановке комедия О. Голдсмита «Ночь ошибок». По понедельникам театр давал спектакли, сбор от которых поступал в Фонд Оборны. На арене зимнего цирка, кроме цирковых трупп, выступали хор имени Пятницкого и Московский театр миниатюры с участием М. Мироновой, А. Менакера, Р. Зеленой [2, с. 10].

В январе 1942 г. в центре города на Октябрьской улице была развернута выставка «Отечественная война советского народа с фашизмом», где были представлены картины, рисунки, карикатуры, выполненные сталинградскими художниками. В феврале прошел большой торжественный концерт «Героический русский народ» с участием всех ведущих артистов города». Последними значительными событиями культурной жизни Сталинграда в канун битвы были: открытие в конце июня 1942 г. в помещении центрального универмага выставки макетов

панорамы «Оборона Царицына» и посещение Сталинграда в июле 1942 г. ансамблем песни и пляски Юго-Западного фронта [2, с. 10–12].

В период с июня 1941 г. по август 1942 г. работники искусств в мобилизационных пунктах, воинских частях и госпиталях дали 3 510 концертов и более 2 000 концертов – коллективы художественной самодеятельности [4, с. 400].

Военное время потребовало перестройки всей системы учреждений культуры, а также форм, методов и содержания их деятельности. На первый план был выдвинут более близкий людям смысл понятия «патриотизм», выраженный в любви к своей семье, близким, к своему дому.

За событиями битвы следила вся страна. Людям необходима была уверенность в победе, укреплению которой помогали выпуски киножурналов и документальных фильмов. «Сталинградская правда» 15 октября 1942 г. сообщала читателям: «Центральная студия кинохроники выпустила на экраны 67 номер киножурнала, в который вошли кадры, заснятые на подступах к Сталинграду...».

В ходе Сталинградской битвы были полностью уничтожены 7 театров, 75 клубов и дворцов культуры из 80-и, 11 кинотеатров, 2 музея, 2 цирка, зоопарк [1, с. 36, 43], дворец пионеров, детская научно-техническая станция, дворец физкультуры. Превратились в развалины несколько десятков библиотек, в том числе областная. Погибли ценные коллекции областного краеведческого музея, картинной галереи [5, с. 17]. Жертвами войны стали творческие работники.

Обширный материал, позволяющий оценить состояние, процесс возрождения и развития культурной жизни Сталинграда в 1943 г. хранит ГКУВО «Центр документации новейшей истории Волгоградской области» (далее – ЦДНВО). Это документы, в которых отражены: роль партийно-государственных структур в реализации культурной политики в регионе, приоритетные направления деятельности учреждений культуры и спектр восстановительных мероприятий.

В освобожденных от гитлеровцев районах области восстановительные процессы начались ещё до окончания Сталинградской битвы. Уже 1 января 1943 г. «Сталинградская правда» писала о Калачевском районе: «Снова в районе забила жизнь... Колхозники деятельно готовятся к весне... Открылся районный клуб, где ежедневно демонстрируются кинофильмы. На днях здесь дали концерт артисты московского театра им. Станиславского»; 13 января она сообщила о работе бригады центральной студии кинохроники, находящейся на Сталинградском фронте, над полнометражным документальным фильмом. Просмотр фильма «Сталинград» в комитете по делам кинематографии при СНК СССР состоялся 4 марта. Фильм был удостоен Государственной премии 1 степени.

На рубеже 1942–1943 гг. Сталинград превратился в один из героических символов всей войны. К теме Сталинграда обратились не только кинематографисты и журналисты, но и писатели, композиторы, художники.

21 декабря Главное политическое управление Красной Армии направило в Сталинград военных художников студии им. М. Грекова с заданием выполнить зарисовки с натуры для организации к 25-летию Красной Армии выставки «Великая Отечественная война в Советском изобразительном искусстве». В январе прибыла группа гражданских художников из 7 человек. В 62-ю армию был откомандирован Поэт Е. Долматовский. В результате поездки он стал автором слов «Песни Сталинградской победы», созданной им вместе с композитором М. Фрадкиным [2, с. 14].

Вдохновленный в 1942 г. стихотворением К. Симонова «Письмо другу» и стихами А. Суркова, М. Лозинского, С. Фейнберга, композитор Ю. Шапорин в апреле 1944 г. создал ораторию для солистов, смешанного хора и симфонического оркестра «Сказание о битве за русскую землю» [2, с. 22].

Состоявшийся 20–21 января 1943 г, в последние дни Сталинградской битвы, XI пленум Сталинградского обкома ВКП(б) постановил «восстановить работу всех политпросветучреждений, особенно изб-читален, парткабинетов, клубов, библиотек, развернув непримиримую борьбу с последствиями немецкой оккупации и немецкой пропаганды, и до 1 марта 1943 г. установить в районах, пострадавших от немецких оккупантов, 7 стационарных установок и 10 кинопередвижек» [6, с. 44–46].

20 января «Сталинградская правда» сообщила, что в поселке Красноармейский оборудован радиоузел; 22 января – что в Кировском районе Сталинграда молодежь, обойдя разрушенные клубы и библиотеки, собрала 10 000 книг; 31 января – что на одном из заводов района при клубе вновь создается ансамбль песни и пляски.

Требование к исполкомам районных сельских и поселковых Советов «в течение февраля 1943 года полностью восстановить всю сеть политпросветучреждений: районных домов культуры, клубов, изб-читален, библиотек, красных уголков» нашло отражение в решении IX сессии областного Совета депутатов трудящихся, проходившей в Сталинграде 10–11 февраля 1943 г. [7, л. 48].

В феврале 1943 г. начались съемки полнометражного документального фильма «Возрождение Сталинграда»; 10 марта в Кировском районе города в помещении клуба железнодорожников открылся первый после окончания битвы кинотеатр. К сентябрю его пропускная способность достигла тысячи человек ежедневно [2, с. 15].

К началу апреля 1943 г. во временно приспособленных помещениях в Сталинграде было открыто два стационарных кинотеатра на 300 и 600 мест и три звуковые кинопередвижки для обслуживания районов города. В

районах области начали работать: звуковой кинотеатр в Нижнем Чире, две звуковые передвижки в Калачевском и Тормосиновском районах [10, л. 9]. С 30 апреля по 2 июня 1943 г. сталинградцам демонстрировались фильмы разного жанра: историко-героические («Оборона Царицына», «Александр Пархоменко», «Александр Невский», «Минин и Пожарский», «Непобедимые», «Антоша Рыбкин», др.); приключенческие и комедийные («Цирк», «Три мушкетера», «Свинарка и пастух» [12, л. 50, 52–54]. Открывавшиеся, как все в Сталинграде, во временно приспособленных помещениях, кинотеатры были наиболее популярными учреждениями культуры. Фильмы демонстрировались регулярно, по 2–3 сеанса за вечер [12, л. 17]. Единственным на тот момент в Сталинграде оборудованным и благоустроенным помещением с хорошим кинозалом стала присланная в мае 1943 г. плавучая культбаза ЦК профсоюза речников [2, с. 20]. С началом восстановления киносети города и области в 1943 г. было проведено 5 тематических фестивалей: «Свободолюбивые народы в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками», «Народы Советского Союза в борьбе с немецко-фашистскими оккупантами», «Русские полководцы», «Советская молодежь защищает свою Родину», «Народные мстители (партизаны)», в рамках которых были показаны художественные, хроникально-документальные фильмы и кинохроника [7, л. 125; 8, л. 112; 11, л. 53].

3 апреля 1943 г. «Сталинградская правда» сообщала, что с 15 апреля в помещении клуба «Сталгрэс» возобновится работа драматического театра, что к этой же дате запланирован пуск первой очереди радиоузла по обслуживанию Тракторного, Баррикадного и Краснооктябрьского районов. В апреле в пяти районах возрождавшегося Сталинграда выступала бригада артистов государственной эстрады [12, л. 47].

19 апреля 1943 г. бюро Сталинградского обкома ВКП(б) приняло постановление об организации постоянно действующей выставки, посвященной героической обороне Сталинграда, в мае бригада артистов Ленинградского Малого академического оперного театра дала в Сталинграде 25 концертов. 18 из них были шефскими [2, с. 15–17]. В мае 2 тыс. жителей Дзержинского района Сталинграда посмотрели концерты артистов Москвы и Ленинграда [12, л. 55].

Большую роль на начальном этапе восстановительного процесса сыграли создававшиеся коллективы художественной самодеятельности, театры, кружки рабочей молодежи, предоставлявшие людям возможность удовлетворить духовные потребности. С целью их создания, в мае в Сталинград приехала творческая бригада, а Всесоюзный дом творчества прислал большое количество театрального реквизита [4, с. 401]. Для организации художественной самодеятельности молодежи, 10 июля в Сталинград прибыла группа студентов театральных, музыкальных и художественных вузов Москвы [2, с. 19]. В августе – сентябре 1943 г. в

городе были проведены районные и городской смотры художественной самодеятельности [12, л. 50, 52–54].

Анализ архивных документов показывает, что советские партийные и государственные органы, прекрасно понимая, что все трудности процесса восстановления Сталинграда лежат на плечах простых людей, принимали необходимые меры к созданию приемлемых условий для организации их досуга. Спустя 3 месяца после освобождения города «Сталинградская правда» сообщала, что культурная жизнь города оживилась: «Театр, кино полны зрителями. С большим успехом демонстрируется фильм “Сталинград”, который уже посмотрели 27 тыс. человек» [14, с. 403].

13 июня 1943 г. в «Сталинградской правде» была размещена информация о том, что Музей Оборона, открывший выставку в подвале Сталинградского универмага, ежедневно посещают до 800 человек; 18 июня – что в Сталинграде прошли, ставшие большим событием культурной жизни города, концерты Л. Орловой, а 23 июня – о концертах бригады артистов Сталинградского театра музыкальной комедии. В августе в центре разрушенного города на площади Павших борцов в присутствии от 5 до 6 тыс. сталинградцев состоялся грандиозный концерт ансамбля песни и пляски НКВД СССР под управлением З. Дунаевского, насчитывавший 200 участников [12, л. 20].

Несмотря на тяжелый урон, причиненный Сталинградской области, работа по культурному обслуживанию населения возрождалась с большим размахом. Сталинградская филармония организовала женский ансамбль народной песни и ансамбль танца. Возобновились концерты филармонии в частях Красной Армии и в районах области. В библиотечный фонд Сталинграда поступали книги. 10 ноября 1943 г. газета «Правда» сообщала, что ленинградцы в Сталинград отправили 342 678 книг и 29 укомплектованных библиотечек.

Осенью 1943 г. в здании клуба в Бекетовке возобновила обслуживание читателей областная библиотека [2, с. 19–20]. Значительным событием стало открытие выставки сталинградских художников [4, с. 401–402]

В ноябре 1943 г., после возвращения театральных коллективов из эвакуации, на работу в Сталинград были направлены актеры из Малого академического театра, МХАТа им. Горького, театра Ленинского комсомола, Саратовского государственного драматического [6, с. 64–65].

Областной драматический театр начал репетировать пьесу Ю. Чепурина «Сталинградцы» [12, с. 112]. Спектакль, сценарий которого был написан участником боев за город старшим лейтенантом Ю. Чепуриным, шел с огромным успехом. Это была одна из первых попыток создать сценические образы героев-защитников Сталинграда.

Из 16 млн рублей, собранных к июлю 1943 г. комсомольцами 28-и республик, краев и областей в фонд восстановления Сталинграда, 2 млн было решено выделить на восстановление ГЮЗа [9, л. 204].

С сентября 1943 по апрель 1944 г. 210 молодежно-комсомольских добровольческих (черкасовских бригад) восстановили 86 культурно-бытовых и жилых объектов [13, л. 6–9].

К 1 января 1944 г. в систему отдела искусств Сталинградского областного Совета депутатов трудящихся вошли следующие учреждения культуры:

Сталинградский областной драматический театр им. М. Горького;
Сталинградский областной театр музыкальной комедии;
Сталинградская областная филармония;
Сталинградский Союз и Товарищество художников;
Сталинградский фотокомбинат;
Камышинский городской драматический театр;
Урюпинский колхозно-совхозный театр;
Урюпинская музыкальная школа;
Областной Дом народного творчества;
Областной кукольный театр [9, л. 25].

К завершению Великой Отечественной войны в Сталинградской области работали: 61 дом культуры, 956 изб-читален, 140 колхозных клубов, 127 красных уголков. В 4 тыс. кружков было вовлечено около 75 тыс. человек. В 36-и районах действовали кинотеатры [4, с. 402].

Источники и литература

1. Сталинградская областная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба общественным организациям, государственным предприятиям и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям Сталинградской области: Документы / под. ред. М. М. Загоруйко. Волгоград, 2008.
2. Летопись культурной жизни Сталинграда 1941–1945 гг. Волгоград, 2010.
3. Сталинградская правда. 1941. 16 сент.
4. Величкин А.И. Учреждения культуры и война. Сталинград в бою и труде. Документы, очерки, воспоминания. Волгоград, 2005.
5. Петрова И.А., Комиссарова Е.В. Социально-культурная жизнь Сталинградской области в период Великой Отечественной войны. Великая Отечественная война 1941–1945 гг. в судьбах народов и регионов. Сб. статей. Казань, 2015.
6. Культурное строительство в Волгоградской области. Сб. документов и материалов. Волгоград, 1980. Т. 2.
7. Государственный архив Волгоградской области (далее – ГАВО). Ф. Р-6525. Оп. 1. Д. 2
8. ГАВО. Ф. Р-6525. Оп. 1. Д. 12.
9. Центр документации новейшей истории Волгоградской области (далее – ЦДНИВО), Ф. 113. Оп. 14. Д. 6.
10. ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 14. Д. 128.
11. ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 18. Д. 99.
12. ЦДНИВО. Ф. 71. Оп. 2. Д. 109.

13. ЦДНИВО. Ф. 171. Оп. 88. Д. 225.

14. Книга памяти. Сталинградцы в бою и труде 1941–1945. Воспоминания. Документы. Фотографии. Волгоград, 1994.

15. Культурная жизнь в СССР. Хроника. 1941–1950 г. М., 1977.

Е. Н. Бутенко,

Коммунарская средняя общеобразовательная школа

О БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЯХ ЧАСТЕЙ И СОЕДИНЕНИЙ 70-Й АРМИИ ЦЕНТРАЛЬНОГО ФРОНТА В РАЙОНЕ СЕЛА САМОДУРОВКА

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению хода боевых действий в районе села Самодуровка 6–10 июля 1943 г. На основе документов Центрального архива Министерства обороны РФ, воспоминаний непосредственных участников битвы автор выявляет и уточняет многие детали этого сражения, показывает мужество и стойкость советских воинов.

Ключевые слова: Курска битва, Самодуровка, 70-я армия, боевые действия, оборона.

В ходе Курской стратегической оборонительной операции на северном фесе Курской дуги в числе трех общевойсковых армий, которые участвовали в отражении удара 9-й полевой армии вермахта с орловского плацдарма на Курск, была и 70-я армия генерал-лейтенанта И. В. Галанина. К исходу дня 5 июля 1943 г. передний край советской обороны проходил по рубежу: Самодуровка – Соборовка – Гнилец. Противнику удалось углубиться от переднего края главной полосы обороны в стыке 70-й армии до 8 км. Именно это обстоятельство, по мнению начальника штаба 140-й стрелковой дивизии полковника П. О. Баумана, вынудило 140-ю стрелковую дивизию генерал-майора А. Я. Кисилева выйти на участок: Самодуровка – Ольховатка. Там же заняла оборону 3-я истребительная противотанковая бригада полковника В. Н. Рукосуева [1, с. 61]. Также чтобы ликвидировать угрозу обхода правого фланга 70-й армии и задержать противника, в ночь с 5 на 6 июля 1943 г. на направлении: Красавка – Никольское – Самодуровка занял рубежи 282-й стрелковый полк 175-й стрелковой дивизии подполковника А. З. Верина [2, с. 21].

На следующий день, 6 июля 1943 г., к 4.00 3-я истребительная противотанковая бригада заняла противотанковую оборону двумя узлами сопротивления на рубеже: юго-западная окраина Погореловцы – выс. 238,1 – Самодуровка СС – выс. 240,0 [3, л. 72 об.]. Согласно воспоминаниям бывшего начальника штаба артиллерии Центрального фронта генерал-лейтенанта Г. С. Надысева, 1-й узел противотанковой обороны, в состав

которого входили две батареи 76-мм и батарея 45-мм орудий, батарея 82-мм минометов, противотанковый батальон, располагался у 234-й, 238-й и 234-й высот. 2-й узел противотанковой обороны, в состав которого входили две батареи 76-мм орудий, батарея 45-мм пушек, батарея 82-мм минометов и батальон противотанковых ружей располагался у села Теплового [4, с. 21].

В 18.00 после мощной артиллерийской подготовки противник 150-ю танками, построенных буквой «Т», начал атаку на боевые порядки 3-й истребительной противотанковой бригады, в направлении района обороны 1-й артиллерийской батареи [3, л. 72 об.]. Через полчаса два батальона немецких пехоты, поддерживаемые 150-ю танками уже атаковали 2-й узел противотанковой обороны. Это наступление поддерживало до 50-и вражеских самолетов, которые интенсивно бомбили советские позиции. Согласно воспоминаниям Г. С. Надысева «... первым по наступающим танкам открыл огонь командир орудия старший сержант Г. Т. Скляр. Два выстрела – и средний танк подожжен. Остальные вражеские машины продолжали двигаться вперед. Когда они подошли к батарее на 600–700 м, по бортам танков открыли огонь еще две наши батареи. Противник потерял пять тяжелых танков и отошел на исходный рубеж...» [4, с. 21–22].

В 19.20 из района северо-восточной окраины села Самодуровка немцы при поддержке более 70-и танков вновь атаковали 2-й узел противотанковой обороны. В мемуарах К. П. Казакова находим следующие сведения об этом сражении: «...Батарея старшего лейтенанта Д. М. Андреева приняла на себя жесточайший артиллерийско-минометный огонь и атаки бомбардировщиков с воздуха. Огневые позиции были изрыты снарядами и авиабомбами, но расчеты продолжали упорный бой. Командир расчета старший сержант Н. С. Серьга был тяжело ранен осколком мины, его тотчас заменил наводчик сержант А. С. Лазуткин. В течение получаса артиллеристы подбили и подожгли четыре вражеских танка. В расчете старшего сержанта П. М. Катюшенко в первые же минуты боя был убит наводчик, его заменил замковый А. В. Пузиков. Очередной снаряд попал в пушку, от его осколков погиб весь расчет, кроме А. В. Пузикова. Сильно контуженный, но живой, он продолжал бой, стреляя по фашистам из автомата. Расчет старшего сержанта П. С. Коваленко подбил три танка, однако четвертый остановить не успел – тот проутюжил огневую позицию... Противнику не удалось значительно вклинуться в противотанковый опорный пункт, обороняемый ротой бронебойщиков с ружьями ПТР и батареей старшего лейтенанта Д. М. Андреева. На южных окраинах Самодуровки, на склонах высоты стояли подбитыми или горели 14 немецких танков...» [5, с. 101–102].

Однако немцы стремились во что бы то ни стало подавить сопротивление 2-го узла противотанковой обороны. В 20 часов 20 минут противник силою до 40 танков в третий раз атаковал советские позиции.

Г. С. Надысев вспоминал: «... Атаку приняли на себя батарея старшего лейтенанта Н. Н. Грипася и рота противотанковых ружей под командованием старшего лейтенанта И. А. Самохвалова. Эта третья атака также захлебнулась. Бронебойщики залповым огнем подожгли три средних и два тяжелых танка...» [6, с. 137].

Ночью, согласно боевому распоряжению штаба 70-й армии, началось выдвижение 96-го стрелкового полка 140-й стрелковой дивизии полковника А. С. Григорьева. К 24.00 96-й стрелковый полк закончил сосредотачиваться между селами Самодуровка и Теплое [7, л. 40].

На рубеже северная дорога Погореловцы – Самодуровка оборонялись части 70-й гвардейской стрелковой дивизии генерал-майора И. А. Гусева: 205-й подполковника Ф. И. Печенюка и 207-й подполковника М. С. Хорунжия гвардейские стрелковые полки. 282-й стрелковый полк 175-й стрелковой дивизии подполковника А. З. Верина оборонялся на линии дороги южнее этих сел [7, л. 39 об.].

Говоря о боевых действиях частей и соединений 70-й армии, которые велись 6 июля 1943 г. нельзя не отметить мужество помощника командира взвода 205-го гвардейского стрелкового полка, гвардии старшего сержанта Х. М. Мухамадиева. Как отмечено в его наградном листе: «6 июля 1943 г. в районе села Самодуровка до 60 немецких танков двинулись на наши боевые порядки... Подпустив танки на расстояние 50 м, тов. Мухамадиев дал команду стрелять по танкам. Неравный бой длился больше часа. За это время Мухамадиев огнем из противотанкового ружья лично поджег три средних немецких танка. Атака была сорвана. 8 июля 1943 г., в районе выс. 238,1 ... выскочив из окопа он подполз к немецким танкам и забросал их гранатами и бутылками с зажигательной смесью. Три танка «Тигр» стали гореть ярким пламенем... 8 июля, когда танки прорвались к окопам, стал забрасывать их гранатами и бутылками. Поджег три «Тигра» ... Еще два средних танка Мухамадиев уничтожил из противотанкового ружья 15 июля 1943 г. ...» [8, л. 297–297 об.]. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 августа 1943 г. Х. М. Мухамадиеву было присвоено звание Героя Советского Союза [9, с. 156].

В ночь на 7 июля 1943 г. 3-я истребительная противотанковая бригада полковника В. Н. Рукосуева произвела перегруппировку сил 2-го противотанкового узла и к утру заняла боевые порядки на северной окраине Самодуровки [3, л. 73].

В этот день, 7 июля 1943 г., как впоследствии вспоминал генерал-лейтенант, бывший начальник штаба 70-й армии В. М. Шарапов: «Рота 384-го саперного батальона под командованием лейтенанта Ковальчука под огнем фашистской артиллерии и минометов в течение двух часов на подходе к Самодуровке установила 400 противотанковых и противопехотных мин. За пять часов боя на них подорвалось 18 танков...» [21, с. 222].

Активные боевые действия за село Самодуровку и высоты, расположенные вокруг нее, начались 8 июля 1943 г. В 6.30 около 300 немецких танков с автоматчиками вышли на рубеж: северная окраина Кашара – северная окраина Самодуровки. Как следует из журнала боевых действий 2-й истребительной дивизии, разделившись на 3 группы, противник атаковал боевые порядки 3-й истребительной противотанковой бригады. Основной удар пришелся на артиллерийскую батарею капитана Г. И. Игишева. Подпустив танки на расстояние 500–600 м, батарея открыла интенсивный огонь, подбив 8 танков противника [3, л. 75]. В наградном листе капитана Г. И. Игишева говорится, что он, будучи контужен и ранен, поднял в бой автоматчиков и артиллеристов, которые прикрывали его батарею. В результате автоматчики противника были выбиты с участка обороны, занимаемой батареей. Однако сам Г. И. Игишев в этом бою пал смертью храбрых [11, л. 701–702.]. 7 августа 1943 г. ему было присвоено звание Героя Советского Союза посмертно, а село Самодуровку в 1959 г. переименовали в Игишево [12, с. 22].

В этот же день, 8 июля 1943 г., отличился в бою и командир огневого взвода 6-й батареи 167-го гвардейского легкого артиллерийского полка гвардии младший лейтенант В. К. Ловчев. В ожесточенном бою с неприятелем в районе селений Самодуровка – Теплое, когда на 6-ю батарею двинулось около 15 вражеских танков, В. К. Ловчев, под градом осколков мин, снарядов и бом, выкатил свое орудие на руках на открытую огневую позицию для стрельбы по танкам прямой наводкой. В этом бою он уничтожил 6 вражеских танков, из них два немецких танка «Тигра». Несмотря на тяжелое ранение, до последнего продолжал отстреливаться из своего орудия. Как и Игишев В.К. Ловчев погиб в этом бою, а 8 сентября 1943 г. ему было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза [13, л. 116].

Нельзя не отметить подвиг командира орудия 5-й батареи 167-го гвардейского легкого артиллерийского полка старшего сержанта Ф. Г. Резника. В бою 8 июля 1943 г. в районе селений Самодуровка – Теплое он лично уничтожил два вражеских танка и до взвода пехоты противника, за что также получил звезду Героя Советского Союза [14, л. 55; 9, с. 353].

После подавления сопротивления 1-й артиллерийской батарее Г. И. Игишева, противник всю свою силу: около 60 танков и сопровождающих их 50 самолетов обрушил на 7-ю артиллерийскую батарею старшего лейтенанта В. П. Герасимова. Подбив 12 вражеских танков, батарея Герасимова также, как и батарея капитана Игишева, героически погибла [3, л. 75]. Далее, как отмечал в воспоминаниях К. П. Казаков: «... Преодолев сопротивление 7-й батарее старшего лейтенанта В. П. Герасимова, лавина танков устремилась вперед, но наткнулась на готовые к бою орудия 6-й артиллерийской батареи старшего лейтенанта Н. Н. Грипась. В коротком бою их огнем было уничтожено еще

девять танков, и враг, не выдержав губительного артиллерийского огня, второй раз за этот день отошел в исходное положение. В этот день противник предпринял еще две сильнейшие атаки на боевые порядки бригады, в которых участвовало до 250 танков, но, несмотря на огромную силу удара, артиллеристы бригады выстояли. Остальные батареи артиллерийского полка бригады дрались с врагом так же стойко и умело, как 1-я и 7-я батареи. Попытки врага прорвать нашу оборону на этом участке дорого обошлись ему. Только от огня артиллерии 3-й истребительной бригады за один день противник потерял более 100 танков и отказался от попыток прорвать нашу оборону на этом участке. 3-я истребительная бригада оборонялась на одном из важнейших участков фронта; несгибаемая стойкость, высокое боевое мастерство и героизм ее личного состава оказали большое влияние на весь последующий ход оборонительного сражения на этом направлении...» [15, с. 150–151].

В 12.30 противник, произведя перегруппировку своих сил начал обход 6-й артиллерийской батареи старшего лейтенанта Н. Н. Грипась с тыла в направлении, где размещались 3-я батарея старшего лейтенанта Ю. И. Любарского и 2-й противотанковый батальон капитана Г. П. Быкова. Создалась угроза подавления оставшихся частей 3-й истребительной противотанковой бригады. Командир бригады В. Н. Рукосуев ввел в бой свой резерв: три орудия 5-й артиллерийской батареи и взвод автоматчиков, который занял оборону на безымянных высотах. Ввод в бой этого резерва предотвратил выход танков противника во фланг 6-й артиллерийской батареи. В журнале боевых действий 2-й истребительной дивизии отмечено: «... в 13.50 до 100 танков противника с автоматчиками начали ожесточенную атаку оставшихся подразделений частей 3-й истребительной противотанковой бригады, имея задачу выйти им в тыл, окружить и уничтожить их. Подразделения бригады, несмотря на численное превосходство противника не отступили... Не добившись успеха и потеряв 54 танка, противник снова отошел на исходный рубеж...» [3, л. 75 об.].

Подводя итоги сражениям, происходившим 8 июля 1943 г., важно отметить следующие моменты. В этот день особенно активизировалась немецкая авиация. Боевые самолеты противника группами пикирующих бомбардировщиков в составе 30–40 самолетов с 5 утра начали бомбить советские боевые порядки [7, л. 43]. В 8 часов, после массированного налета и 30 минутной артиллерийской подготовки, два немецких батальона пехоты при поддержке танков начали наступление в двух направлениях: на восточную и северо-восточную окраины Самодуровки [7, л. 43 об.].

Основной удар вражеских танков и пехоты, которые наступали в направлении восточной окраины Самодуровки, принял на себя 2-й стрелковый батальон Н. В. Грешнова. Как следует из журнала боевых действий 140-й стрелковой дивизии «...личный состав батальона мужественно отражал атаки танков и пехоты противника. До 15.30 часов

батальон отразил 5 ожесточенных атак противника, понес большие потери, потеряв более 60 % личного состава, израсходовав все боеприпасы, потерял до 80 % противотанковых огневых средств и станковых пулеметов. Батальон организованно своим правым флангом отошел на линию дороги: Самодуровка СС – Теплое фронтом на восток. В результате боев за восточную часть Самодуровки батальон уничтожил до 20 танков противника и до 1500 солдат и офицеров противника...» [7, л. 44].

Немцам к 15.30 удалось овладеть восточной частью села, сосредоточив в оврагах до полка пехоты и 40 танков. Основная масса их была остановлена советскими бойцами и до переднего края обороны не дошла. Однако отдельным группам все же удалось прорваться. В бой, помимо артиллерии, вступала пехота, применяя бутылки с горючей жидкостью. Немецкая пехота, наступавшая вслед за танками, огнем фланкирующих пулеметов была отрезана и залегла. Потеряв до 10 танков и более батальона пехоты, противник к 19.00 отошел на северные скаты высоты 238,1 [1, с. 63].

На следующий день 9 июля 1943 г. части 140-й стрелковой дивизии удерживали рубежи к югу от села Теплового [16, л. 39]. К 10 июля на данном рубеже к обороне также были привлечены 19-й танковый корпус генерал-майора И. Д. Васильева и 140-я стрелковая дивизия генерал-майора А. Я. Кисилева. С 12.30 до 13.20 части 19-го корпуса отразили две вражеские атаки силой до батальона автоматчиков, которых поддерживали более 30 танков [17, л. 47].

14 июля 1943 г. 162-я стрелковая дивизия генерал-майора С. Я. Сенчилло совместно с 4-й гвардейской истребительно-противотанковой артиллерийской бригадой полковника Н. П. Сазонова, 40-м инженерно-танковым полком подполковника Н. В. Маточкина, 92-м гвардейским минометным полком подполковника П. П. Царева занимали рубеж на западной окраине села Самодуровка [16, л. 62].

На следующий день, 15 июля 1943 г., в 5.00 часов после получасовой артиллерийской подготовки советские войска перешли в наступление. Немцы, отойдя на рубеж Самодуровка – Теплое, оказывали упорное сопротивление нашим наступающим частям, ведя непрерывный артиллерийский и минометный огонь из районов [3, л. 85]. К 9 утра части 70-й армии вели бой на восточной окраине села Самодуровка [17, л. 66]. К 18.00 часам 162-й стрелковой дивизии удалось закрепиться на линии Теплое – восточная окраина Самодуровки [16, л. 67.]. К исходу дня, советским войскам удалось овладеть северо-западной окраиной Самодуровки [3, л. 85].

16 июля 1943 г. части 140-й стрелковой дивизии начали наступление в направлении Самодуровки. Отбрасывая заслоны противника и преодолевая артиллерийский и минометный огонь, части 140-й стрелковой дивизии смогли выйти на восточную и южную окраины села [7, л. 57]. Важно отметить, что согласно журналу боевых действий 140-й

стрелковой дивизии выход 258-го стрелкового полка на восточную окраину Самодуровки резко ослабил сопротивление противника. Подразделение полка броском, преодолев более 600 м, к 15.00 ворвались на северную окраину восточной части Самодуровки. В 18.00 подразделения 258-го стрелкового полка полностью очистили от врага Самодуровку [7, л. 57 об.].

В боях за село Самодуровку и высоты, расположенные вокруг нее, погибло более 1 600 человек [18, с. 56–392]. Подвиги участников этого сражения не забывали. Согласно журналу боевых действий 2-й истребительной дивизии, за героические поступки, совершенные в период с 6–10 июля 1943 г. в районе сел Самодуровка и Погореловцы, бойцы и командиры 3-й истребительной противотанковой бригады получили правительственные награды: 10 человек были награждены орденами Отечественной войны I степени, 60 человек – орденами Красной Звезды, 49 человек – медалями За отвагу, 20 человек получили медаль За боевые Заслуги [3, л. 78 об.; 81–84].

По решению Военного совета Центрального фронта недалеко от деревни Теплое 26 ноября 1943 г. был сооружен первый памятник воинской славы в СССР, в честь героев 3-й противотанковой истребительной артиллерийской бригады. Памятник представлял собой 12-метровый обелиск, на постаменте которого установлена одна из пушек артиллерийского полка 3-й истребительной бригады, в том виде, в каком ее подобрали на поле боя после сражения. «Вечная слава героям-артиллеристам, павшим 7–12 июля 1943 года в боях с немецко-фашистскими захватчиками в районе села Теплое», – гласят слова, начертанные на постаменте. По верхнему краю постамента расположена надпись: «Ваш подвиг бессмертен. Товарищ! Склони голову перед павшими за Родину» [19, с. 61].

9 мая 1975 г. в честь празднования 30-летия Победы у северной окраины деревни Теплое на месте кровопролитных боев бывшими воинами 140-й стрелковой дивизии был открыт памятник-восьмиметровый знак с цифрами «140». Слова, начертанные на постаменте гласят: «Сибирская Новгород-Северская ордена Ленина, дважды Краснознаменная, орденов Суворова и Кутузова стрелковая дивизия 7–16 июля 1943 г. на рубеже Самодуровка – Теплое – Погорельцы стояла насмерть, чтобы жили вы» [20, с. 81].

Подведя итоги своего исследования, отмечу, что воины 70-й армии Центрального фронта, участвуя в боевых действиях у села Самодуровка, оказали весомый вклад в победу на Курской дуге. К сожалению, не все учащиеся школ г. Курска и Курской области знают о событиях, произошедших в начале июля 1943 г. у села Самодуровка. Задача современного учителя истории на уроках краеведения, внеклассных мероприятиях посвященных Великой Отечественной войне, уделять должное внимание этой страничке нашей истории.

Источники и литература

1. Через годы, через расстояния...: О боевых делах и людях 140-й Сибирской дивизии: сб. / сост. И. М. Дажина. Новосибирск, 1977.
2. Боевой путь 175-й Уральско-Ковельской Краснознаменной ордена Кутузова стрелковой дивизии 125-го Берлинского ордена Кутузова стрелкового корпуса (в составе 70-й, 48-й и 47-й армии Центрального, Белорусского, 1-го Белорусского фронта) / Сов. ком. ветеранов войны. М., 1983.
3. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ). Ф. 9673. Оп. 1. Д. 4.
4. Надысев Г.С. Артиллеристы Центрального фронта в боях за Родину. М., 1944.
5. Казаков К.П. Огневой вал наступления. М., 1986.
6. Надысев Г.С. На службе штабной. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1976.
7. ЦАМО РФ. Ф. 1366. Оп. 1. Д. 18.
8. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 682525. Д. 40.
9. Герои Советского Союза: Краткий биографический словарь в двух томах. Т. 2. Леонов – Ящук / под ред. В. П. Горемыкина М., 2015.
10. ЦАМО РФ. Ф. 9673. Оп. 1. Д. 4.
11. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 793756. Д. 19.
12. Манжосов А.Н., Коровин В.В., Золотухин А.Ю. Памятники, посвященные событиям 1943 года на Курской земле // Военно-исторический архив. 2013. № 5 (161).
13. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7523. Оп. 4. Д. 192.
14. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 682526. Д. 1252.
15. Казаков К.П. Всегда с пехотой, всегда с танками: краткий исторический очерк о действиях артиллерии в некоторых операциях Великой Отечественной войны. М., 1969.
16. ЦАМО РФ. Ф. 62. Оп. 321. Д. 171.
17. ЦАМО РФ. Ф. 62. Оп. 321. Д. 215.
18. Книга памяти, Российская Федерация. Курская область. Т. 17. Ч. 4. Курск, 2018.
19. Манжосов А.Н., Золотухин А.Ю. Год 1943: первые памятники героям на северном фланге Курской дуги // События и люди в документах курских архивов. Вып. XVI: 75-летию годовщины Победы в Курской битве посвящается. Курск, 2017.
20. Золотухин А.Ю., Коровин В.В., Манжосов А.Н. Стоят обелиски торжественно строго: (памятники боевой славы Курского края, посвященные событиям и героям Великой Отечественной войны). Курск, 2013.
21. Шарапов В.М. Герои 70-й армии // Курская битва. Воспоминания. Статьи / сост. П. М. Бельдиев, С. М. Филиппов. Воронеж, 1973.

С. В. Герасимова,

Курская региональная военно-историческая
общественная организация «Рядовые истории»

«РЯДОВЫЕ ИСТОРИИ»: УСТНАЯ ИСТОРИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ЖАНРЕ КИНОАЛЬМАНАХА

Аннотация: серия киноальманахов «РЯДОВЫЕ ИСТОРИИ» (режиссер Светлана Герасимова) посвящена «устной истории» Великой Отечественной войны и представляет собой сборники, основанные на

видеоинтервью ветеранов. То, что случилось с ними, – невероятно и... обычно для войны. Киноальманах объединил остросюжетные и/или остропсихологические новеллы, став творческой лабораторией на стыке жанров.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, устная история, киноальманах, реконструкция, хроника, постдок, метафора-кадр.

«Я Вам такой случай расскажу...», – эта фраза звучит, когда между участниками видеоинтервью складываются теплые, доверительные отношения. Когда от общих воспоминаний о войне, неизбежных в начале разговора-знакомства, ветераны переходят к личной истории Великой Отечественной, где среди ежедневного ратного труда и случались те самые «случаи», происшествия, которыми потом делишься с друзьями. Как правило, это что-то экстраординарное, часто – связанное с прямой угрозой гибели, которой чудом удалось избежать.

Они могут представлять интерес для историков, содержать важные детали, может быть, проливать свет на громкие события, как, например, история, рассказанная ветераном Борисом Баланенко. Спецсвязист, помощник начштаба 450-го БАО, он не вдавался в подробности службы. Но в последнем своем интервью вспомнил события конца зимы 1944 года, когда попал в засаду боевиков УПА (новелла «ЗАПАДНЯ»). Случилось это недалеко от Новоград-Волынского. Машину, везшую Баланенко, остановил дорожный патруль, оказалось – переодетые диверсанты... Спаситься из плена удалось потому, что основные силы бандгруппы были внезапно переброшены для новой засады, спецсвязист утверждал: на Волыни охотились и «адресно» за Ватутиным. У националистов были личные счеты с командующим 1-м Украинским фронтом: еще в 1920-х он воевал с бандами Махно и другими противниками советской власти на Украине. Примерно в то же время, что и Баланенко, Ватутин попал в засаду и был смертельно ранен.

Увы, в силу специфики устной истории такие случаи трудно перепроверить... С другой стороны, события, о которых идет речь, могут быть и незначительными с точки зрения исторической науки. И при этом оставаться яркими свидетельствами высоты духа и мужества советских солдат и офицеров, стойкости тружеников тыла – характеризовать фронтовое поколение. Последним для сына полка, только что получившего права водителя ЗИС-5 Николая Николаева мог стать рейс в Восточных Карпатах (новелла «ЗАХАР ИВАНЫЧ И СЫНОК»). Единственную дорогу, которой пользовалась часть, простреливали немцы. Подвоз боеприпасов был под угрозой. Двое водителей погибли. Остался «сынок», как звали Колю командиры, он мог отказаться от опасной поездки – приказа не было, но все-таки сел за руль... Новелла «СТРАШНЕЕ СМЕРТИ» рассказывает историю спасения двух немецких мальчишек. Зима 45-го, Померания. К нашему полковому госпиталю бабушка-немка

приводит полуживых внуков. Их запястья изрезаны: детей решила убить собственная мать, чтобы не оставлять «на растерзание» красноармейцам. Прихода советских войск местное население боится больше, чем смерти: гитлеровская пропаганда запугивает людей «ордами с Востока», «степными подонками». Но что делать, если спасти внуков могут только «подонки»?..

В структуре интервью такие «случаи», «истории» стоят особняком. От «обычных» воспоминаний-описаний, повествующих о боевом пути ветерана, они отличаются ярко выраженной «драматургичностью», сюжетно-композиционным стержнем. Это воспоминания-события, с завязкой и развитием действия, кульминацией и развязкой. При этом практически все обладают жанровыми признаками новеллы: они остросюжетны и/или остропсихологичны. Когда подобные истории начали накапливаться, стало понятно: это – необычный и очень «киногеничный» материал, который просится в работу. По сути, – готовые сценарии. При этом подбор «случаев», «историй» не был самоцелью, скорее – счастливой случайностью.

Наша Курская региональная военно-историческая общественная организация «РЯДОВЫЕ ИСТОРИИ» работает в формате устной истории, цель – сохранение памяти о военно-историческом прошлом России и популяризация военного наследия Курской области. В базе данных – более сотни часов подробных интервью. Но этот формат – не для широкой публики. Возникла идея: выйти с воспоминаниями о войне через «случаи», «происшествия», о которых рассказывают ветераны. Такие истории всегда вызывают интерес в силу своей драматургической и психологической напряженности.

Так в 2017-м году родился авторский проект – киноальманах с одноименным названием «РЯДОВЫЕ ИСТОРИИ». Идея объединить новеллы пришла сразу. Каждая из них – малая форма, до самостоятельного неигрового фильма или очерка «недорастает»: локальное событие, одна сюжетная линия, одно-два действующих лица, хронометраж в среднем – 3–5 минут и т. д.

Для меня как автора и режиссера проект стал непрерывной творческой лабораторией. В кадре – реконструкция воспоминаний, главный вопрос: как с ними работать? Киноальманах использует приемы неигрового и игрового кино, существуя на стыке жанров. Одна история – одна новелла. Основа киноальманаха – рассказчики: человек на крупном или первом среднем плане – важно видеть его эмоции. Повествование уходит за кадр и строится на видео- и фотохронике.

В качестве рассказчиков выступают не только ветераны. У мирных жителей, свидетелей гитлеровской оккупации – своя правда войны. Иногда рассказчиками становятся поисковики. Так, поводом для кульминационной новеллы первого альманаха, посвященного Курской битве, «МАЙОР С ПЕРЕДОВОЙ» стала необычная «находка»: погибшего в июле 43-го

майора Хвощинского нашли в первой линии, в цепи солдат-противотанкистов. Бронебойщики выдержали натиск и пошли в контратаку. Хвощинский погиб во время нее, но почему он, один из старших офицеров полка, оказался «на передке»?..

Методом реконструкции событий мы практически не пользуемся. Реконструкция подчеркнута «документальна». Но творческая группа не ставит задачу воссоздать *событие*. Мы имеем дело с памятью, а она отрывочна, образна, эмоциональна. Повторюсь: вместе с рассказчиком/героем в кадре мы реконструируем *воспоминание о событии*. Поэтому визуальный ряд строится отчасти на камере наблюдения (герой в привычной для него обстановке) и – главное – на военной хронике. Архивные кино- и фотоматериалы отбираются тщательно и «привязаны» к «случаю», о котором говорится в новелле: Курская битва, Восточно-Померанская операция, Восточно-Карпатская и т.д. Хроника «отвечает» за флэшбэки, возвращение в прошлое, воспоминания. Документальный кадр становится метафорой-кадром. Мы осваиваем хронику, в том числе как эстетическое пространство. При этом документальной природы киноальманаха, реальности происходившего с фронтовика терять не хочется – приходится все время балансировать на грани.

В упомянутой уже новелле «МАЙОР С ПЕРЕДОВОЙ» солдаты, снятые в тональной перспективе, сквозь дым от взрывов, стали метафорой силы духа наших ребят: люди-тени, смертельно уставшие, но выстоявшие, выдюжившие первую неделю лавинных атак немецких танков, они сумели подняться навстречу врагу. Кадр снят во время боев на Северном фесе Курской дуги. В новелле «КОЛЫБЕЛЬНАЯ», где сотрудник музея Освенцим Анна Оди рассказывает историю встречи своих родителей-узников, мы используем звуковую метафору: польская колыбельная – контрапунктом – провожает изможденных детей за колючей проволокой не в сон, а в смерть...

«РЯДОВЫЕ ИСТОРИИ» – проект ежегодный, и работа продолжается: жанр альманаха для воспоминаний о войне оказался чрезвычайно продуктивным. Разные рассказчики, разные истории, но одна, общая тема – формат «укладывается» в жанровую матрицу. Уже вышло три выпуска, составленных по тематическому принципу: Курская дуга – освобождение Европы – 75-летие Победы. Съемки велись в разных регионах России, в ближнем и дальнем зарубежье.

В отношении проекта можно говорить о жанровых традициях: в 1941–1942 гг. выходили знаменитые БКС, тринадцать «Боевых киноальманахов», по сути – киноальманахов. Но это игровое кино, и принцип организации новелл там другой: через сквозных рассказчиков. Есть и современный опыт обращения к жанру через тему войны: в 2018 году в российский прокат вышел киноальманах режиссера Константина Фама «Свидетели», посвященный Холокосту. Но опять же

это – игровое кино, три новеллы объединены персонажами, жизненные пути которых сходятся в Освенциме.

«РЯДОВЫЕ ИСТОРИИ» скорее – «постдок», это определение используют киноведы, фиксируя смягчение или снятие оппозиции неигровое/игровое.

В каждый сборник входит 6–8 новелл, выстроенных в определенном порядке. Художественный потенциал композиции «сборных» жанров – тема особая. Его генезис прослеживается в литературе, а именно – в жанре цикла. Благодаря композиции, то есть месту произведений в структуре и межтекстовым связям, возникают дополнительные смыслы, в каждом – по отдельности – произведении не заложенные. Яркие примеры – поэтические циклы XIX века: Аполлона Григорьева, Афанасия Фета и других. Иными словами, в отношении жанров-«сборников» работает аристотелевская формула «целое больше суммы его частей». Что касается киноальманаха «РЯДОВЫЕ ИСТОРИИ», то он не просто вписывает произошедшее с рассказчиками в историю Великой Отечественной войны, но и осмысливает его в художественной и нравственной перспективе.

Так, в первом выпуске от новеллы к новелле развивается мысль о том, что в горниле Огненной дуги закалился национальный характер русского и шире – советского человека. Курскую битву неслучайно называют «битвой», это уже мифотворчество, относящее события июля – августа 1943-го к ряду важнейших сражений в отечественной истории: Невская (1240 г.), Куликовская (1380 г.), Полтавская (1709 г.), Бородинская (1812 г.) – это все «битвы». И это все – народная победа, укрепившая или сохранившая российскую государственность.

Киноальманах и сам оказался народным проектом: рассказчики – обычные люди. Он включен в региональную программу празднования 75-летия Победы, показы проходят на разных площадках: от кинотеатров до школьных кинозалов, от сельских клубов до гарнизонных домов офицеров. Курские СМИ размещают киноальманах на своих интернет-ресурсах и показывают в эфире. Учителя истории и словесники охотно работают с проектом, «дробя» его на новеллы в зависимости от темы урока. Спустя 75 лет Великая Отечественная не просто живет в памяти народа – она остается для россиян «священной войной», безусловным ценностным ориентиром.

Киноальманах передан и в курский областной киноvideofонд. Это позволяет надеяться на сохранность уникального опыта рефлексии войны, пережитого фронтовиками и сконцентрированного в «случаях». Они – часть коллективной памяти, актуальность которой возрастает с каждым днем на фоне активных попыток переписать историю Великой Отечественной. Но это уже – тема совсем для другого кино.

В. Е. Дурноглазов,
аспирант
Курский государственный университет

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация: В статье описывается образовательная система Курского края в 1941 – начале 1943 гг. Показана политика центральных и местных органов руководства народным образованием в отношении общеобразовательных школ по их перестройке на военный лад, система обучения детей в годы войны, внеклассная и внешкольная работа. Описывается образовательная политика гитлеровских оккупантов.

Ключевые слова: областной отдел народного образования, Наркомпрос РСФСР, школы, кружки, Курская область.

Относительно успешное развитие народного образования Курской области было прервано началом Великой Отечественной войны. Перестройка на военный лад системы народного образования была обоснована в начале июля 1941 г. в совместном обращении Наркомпроса РСФСР и профсоюзов сферы образования «Ко всем работникам просвещения РСФСР», а также в обращении В. П. Потемкина к учащимся-пионерам и школьникам [1, л. 2].

В Курской области в числе первых перестройку на военный лад начали сотрудники областного отдела народного образования. Его заведующий Ф. С. Максименко ввел с 1 июля 1941 г. дежурство двоих сотрудников с 16:30 до 8:00 следующего дня. Один дежурный был ответственным, другой – его помощником. Максименко направил усилия областного отдела народного образования и всего учительского корпуса области на претворения в жизнь постановления СНК СССР «Об обязательной подготовке населения к противовоздушной обороне». Также было принято решение оповещать сотрудников о воздушной опасности продолжительным звонком в течение одной минуты [2, л. 110].

В своем приказе от 2 августа 1941 г. Наркомпрос РСФСР рекомендовал во всех учебных заведениях, предприятиях и учреждениях народного образования немедленно организовать группы самозащиты. В приказе была определена следующая численность первичных формирований местной противовоздушной обороны для объектов Наркомпроса:

- 1) унитарная команда МПВО из 70–80 человек для средней школы;
- 2) группа самозащиты МПВО из 35 человек в средней школе;
- 3) унитарный пост МПВО из 5–10 человек для: детсадов, библиотек и начальных школ;

4) в детских домах до 150 воспитанников – унитарный пост МПВО из 100–15 человек, свыше 150 воспитанников группа самозащиты МПВО;

5) в учебных заведениях и в общежитиях – посты или группы самозащиты МПВО.

5 июля 1941 г. Ф. С. Максименко издал приказ, в котором потребовал немедленно организовать во всех школах Курской области кружки по подготовке учеников к противовоздушной обороне и сдаче норм ПВХО, ГСО и БГТО. Занятия кружков рекомендовалось проводить днем для учащихся начальной школы, а для 5–10 классов – в вечернее время. Предлагалось прикрепить учителей всех сельских районов к колхозам и населенным пунктам для проведения разъяснительной работы и организации обучения населения приемам противовоздушной обороны. Для учителей, не сдавших нормы на ПВХО организовывались однодневные семинары по их подготовке, а также по обучению школьников и взрослого населения приемам противовоздушной обороны [3, л. 13].

Беспечность проявлялась в пассивном отношении к мероприятиям по подготовке учащихся к противовоздушной обороне. В приказе заведующего областным отделом народного образования отмечалось, что в ряде районов неудовлетворительно поставлена подготовка учащихся к противовоздушной обороне. Например, в Верхнелюбажском районе о только приступили к подготовке по ПВХО самих учителей. В Горшеченском районе не были охвачены занятиями по ПВХО ученики начальной школы. Во многих школах Михайловского, Пристенского, Грайворонского, Львовского, Кривцовского, Хомутовского районов, а также в некоторых школах Курска подготовка учащихся к ПВХО выполнялась крайне неудовлетворительно. Значительная часть учащихся, особенно начальных классов, до 2 августа еще не была привлечена к обязательным занятиям по противовоздушной обороне. В большинстве названных школ не были созданы бомбоубежища, отсутствовали группы самозащиты. Несмотря на распоряжения областного отдела народного образования, в бригадах учащихся, находящихся на сельскохозяйственных работах, никакой подготовки по ПВО не велось [4, л. 50].

Поэтому приказ от 2 августа 1941 г. «Об обязательной подготовке населения к противовоздушной обороне» обязал всех заведующих районных и городских отделов народного образования обеспечить охват противовоздушной подготовкой учащихся всех школ Курской области и закончить минимум по ней к 10 августа. Они были обязаны создать при каждой школе группы самозащиты из учителей и учащихся старших классов, проверить состояние бомбоубежищ, а там, где их не было – оборудовать. Особое внимание обращалось на немедленную подготовку каждой школы к борьбе с пожаром и в каждой образовательной организации рекомендовалось иметь необходимые средства по борьбе с пожаром: песок, лопаты, бочки с водой, огнетушители и т. д. Приказ

требовал, чтобы при приеме зачетов по ПВХО у учащихся проверялись не только технические знания, но и умения их применять на практике в любых условиях. От директоров школ требовалось чтобы они организовали систематическую воспитательную работу среди педагогов и учащихся, организовывали их на выполнение задач, поставленных перед школой условиями военной поры [5, л. 157].

Перестройка на военный лад включала и деятельность, связанную с более экономным расходованием средств, предназначенных на нужды народного образования. Связи с этим были закрыты: заочная школа взрослых, областной методический кабинет школы взрослых, а также методический кабинет политпросветработы. Были поставлены на консервацию областной краеведческий и антирелигиозный музеи, детская техническая станция и станция юннатов. К августу 1941 г. беспечность и благодушные мирного времени были в основном преодолены. Следовало перестроить и учебный процесс, вооружить школьников прочными знаниями, готовить патриотов родной страны, тружеников тыла, защитников Родины. В этих целях было усиленно военно-физическое, идейно-политическое и трудовое воспитание школьников. Учителя были призваны стать активными участниками агитационно-пропагандистской работы проводимой партийными органами среди населения.

Одновременно школа была призвана помочь и фронту. В этой связи огромное значение приобрела работа учеников и учителей в сельском хозяйстве. Следовало своевременно убрать урожай, чтобы он не достался врагу. Они принимали самое активное участие в прополочных работах, уборке сена, ремонте сельхозтехники. Многие делали учителями и учениками для сбора лекарственных средств и металлолома, а также подготовки помещений под госпитали [6, л. 2].

Но и государство не забывало о школе. Даже в этих крайне тяжелых условиях был проведен ремонт школьных зданий, заготовлено топливо на зиму, приобретены необходимые учебники и учебные пособия на 1941/1942 уч. г. Сложности в этой работе обострялись нехваткой учителей, связи с тем, что многие из них ушли на фронт, а также передачей значительной части школьных помещений под госпитали и призывные пункты. Поэтому занятия во многих школах велись в две–три смены. Характерной особенностью школ тех лет было сочетание учебной и трудовой деятельности учителей и школьников, а также их непосредственное участие в работах оборонного характера. 12 июня 1941 г. в соответствии с обращением Обкома профсоюза работников просвещения были созданы курсы по подготовке красных медсестер и санитарных дружин, к которым привлекались ученики старших классов [7, л. 19].

В связи с приближением врага к территории области решением Курского облисполкома депутатов трудящихся связи с необходимостью привлечения учащихся к сельскохозяйственным и другим работам, начало

занятий в школах было перенесены на 20 сентября 1941 г. Наряду с педагогами и учащимися активное участие в этих работах принимали преподаватели и студенты высших и средних учебных заведений. Они осуществляли ночные дежурства на крышах домов, патрулировали улицы города, участвовали в сельскохозяйственных работах и строительстве оборонительных сооружений [8, л. 44].

В начале сентября 1941 г. связи с приближением линии фронта к границам Курской области происходило эвакуационное сокращение штатов учреждений и организаций, входящих в компетенцию областного отдела народного образования. 5 сентября началась эвакуация Курской школы глухонемых. 9 сентября были эвакуированы дети-учащиеся Льговской школы глухонемых. В сентябре – ноябре 1941 г. большая часть Курской области была оккупирована гитлеровцами. Поэтому в 1941/1942 уч. г. начали работать менее одной трети школ. Многие школы Пристенского, Черемисиновского, Мантуровского, Тимского, Солнцевского, Прохоровского, Белгородского, Шебекинского и других районов работали на передовых линиях фронта. Дети аккуратно посещали эти школы, выполняли все задания, проводили общественно-полезную работу. Учителя вместе со своими учениками ухаживали за ранеными войнами, организовывали и проводили дежурство в госпиталях [9, л. 205].

17 сентября 1941 г. ЦК ВКП(б) принял постановление, в котором была обоснована необходимость начать обучение сельскохозяйственным работам всех школьников СССР. После плодотворной работы по выполнению данного постановления учителя и школьники города Ирбита Свердловской области обратились ко всем учителям и школьникам СССР развернуть Всесоюзное социалистическое соревнование школ по сельскохозяйственным работам. Делом откликнулись на призыв ирбитцев учителя и школьники Чернянского района Курской области, обратившиеся с призывом к преподавателям и учащимся не оккупированных районов Курской области, развернуть социалистическое соревнование школ на сельскохозяйственных работах. Бюро Курского обкома ВКП(б) в июне 1942 г. одобрило эту инициативу и предложило райкам партии и райисполкомам обсудить обращение школьной общественности Чернянского районов на собраниях учителей и учащихся [10, л. 300].

В результате большой организаторской работы по реализации данного обращения в Старооскольском районе все школьники были прикреплены к колхозам и совхозам, а учащиеся 6–10 классов разделены по бригадам и звеньям. Ученики Новооскольского района не только упорно учились, качественно трудились в колхозах, но и активно участвовали в общественной жизни. Они собрали подарки для тех районов области, которые к тому времени удалось освободить от оккупантов, а также средства на постройку танка «Курский школьник». С предложением о строительстве этого танка на средства учащихся выступили ученики Старооскольского района. Инициативу поддержали школьники всех не

оккупированных к тому времени районов области. В середине мая 1942 г. они внесли в фонд постройки «Курского школьника» свыше 89 000 рублей. Особенно хорошо проходил сбор средств в школах Старооскольского района, собравших 1 792 рубля, Новооскольского – 9 997, Уразовского – 7 195, Чернянского – 7 000, Волоконского – 5 792 рубля. Ученики одной только Валуйской школы внесли на постройку танка 3 030 рублей [11, л. 18].

Особое внимание на начальном самом трудном этапе войны курские учителя уделяли политическому воспитанию школьников. Они использовали при этом и документы Наркома обороны, и конкретные факты героизма советских воинов, и публикуемые в периодической печати документы о зверствах фашистов на оккупированных ими территориях. В школах, находящихся в 2–3 километрах от линии фронта, несмотря на доносившиеся звуки боев, шли занятия. А после окончания занятий работали учителя-агитаторы [12, л. 155].

Реально оценивая характер войны против фашистской Германии, ЦК ВКП(б) принял постановление «О военно-физической подготовке учащихся старших классов средней школы». Согласно постановлению ГКО «О всеобуче» от 17 сентября 1941 г. в школах вводилась допризывная военная подготовка учащихся старших классов. В первой половине 1942 г. в пунктах всеобуча, действовавших на не оккупированных районах Курской области, допризывную военную подготовку прошли многие старшеклассники курских школ [13, л. 124].

По решению ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ с 7 по 21 июня 1942 г. в СССР проводился профсоюзно-комсомольский кросс, который превратился в массовую школу воспитания умелых, сильных и смелых бойцов. По положению, каждый должен был не только пробежать установленную дистанцию, но и метко бросить гранату, а также проползти десятки метров по-пластунски. Поэтому все участники кросса должны были серьезно готовиться к нему. Так, старшеклассники Волоконовской школы № 3 изучали военное дело по 110-часовой программе всеобуча. Потом пришли в райком ВЛКСМ и попросили организовать военизированный поход на 150 км. Их просьбу удовлетворили. В кроссе участвовали учащиеся и учителя Новооскольского, Старооскольского, Октябрьского и других неоккупированных районов. При этом школьные коллективы не пугала близость фронта. В Чернянском районе участие в профсоюзно-комсомольском кроссе приняло 172 человека. Из них 152 юноши и девушки сдали нормы по бегу и 140 – гранатометанию. В Старом Осколе из 309 бежавших по дистанциям сдали нормы 248 человек, 140 выполнили нормы по переползанию по-пластунски. А после кросса его участники стремились стать ядром военно-спортивных кружков, созданных в неоккупированных городах и селах Курской области, созданных для всеобщего военного обучения населения [14, л. 372].

3 июня 1942 г. под звуки грохочущих снарядов Курский областной отдел народного образования, дислоцированный в Старом Осколе объявил прием и регистрацию во все классы новооскольского, валуйского и корочанского педучилищ, а также прием на курсы по подготовке преподавателей неполных средних школ в Старом Осколе. В ряде районов, находящихся в непосредственной близости к фронту, в местах, которые Красной армии уже тогда удалось освободить, занятия в школах проходили в напряженной обстановке, случались и запаздывания занятий. Эти и другие особенности работы школ обусловили внимание к народному образованию со стороны отделов народного образования, директоров школ и завучей. Они требовали от учителей высокого качества преподавания, организации специальных занятий с отстающими, ни в коем случае не допускать отсева учащихся [15, л. 114].

В апреле 1942 года Наркомпрос РСФСР для упорядочения работы школ издал приказ, определяющий время заключительных занятий в зависимости от продолжительности работы школ в учебном году. В соответствии с ним Курский областной отдел народного образования, исходя из сложившихся условий, разработал свою тактику завершения 1941/1942 уч. г. Для всех средних и неполных средних школ, которые прошли программу-минимум, занятия заканчивались 20 мая, и с 20 мая по 1 июня проводились переводные и вступительные экзамены. Для начальных школ, приступивших к занятиям в середине января 1942 г. или в первой половине февраля, учебный год был продлен до 20 июня. В этих школах испытания проводились по русскому языку и арифметике с 21 по 24 июня. В 1–4 классах школ, прозанимавшихся от 3 до 4-х месяцев, в частности школы Черемисиновского, Пристенского, Тимского и Прохоровского районов, заканчивали занятия к 20 мая. В этих школах ни переводов в следующие классы не проверочных испытаний не проводилось. Учащиеся 6–10 классов, занимающиеся от 3-х до 5 месяцев, заканчивали учебный год 1 июня. Для них в свободное от полевых работ время проводились групповые занятия и консультации, дабы охватить всю предназначенную им программу [16, л. 13].

Тяжелое время для народного образования Курского края настало после захвата области гитлеровцами (сентябрь 1941 г.). Образовательная политика оккупантов носила ярко выраженный колониальный характер. Население нашей области рассматривалось фашистами как низко квалифицированная рабочая сила, основным предназначением которой являлось производство для Германии необходимой продукции и сырья. Образование местного населения ограничивалось рамками начальной школы. Советские учебники и школьные программы были повсеместно запрещены. Школьникам рекомендовалось читать газету «Курские известия», наполненную материалами фашистской пропаганды. Этот материал использовался и для развития техники чтения, и для устной речи, и для грамматических упражнений. В целом, такая политика оккупантов,

направленная на онемение населения оккупированных районов и отравление сознания учащихся ядом фашистской идеологии, привела к тому, что резко понизилось качество знаний учеников школ. За годы своего хозяйничества в Курской области гитлеровцами и их пособниками было разрушено 800 школ, 32 детских сада и детских дома, уничтожено до 80 % школьной мебели, полностью уничтожено оборудование школьных кабинетов. Значительная часть курских учителей, работавших в школах региона до войны, либо погибли на фронте, либо были целенаправленно уничтожены фашистами. Ущерб образовательным учреждениям районов области составил 82 244 923 рублей, а образовательным организациям города Курска – 30 914 314 рублей [17, л. 27–30].

Таким образом, органы руководства народным образованием в начальный период войны провели ряд мероприятий, направленных на его перестройку на военный лад. Совершенствовались методы обучения детей в условиях военного времени. Созданная советской властью школьная система позволила сплотить народ воедино и выиграть Великую Отечественную войну.

Источники и литература

1. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. Р-4006. Оп. 13. Д. 305.
2. Государственный архив общественно-политической истории Курской области (далее – ГАОПИКО). Ф. П-1. Оп. 58. Д. 401.
3. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 58. Д. 608.
4. ГАОПИКО. Ф. П-40. Оп. 17. Д. 19.
5. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 79. Д. 92.
6. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 104.
7. ГАКО. Ф. Р-3325. Оп. 2. Д. 13.
8. ГАКО. Ф. Р-3325. Оп. 2. Д. 295.
9. ГАКО. Ф. Р-2647. Оп. 5. Д. 330.
10. ГАКО. Ф. Р-4006. Оп. 2. Д. 199.
11. ГАОПИКО. Ф. П-2878. Оп. 39. Д. 43.
12. ГАКО. Ф. Р-3104. Оп. 4. Д. 51.
13. ГАОПИКО. Ф. П-2678. Оп. 1. Д. 1520.
14. ГАОПИКО. Ф. П-2678. Оп. 1. Д. 1517.
15. ГАКО. Ф. Р-4006. Оп. 2. Д. 5826.
16. ГАКО. Ф. Р-4006. Оп. 3. Д. 2505.
17. ГАКО. Ф. Р-2647. Оп. 5. Д. 23.

Д. А. Капустин,
Высшая школа экономики

ПИСЬМА КУРСКИХ ОСТАРБАЙТЕРОВ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Аннотация. Статья описывает повседневную жизнь, настроения и восприятия чужого быта советскими остарбайтерами, работавшими на территории нацистской Германии в 1942–1945 гг. В качестве объекта исследования выбраны письма восточных рабочих, насильно мобилизованных из жителей оккупированной Курской области.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, оккупация, Курская область, Германия, остарбайтеры.

Нацистская оккупационная политика предполагала не только уничтожение народов на захваченной территории СССР, но и получение максимальных ресурсов с оккупированных территорий. Но, прежде чем создать «Lebensraum in Osten» (нем. жизненное пространство на Востоке), нацистскому руководству требовалось победить своих противников. При этом немецкая промышленность и сельское хозяйство нуждались в дешевой рабочей силе. Руководство III Рейха еще до 22 июня 1941 г. обсуждало планы о привлечении дешевой рабочей силы с захваченных территорий [1, с. 29–31]. Однако в ходе начального периода Великой Отечественной войны германское политическое руководство довольно скептически смотрело на использование труда как военнопленных РККА, так и гражданского населения с захваченных территорий СССР [2, р. 442–444.]. Но после поражения в битве за Москву 10 января 1942 г. Гитлер издает директиву, которая означает не только переход к затяжной войне на Восточном фронте, но и дает «зеленый свет» для принудительного использования труда восточных рабочих [3, с. 303–306]. С оккупированной территории Курской области первая партия «остарбайтеров» отправилась на Германию в мае 1942 года [4, л. 1–2]. Термин «der Ostarbeiter» (нем. Восточный рабочий) использовался только для обозначения рабочих с территории СССР в границах до 1939 г.

Основным отличием положения восточных рабочих от положения военнопленных было в том, что им было позволено писать письма своим родным. Существовали два способа письменного общения: один при помощи «postkarte» (нем. Почтовая карточка). Это был официальный способ общения с родными. Также существовали и неофициальные каналы передачи информации – письма и записки, которые посылали на почтовые адреса немецких солдат, живших у родственников остарбайтеров [5, л. 1–4]. Стоит отметить, что советское руководство было заинтересованно в сборе данных писем. Так, после освобождения Курска на его территории работала «Чрезвычайная государственная комиссия по расследованию

злodeяний немецко-фашистских захватчиков» (далее ЧГК). В делопроизводстве комиссии, которое на сегодняшний день хранится в фондах ГАРФ и ГАКО, сохранились как акты, так и материалы о насильственном угоне советских граждан на территорию Германии [6.]. Среди них содержатся письма оstarбайтеров, которые передали комиссии родственники восточных рабочих. Также письма советских граждан, «угнанных на каторжные работы в Германию», находятся среди материалов комиссии, созданной для написания истории Великой Отечественной войны. В литературе поднимался вопрос о достоверности данных писем [1, с. 160–168]. Действительно, следы вмешательства цензуры в письмах видны. Но цензоры не могли вмешиваться в содержание самого текста письма, поскольку они не располагали временем для полного прочтения и осмысления содержания текстов. Чаще всего они следили за общей канвой текста. В большинстве случаев цензурой «вымарывались» точные адреса заводов и населенных пунктов, где проживали или трудились «восточные рабочие» [7, л. 5–8]. Сами письма поступали на территорию Курской области с июля 1942 по июль 1943 г. Обратимся к текстам писем и рассмотрим их содержание.

Источники личного происхождения, которые освещают причины и историю отправки советских граждан на работы в Германию, довольно редки среди материалов ЧГК. В основном какие-то данные можно найти среди группы делопроизводственных материалов под названием «опросы жителей на освобожденной территории». Но иногда и сами письма оstarбайтеров красочно рисуют события отправки на «немецкую каторгу». Так, одна из жительниц Бесединского района писала родственникам следующие строки «Погнали нас с района на Курский вокзал. Как скот набили нас в вагон как сельдей в бочку. В дороге кушать не давали» [8, л. 1–3]. Но несмотря на доходившие до населения Курской области слухи об ужасах доставки работников «для помощи немецкому хозяйству», как было написано на плакатах, которыми были обклеены общественные места оккупированных городов, на начальном этапе отправки в Германию имели место случаи добровольной записи на работу. Материалы ЧГК дают информацию, что за период с конца мая по начало сентября 1942 г. было около 500 случаев добровольной записи на бирже труда для работ на территории Рейха [4, л. 23–42] Разумеется, нужно учитывать тот факт, что родственники тех, кто уехал на работы добровольно, старались скрывать данную информацию от органов власти, а работники комиссии также не были склонны, по понятным идеологическим причинам, точно фиксировать данные о таких случаях. [9, л. 65]. Но в письмах самих рабочих есть строки, свидетельствующие о том, что многие из первой партии курских восточных рабочих отправились работать добровольно. Так, девушка из Курска писала, что родители должны получать за нее деньги, а в других письмах, датированных летом 1942 г., есть прямые указания на то, что голод заставлял людей добровольно записываться на

работы [7, л. 4.]. Также не последнюю роль в отправке на работы играли и конфликты между жителями и гражданскими коллаборационистами, старостами в деревнях и квартальными старостами в городах [10, л. 39–39 об.].

Рассмотрим социальный и возрастной состав лиц, подвергшихся насильственной отправке на территорию III Рейха. Основной особенностью первых партий, отправленных на работы, было то, что городские жители преобладали в них над сельскими. Это объясняется тем, что ортскомендатуры и биржи труда функционировали в городских центрах [5, л. 10]. К тому же укрыться от облав, проводившихся немецкими комендатурами и вспомогательной полицией в поиске дешевой рабочей силы, было проще в сельской местности, нежели в городах. Стоит еще отметить тот факт, что город страдал от голода больше, чем оккупированная деревня, поэтому и желающих отправиться на работы было там больше. Что касается возраста, то стоит отметить, что остарбайтеры из Курской области были преимущественно молодыми людьми 1923–1928 гг. рождения. Чаще всего это были девушки либо юноши допризывного возраста [11, л. 22.]

Быт восточных рабочих также нашел отражение в их письмах родным. Всего можно выделить три вида предприятий, где использовался труд остарбайтеров: на заводах военного производства, гражданских фабриках и в сельском хозяйстве. Самым тяжелым являлся труд на предприятиях, выпускавших продукцию для Вермахта. Рабочий день длился две смены и продолжался по 14–16 часов. Жили остарбайтеры чаще всего в бараках при заводе. Питание также оставляло желать лучшего. «Кормят здесь плохо два раза суп и один раз хлеб и кофе. Спецовку пока не выдали, ходим в одеялах», – так описывала свою работу в городе Штутгарте молодая курянка зимой 1942 г. [7, л. 15]. На фабриках легкой промышленности быт мало чем отличался от военного производства, хотя восточным рабочим там удавалось собраться в небольшие землячества, поскольку так было проще прокормиться. Важным фактором выживания на территории предприятия были отношения между работниками и немецкими мастерами. Реестры опросов возвратившихся остарбайтеров дают информацию о том, что чаще всего физическую силу применяли к восточным рабочим мастера среднего возраста [12, л. 150]. Также по письмам советских граждан можно сделать вывод о том, что лояльнее к рабочим относились мастера австрийцы. Довольно интересной деталью является слух, который передавался в письмах остарбайтеров домой. Часть восточных рабочих верила в то, что В. М. Молотов провел переговоры с немецким руководством и в скором времени условия труда граждан с захваченных территорий СССР будут улучшены [8, л. 84]. Этот фантастический слух помогал рабочим держаться в той ужасной обстановке, которое нацистское руководство создало для иностранцев на своей территории. Отдельно следует рассматривать условия работы

остарбайтеров в немецкой деревне. Как и на фабричном производстве, здесь важную роль играл фактор человеческих взаимоотношений. Но к нему также присоединялась и простая крестьянская бережливость. Так, один крестьянин мог заставить молодую «остовку» по 15 часов ухаживать за свиньями, но в то же самое время немецкий хозяин ее лечил и довольно сносно кормил. [5, л. 7]. Руководило немецким хлебопашцем здесь не человеколюбие, а простой прагматизм, так как в хозяйстве, находящемся в тяжелом положении военных условий, были важны рабочие руки.

Помимо возможности общаться с родственниками путем переписки, восточные рабочие имели один выходной день. В воскресенье рабочие и работницы из Курской области приводили себя в порядок, писали письма, а вечером их выводили на «прогулку», если так можно назвать шествие хозяев и рабочих по улицам, которое отдаленно напоминало выход *familiae Romanae* (лат. Римские семьи) на улицы вечного города в I–II вв. н. э. Это может показаться отвлеченным сравнением, но сами остарбайтеры писали следующие строки: «Ты помнишь наш учебник по истории, где рассказывали про рабов в Древнем Риме? «...» И теперь имя мое, дорогой братец, рабыня Германии.» [7, л. 57–58]. Но в то же самое время рабочие наблюдали за жизнью обычных немецких граждан. Иногда они даже сравнивали свой быт с жизнью граждан Германии. Сравнения был порой достаточно антисоветского характера. Так, рассказывая про хозяйство немецкого землевладельца, работница писали родным: «живут они хорошо имеют по тридцать коров, 10 поросят и 20 лошадей и 450 десятин земли, ну в общем как мы жили при царе единолично, когда колхозов не было» [7, л. 61]. Другой восточный рабочий писал, что одеты немцы так хорошо, как до войны ходили в Курске инженеры [7, л. 76.]. Эти свидетельства показывают, что с началом оккупации Курской области внутри советского общества, проживавшего на территории данного региона, начался постепенный отказ от той манеры жизни, которую С. Коткин назвал в одной из своих работ понятием «Speaking Bolshevik». Это была атмосфера, породившая особый язык и нравы предвоенного советского общества [13, р. 198–237].

Данный тезис можно подкрепить и свидетельствами о духовной жизни советских граждан, работавших на территории Германии. Они вспоминают о промысле Божьем. В своих открытках и небольших записках они просят родных молиться за них, поздравляют не только с Рождеством и Пасхой, но и с днем Ангела [7, л. 144, 158, 170]. Помимо следования образу православной жизни, среди эго-документов остарбайтеров можно найти размышления о причинах постигших их бедствий. Так, молодая девушка писала, что страдания, которые она претерпевает, трудясь в чужом хозяйстве, посланы ей за грехи [11, л. 23]. Помимо духовных рассуждений, в источниках есть свидетельства о том, что граждане Курской области пытались открыто исповедовать свою веру. Так, остарбайтеры ходили на службы в лютеранские костелы. Они

описывали это так: «Они (австрийцы) молились по своему, а мы по – православному. Все равно Бог один» [5, л. 9]. Стоит отметить, что авторы, как правило, не имели воспитания в вере, так как родились в эпоху гонений на Церковь. Но начало войны, и оккупация изменили их отношение к религии. Так, С. Хлопонин, проживавший в 1941 г. в Курске, вспоминал, что, узнав о начале войны его мать сразу достала спрятанные иконы [14, с. 15]. Особенно важно, что данные изменения в воззрениях произошли как с городской, так и сельской молодежью, которая до этого активно принимала участие в антирелигиозных кампаниях второй «безбожной» пятилетки 1932–1937 гг.

Таким образом, на основании данных источников можно сделать следующие выводы. Письма, отправленные советскими гражданами, которых угнали на работу в Германию, не только свидетельствуют о быте и ужасах принудительных работ в промышленности и хозяйстве нацистской Германии, но и дают представление о восприятии людьми быта чужой страны и изменениях в их духовном мире.

Источники и литература

1. Полян П.М. Жертвы двух диктатур. Остарбайтеры и военнопленные в Третьем Рейхе и их репатриация. М., 1996.
2. Dallin A. German rule in Russia 1941–1945. A study of occupation polices. 2-nd edition. Colorado, 1981.
3. Директива А. Гитлера за номером 10 опубликована в: Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. Очерки, документы и материалы. М., 1973. Т. 2.
4. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-7021. Оп. 29. Д. 12.
5. Архив Института российской истории РАН. Р. VI. Оп. Р06-7. Д. 1.
6. ГАРФ. Ф. Р-7021., Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. Р-3605.
7. ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 29. Д. 11.
8. ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 29. Д. 3.
9. ГАКО. Ф. Р-3605. Оп. 1. Д. 227.
10. ГАКО. Ф. Р-3605. Оп. 1. Д. 308.
11. ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 29. Д. 13.
12. ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 29. Д. 1032.
13. Kotkin S. Magnetic mountain. Stalinism as a Civilization. Los Angeles, 1997.
14. Хлопонин М. Жили в Курске в оккупацию. Воспоминания С. Хлопониной. // Открытый музей. Курский альманах истории и культуры. 2014. № 1(5).

Н. Г. Кононов,
кандидат исторических наук

КУРСКАЯ МАКАРОННАЯ ФАБРИКА (1943–1945 гг.)

Аннотация. В статье рассматривается краткая история восстановления Курской макаронной фабрики в 1943–1945 гг., показывается деятельность ее трудового коллектива по наращиванию производства макаронной продукции.

Ключевые слова: горком и райком ВКП(б), макаронная продукция, соцсоревнование, трудовой коллектив, фабрика.

9 мая 2020 Россия будет отмечать знаменательную дату в своей истории – 75-летие со дня разгрома гитлеровской Германии. Советский народ на алтарь этой Победы отдал миллионы человеческих жизней. Мало кто верил в то, что Советский Союз, потерявший в первые месяцы войны значительные территории с огромным людским и экономическим потенциалом, выйдет победителем в этой жестокой схватке с коварным врагом, на стороне которого была почти вся Западная Европа.

Но чудо случилось. Это чудо заключалось в героизме не только наших солдат на поле боя, но и тружеников тыла, которые самоотверженно трудились на заводах и фабриках, на колхозных и совхозных полях, обеспечивая Красную Армию оружием, продовольствием и одеждой. Лозунг «Всё для фронта, всё для победы!» был не просто лозунгом. Он ежечасно, ежедневно реализовывался в жизни, как на полях сражений, так и в тылу.

Курская область не ковала оружия, не производила танки и самолёты. С первых дней освобождения области от немецко-фашистских оккупантов её разрушенные до основания заводы и фабрики, промысловые кооперативы, колхозы и совхозы делали всё возможное, и даже невозможное, чтобы накормить, обуть и одеть нашу героическую армию.

Свой посильный вклад в обеспечение продовольствием армии и гражданского населения области вносила и Курская макаронная фабрика.

Курская макаронная фабрика была организована в 1934 г. и подчинялась Областному управлению пищевой промышленности. Она имела 2 цеха – тестобойный и сушильный. До войны на ней трудились 35 рабочих, которые в 1940 г. произвели валовой продукции в неизменных ценах 1926/1927 г. на 500 тыс. рублей [1, л. 32]. В период временной немецкой оккупации фабрика была разрушена. Ее восстановление началось 12 марта 1943 г., т. е. почти через месяц после освобождения города Курска от фашистских захватчиков. Фабрика вскоре была частично восстановлена и с 20 июля 1943 г. приступила к выпуску макаронной продукции. Макароны были необходимы не только для гражданского населения, но и для армии, которая готовилась к

решительной схватке с немецкими полчищами и нуждалась в значительном количестве продовольствия.

В это время тестобойный цех имел 2 тестомесилки, лапшерезку и гидропресс кустарного типа. Всё оборудование было под пожаром в период временной немецкой оккупации города Курска и требовало основательного ремонта. Гидропресс же был списан еще в 1940 г., как негодный к эксплуатации [4, л. 248].

Уже в первые месяцы восстановления фабрики были приобретены и изготовлены: мотор мощностью 10 кВт, 4 калорифера, автомобиль, который требовал ремонта. Имелось 2 лошади.

Ожидалось получения из Челябинска 2-х лапшерезок и из Москвы – 8 моторов для организации сушильного цеха.

Мука на тесто для изготовления макаронных изделий, в основном лапши, изготавливалась механическим путем, лапша же – вручную-резчиком. Сушка производилась примитивным путем через нагревания печами [10, л. 36].

21 мая 1943 г., протокол № 9, бюро Дзержинского райкома ВКП(б) города Курска, на территории которого находилась макаронная фабрика, заслушало доклад ее директора Дорохова о ходе восстановления и работы фабрики.

Бюро райкома партии констатировало, что бывший директор фабрики безответственно отнесся к ее восстановлению и сорвал план восстановления предприятия. Назначенный в апреле на пост директора макаронной фабрики Дорохов также без особой настойчивости взялся за окончание ее восстановления. Срок, установленный Курским обкомом ВКП(б), завершить восстановление фабрики к июню не был выполнен. Локомобиль (двигатель) не отремонтирован, не было материала на стеллажи сушилки, не осуществлен и набор рабочей силы.

Бюро Дзержинского райкома ВКП(б) обязало директора фабрики Дорохова принять все меры к окончанию строительных работ, а также монтажа оборудования и пуску фабрики к 1 июня 1943 г.

Особое внимание уделялось подготовке кадров ведущих профессий и повышению их ответственности за порученное дело.

Предложено принять решительные меры к быстрейшему изготовлению калориферов и деревянных стеллажей сушильного цеха.

Рекомендовано активизировать идейно-политическую работу на предприятии, создать культурно-бытовые условия для рабочих (организовать столовую, красный уголок и т.п.), позаботиться о заготовке топлива на зиму, а также – об организации рабочего места в основных цехах фабрики и особенно для ремонтно-механической группы [5, л. 108–109].

29 сентября 1943 г. бюро Курского горкома ВКП(б), протокол № 30, заслушало вопрос о ходе выполнения постановления СНК СССР и ЦК

ВКП(б) от 21 августа 1943 г. «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецко-фашистской оккупации».

На бюро горкома партии, наряду с другими вопросами, были заслушаны и отчеты директоров ряда предприятий города Курска, включая и доклад директора макаронной фабрики о ходе предоктябрьского социалистического соревнования.

В ходе обсуждения докладов было отмечено, что на макаронной фабрике соцсоревнование проводится формально, взятое обязательство не выполняется. В результате производственный план за август 1943 г. был выполнен только на 33 %, а за 20 дней сентября – на 23 %. Индивидуальным соревнованием охвачено только 50 % рабочих (из 60 рабочих договор о соцсоревновании имелся только у 30).

Предприятие не было восстановлено, топливо полностью не завезено.

Было указано также, что Дзержинский райком партии не достаточно развивает соцсоревнование в районе, не обеспечивает должный контроль за выполнением социалистических договоров, тем более, что на фабрике не было партийной организации.

Бюро горкома партии обязало Дзержинский райком ВКП(б) с 1 по 10 октября организовать взаимопроверку выполнения соцдоговоров между предприятиями. В ходе проверки предложено мобилизовать коллективы предприятий на выполнения взятых обязательств, а директоров предприятий – улучшить руководство социалистическим соревнованием, для чего не реже 2-х раз в месяц производить проверку выполнения соцдоговоров, широко практиковать обмен опытом лучших стахановцев, обсуждая их работу на производственных совещаниях и в стенных газетах [9, л. 79, 88–89].

Выполняя решения Курского горкома ВКП(б), Дзержинский райком партии проверил ход соцсоревнования на халвично-кондитерской и на макаронной фабриках. Это было необходимо сделать, потому что эти фабрики соревновались друг с другом.

В ходе проверки было отмечено, что на макаронной фабрике охвачены соцсоревнованием 78 человек, или 100 % рабочих. В индивидуальном соревновании участвовало 24 человека, а 39 человек – в двух бригадных соревнованиях. Индивидуальные договора о соревновании выполнялись на 100 %. Однако производственная программа из месяца в месяц не выполнялась. Это было связано с перебоями в поставке электроэнергии и муки. Так, макаронная фабрика в июле простояла 5 дней, в августе – 9 дней. А в целом из 3-х месяцев работы фабрика простояла 28 дней.

Из-за отсутствия квалифицированной рабочей силы и строительных материалов фабрика до конца не была восстановлена. Из 215 тыс. рублей капиталовложений, выделенных макаронной фабрике, на конец сентября 1943 г. было освоено только 82 тыс. рублей. Восстановлено

производственное здание с проведением водопровода, силовая и осветительная линии, здание конторы с установкой оконных переплётов, оборудована столовая для питания рабочих, капитально отремонтированы 2 тестомешалки, коллервальцы и трансмиссия,

Приобретен и капитально отремонтирован локомотив мощностью 25 л. с. Оборудованы 3 сушильные камеры с установкой в каждой по одной калориферной печи и т. п. [6, л. 32–33].

Но этого было недостаточно для успешного выполнения производственных заданий, которые доводились фабрике ежемесячно. Тем более, что предприятие нуждалось в сырье, электроэнергии, топливе. Добавим к этому и не вполне удовлетворительную работу руководства фабрики по организации производства. Все это, вместе взятое, отрицательно сказывалось на выполнении плановых заданий. Так на август 1943 г. фабрике планировалось выработать 75 т продукции, выработано же было только 22 т, в сентябре – соответственно 100 и 81,1 т, в октябре – 75 и 5,8 т.

Проверка итогов соревнования, проведенная в октябре 1943 г., установила, что производственный план октября не был выполнен из-за отсутствия сырья, воды и электроэнергии.

К зиме фабрика была готова на 50 %. Дрова были завезены с перевыполнением планового задания, но торф еще не был завезен.

К моменту проверки на фабрике работало 69 человек, из них 4 – из управленческого аппарата и 64 ученика. Все они были охвачены соцсоревнованием. Были и свои стахановцы. Их насчитывалось 10 человек, ударников – 12 человек.

Среди передовиков резчица Фролова в предоктябрьском соревновании выполняла норму на 230 %, резчица Епифанова – на 208 %, резчица Скорятная – на 188 %. Работа передовиков освещалась в стенных газетах и на доске показателей.

Трудовая дисциплина на фабрике оставалась низкой, имелись случаи опоздания на работу. К моменту проверки меры к ним со стороны директора еще не были приняты.

Были выявлены и случаи хищения продукции [8, л. 34].

10 декабря 1943 г., протокол № 38, бюро Дзержинского райкома партии вновь возвращается к рассмотрению вопроса о работе макаронной фабрики. Был заслушан доклад уже нового директора фабрики Алтухова о ходе выполнения социалистических обязательств предприятием по досрочному завершению программы IV квартала 1943 г. и о подготовке производства к работе в I квартале 1944 г.

Отмечено, что соцсоревнование по успешной реализации производственной программы 1943 г. развёрнуто недостаточно. С первых дней работы фабрики планы из месяца в месяц не выполнялись, несмотря на то, что фактическое количество рабочих превышало плановое задание. Так, на август 1943 г. планом предусматривалось иметь 38 рабочих, а

фактически их было 42, служащих планировалось иметь 7 человек, а их было 12–14 человек. Это приводило к перерасходу заработной платы и сказывалось на себестоимости продукции. В результате в июле убыток составил 3 072 рубля, в августе – 10 063 рубля, в декабре – 9 219 рублей.

Взятое обязательство в предоктябрьском соревновании не выполнено. Недостаточно развернуто соцсоревнование и за досрочное выполнение производственной программы 1943 г.

Обязательство ежедневно вырабатывать 1 325 кг лапши в течение первой декады декабря выполнялось на 40–60 %.

Плохо организована и подготовка фабрики к работе в 1944 г. На фабрике наблюдалась большая текучесть кадров: за 1943 г. принято 123 человека, уволено 100 человек. Из-за отсутствия сырья производство не было загружено.

Бюро Дзержинского райкома ВКП(б) обязало директора фабрики широко развернуть в коллективе социалистическое соревнование за досрочное выполнения плана IV квартала 1943 г., добиваться выполнения соцобязательств в установленные сроки. Предложено организовать ежедневный показ работы лучших людей через доски показателей, плакаты, стенную печать. Практиковать проведение технических совещаний и обмен опытом работы на них.

Рекомендовано к 20 декабря 1943 г. закончить монтаж гидропресса и организовать пуск его в производство, в целях бесперебойной работы фабрики организовать её работу на давальческом сырье, повседневно заниматься вопросами снижения себестоимости выпускаемой продукции.

Предписано также позаботиться о подготовке кадров для работы фабрики в 2 смены, обратить внимание на развитие рационализаторства и изобретательства на производстве [5, л. 215–216].

Как бы то ни было, коллектив фабрики предпринимал необходимые усилия для производства продукции для армии и гражданского населения. Начав работу с 21 июля 1943 г., фабрика произвела 120 т (по другим данным 128 т) макаронных изделий, в основном лапши, при среднегодовой численности рабочих в 19 человек (среднегодовая численность рабочих была значительно меньше их численности на тот или иной период времени). Кроме рабочих на фабрике трудились: 4 ученика, 2 ИТР, 6 служащих и 3 человека младшего обслуживающего персонала (МОП). Основная масса продуктов шла на снабжение Красной Армии. Произведенная валовая продукция в н/ц 1926/1927 г. оценивалась в 50 тыс. рублей [2, л. 6, 61 об.], что составляло 10 % к довоенному уровню.

И в 1944 г. трудовой коллектив макаронной фабрики принимал участие в соцсоревновании в связи с празднованием первой годовщины освобождения города Курска от немецких оккупантов, 26-й годовщины со дня рождения Красной Армии, 1 Мая.

Однако трудности с поставкой муки, электроэнергии и др. не позволили фабрике успешно выполнить 5-месячный производственный

план. И если за январь–май 1944 г. плановое задание было выполнено на 90 %, то майский план – только на 15,5 % [11, л, 165].

Тем не менее, фабрика продолжала наращивать производство макаронных изделий. Так, на 1944 г. ей планировалось произвести 150 т макаронных изделий, было же выработано 237,3 т, или 158,2 % к плановому заданию.

Планом на 1944 г. предусматривалось производство 2-х видов изделий: вермишели 50 т и вермишели пеклеванной 100 т. Фактически же было выпущено 3 сорта макаронных изделий – вермишели, лапши и макарон. Правда, из-за низкого качества муки макарон было выпущено всего 1 % к общему количеству произведенной продукции. В силу этого в 1944 г. фабрика вырабатывала в основном лапшу, выпуск которой составил 80 % к общему производству макаронных изделий, а вермишель – 19 %. Так, лапши было произведено 207 т, вермишели – 28 т, макарон – 2 т.

Кроме макаронных изделий, вне плана фабрикой еще было произведено 48 гектолитров морса.

В этом году среднесписочный состав рабочих исчислялся в 33 человека. Число рабочих увеличилось на 3 человека (их вместо 19 человек в 1943 г. стало 22 за счет перевода 3-х учеников в рабочие), число учеников сократилось до одного. Остальной персонал фабрика в основном остался без изменений.

Среднегодовая выработка на 1 рабочего (производительность труда) при плане в 2 666 рублей фактически составила 3 727 рублей, или 139,7 % к плановому заданию. В 1943 г. среднегодовая выработка на одного рабочего составила 2 157 рублей, т. е. за год она увеличилась более чем в 1,7 раза.

Выпуск валовой продукции в н/ц 1926/1927 г. при плановом задании в 48 тыс. рублей составил 82 тыс. рублей, или 170,8 % к плану.

Себестоимость продукции оказалась ниже плановой – 92,7 % к плану. Фабрика понесла небольшой убыток в основном из-за подсобного хозяйства, которое оказалось нерентабельным.

Трудовой коллектив фабрики мог бы произвести значительно больше продукции, если бы предприятие своевременно обеспечивалось сырьём и электроэнергией. Так, в течение года простои фабрики из-за отсутствия электроэнергии составили 77 рабочих дней, а из-за отсутствия сырья – 54 дня.

В 1944 г. на фабрике было организовано 5 добровольческо-строительных бригад в количестве 35 человек, которые во внеурочное время отработали 1 804 человеко-часа, или 51,5 часа в расчете на одного работника. Ими были произведены необходимые работы по ремонту помещения и уборке территории фабрики.

Кроме этого, коллектив фабрики оказал помощь семьям военнослужащих в подвозе дров, выдаче картофеля со своего подсобного хозяйства. Эта помощь охватила 27 человек [3, л. 1,2, 12, 61 об.].

Несмотря на определенные успехи, достигнутые макаронной фабрикой в 1944 г., партийные органы города и района считали ее работу не вполне соответствующей производственным мощностям, имевшимся на предприятии.

Наглядно в этом можно убедиться при анализе протокола № 2 заседания бюро Дзержинского райкома ВКП(б) от 23 февраля 1945 г., на котором был заслушан доклад нового директора макаронной фабрики В. С. Настенко.

На бюро райкома партии было отмечено, что директор фабрики недостаточно входит в курс работы предприятия, слабо изучил технологический процесс производства, не сумел мобилизовать рабочий коллектив фабрики на устранение узких мест.

Плохо была организована охрана фабрики, двор фабрики разгорожен, мер по ограждению территории фабрики не принимается. Не организована борьба с ворами и расхитителями, которые растаскивают государственную продукцию. Настенко не сумел очистить фабрику от воров и расхитителей государственной продукции, а наоборот оказался у них на поводе.

Система учета приема сырья и выпуска готовой продукции организована так, что способствует разворовыванию и расхищению.

Допущены факты, когда отпускаемые на питания рабочих продукты расходовались не по назначению – на устройство банкетов и вечеров, на фабрике имели место выпивки совместно с подопечными директора.

Бюро Дзержинского райкома партии за неудовлетворительное руководство фабрикой, либеральное отношение к ворам и допущение выпивки на фабрике директору завода, члену ВКП(б) В. С. Настенко объявило строгий выговор с занесением в учетную карточку.

Бюро райкома партии обязало его до 10 марта 1945 г. разработать систему учета выпускаемой продукции, которая исключала бы возможность ее разворовывания.

Оно обязало Настенко до 20 марта 1945 г. возвести ограду вокруг территории предприятия и принять все необходимые меры к установлению порядка по охране фабрики.

Бюро райкома партии потребовало установить рабочий контроль над работой столовой, следить за полным отпуском продуктов из кладовой в столовую.

Секретарь партийной организации Поляков обязывался развернуть политическую работу среди рабочих, до 5 марта 1945 г., подобрать и утвердить на партийном собрании агитаторов, наметить план по улучшению партийно-массовой работы на предприятии. Было особо отмечено, что вся партийно-массовая работа должна быть нацелена на выполнение производственного плана в предмайском социалистическом соревновании [7, л. 33].

Как на фабрике выполнялось решение бюро Дзержинского райкома партии, свидетельствует заседание его бюро от 22 мая 1945 г., протокол № 111.

В ходе заседания бюро райкома ВКП(б) было констатировано, что его решение от 23 февраля 1945 г. полностью не выполнено. Неоднократные предупреждения Курского горкома и Дзержинского райкома ВКП(б) о перестройке работы фабрики, очищение ее от случайных и жульнических элементов В. С. Настенко не выполнил. На фабрике имели место недостаток в системе учета и ответственности за получения сырья, хищения продукции. Более того, директор фабрики своими действиями потворствовал растранированию муки. Все это свидетельствовало о том, что руководитель предприятия глубоко не занимался работой фабрики, не знал технологии производства, окружающих его людей и слепо передоверял своим подчинённым.

Бюро Дзержинского райкома партии предупредило директора макаронной фабрики В. С. Настенко, что если он в течение месяца не выправит положение в руководстве фабрикой, то будет снят с работы и привлечён к строгой партийной ответственности [7, л. 98].

Каковы же итоги работы Курской макаронной фабрики в 1945 г.?

На 1945 г. планировалось нарастить мощности по производству макаронных изделий. В частности, предполагалось ввести в эксплуатацию для выработки вермишели винтовой пресс, который был поврежден во время оккупации, произвести реконструкцию сушильных камер. Это позволило бы увеличить мощность фабрики до довоенного времени и выпускать 3–3,5 т макаронных изделий в сутки [3, л. 2, 12, 61 об.].

На 1945 г. фабрике из муки разных сортов планировалось выработать 400 т макаронных изделий, из них 10 т макарон и 390 т лапши. Реально же было выработано около 320 т (80 % к плану), из них макарон произведено 34 т, лапши около 276 т, вермишели свыше 43 т.

Больше всего макаронных изделий было выработано из 65 % пеклеванной (около 154,5 т) и из 72 % (около 150 т) муки. Планировалось же большинство макаронной продукции (215 т) выработать из 96 % муки.

Невыполнение плана по выпуску продукции в ассортименте в значительной мере зависело от сорта поставляемой на фабрику муки.

Фабрикой не был выполнен план и по производству валовой продукции в н/ц 1926/1927 г. Планировалось выработать валовой продукции на 140 тыс. рублей, а было выработано на 105,2 тыс. рублей, или на 75,1 % к плановому заданию.

Выше плановой была и себестоимость выпускаемой продукции, особенно из муки 96 %. Но это в значительной мере зависело от поставщиков. Например, себестоимость 1 т муки по плану оценивалась в 1 879 рублей 53 коп., а реально она составила 2 864 рубля и 29 коп, т. е. превысила плановое задание на 152,4 %.

Невыполнение производственной программы фабрикой в значительной степени зависело и от количества и качества поставляемой муки. Коллектив фабрики к 1945 г. нарастил значительные производственные мощности, прежде всего, за счет роста производительности труда. В этом году фабрика уже могла ежедневно выработать продукции больше 15 т. Но план был составлен с учетом ежедневного выпуска продукции в 15 т. С учетом этого плана и поставлялась фабрике мука.

В силу этой причины, а также из-за не поставки электроэнергии фабрика имела значительные простои. Так, в 1945 г. все простои фабрики составили 1 328 человеко-часов, или 166 8-часовых рабочих дней. Из-за отсутствия сырья простои составили 494 человеко-часа, электроэнергии – 742, топлива – 69, из-за технических неполадок – 25 человеко-часов. Как видим, простои из-за не поставок муки и электроэнергии составили 93 % от всех простоев фабрики.

Вследствие этих причин фабрикой не был выполнен план по росту производительности труда. Планировалось, что в 1945 г. среднегодовая выработка на 1 рабочего составит 5 833 рубля, фактически же она составила 3 890 рублей, или 66,8 % к плану. Но это было несколько больше 1944 г.

Что касалось плана по труду, то он фабрикой был даже несколько перевыполнен за счёт производственных рабочих. В 1945 г. фабрике планировалось иметь 24 рабочих, а фактически среднестатистическая численность рабочих составила 27 единиц. Численность же всего производственного персонала по сравнению 1944 г. увеличилась на 11 единиц и составляла 44 человека.

На восстановление фабрики, закупку оборудования в 1945 г. выделялось 60 тыс. рублей капиталовложений, освоено же было 36 244 рубля, или 60,4 % к плановому заданию [3, л. 48].

Итак, за 1943–1945 гг. трудовой коллектив Курской макаронной фабрики сделал значительный шаг вперед по наращиванию, как валовой продукции, так и по ее производству в ассортименте. За эти годы производство валовой продукции возросло с 50 тыс. рублей, до 105 тыс. рублей, или в 2 с лишним раза больше, а выработка продукции в ассортименте – с 120 т до 320 т, или почти в 2,7 раза больше.

И все же это было значительно меньше, чем фабрика производила в довоенный период.

Источники и литература

1. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. Р-5006. Оп. 5. Д. 1.
2. ГАКО. Ф. Р-5006. Оп. 5. Д. 14; Д. 181.
3. ГАКО. Ф. Р-5006. Оп. 5. Д. 181.
4. ГАКО. Ф. Р-5006. Оп. 5. Д. 292.
5. Государственный архив общественно-политической истории Курской области (далее – ГАОПИКО). Ф. П-93. Оп. 1. Д. 157.

6. ГАОПИКО. Ф. П-93. Оп. 1. Д. 158.
7. ГАОПИКО. Ф. П-93. Оп. 1. Д. 187.
8. ГАОПИКО. Ф. П-2878. Оп. 1. Д. 733.
9. ГАОПИКО. Ф. П-2878. Оп. 1. Д. 742.
10. ГАОПИКО. Ф. П-2878. Оп. 1. Д. 773.
11. ГАОПИКО. Ф. П-2878. Оп. 1. Д. 790.

А. В. Крохина,
кандидат исторических наук
Курский железнодорожный техникум

А. Н. Манжосов,
кандидат исторических наук
Курский железнодорожный техникум

**«ПАМЯТЬ НАША НЕТЛЕННА...»
(ИЗ ИСТОРИИ УЧАСТИЯ СТУДЕНТОВ
КУРСКОГО ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТЕХНИКУМА
В ГРАЖДАНСКО-ПАТРИОТИЧЕСКОЙ И МЕМОРИАЛЬНОЙ
РАБОТЕ В 60-е ГОДЫ ХХ – НАЧАЛЕ ХХІ вв.)**

Аннотация. Настоящая работа посвящена становлению и основным этапам деятельности студентов и преподавательского состава Курского железнодорожного техникума по сохранению и мемориализации памяти о подвиге советских железнодорожников в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Курский железнодорожный техникум, мемориальная работа, гражданско-патриотическое воспитание.

В историческом аспекте рассматривая проблему развития гражданско-патриотического воспитания учащихся Курского железнодорожного техникума (это название техникум получил в августе 1955 г.), необходимо отметить, что основные направления патриотического воспитания подрастающего поколения железнодорожников своими корнями уходят во вторую половину 1950-х гг.

Так, в 1954–1955 г. комсомольцы техникума (секретарь комитета ВЛКСМ В. Н. Ключев) [1, л. 2] принимали участие в военизированных эстафетах и соревнованиях, ежедневно проводившихся в канун дня Советской Армии и ВМФ (23 февраля) и часто занимали призовые места среди коллективов средне-специальных учебных заведений города.

В техникуме в этот период действовало 12 кружков по военно-техническим специальностям. Более 85 % учащихся техникума состояли в первичной организации ДОСААФ [2, л. 44].

Согласно постановлению бюро горкома ВЛКСМ от 17 марта 1955 г. учащиеся техникума шефствовали над Парком героев гражданской войны [3, л. 7].

В 1962 г. команда техникума железнодорожного транспорта завоевала III место на VII областном слете туристов (12–14 июля 1962 г.). Здесь были подведены итоги туристско-краеведческой работы [4, л. 178–179].

В коллективе техникума в период подготовки к 20-летию Победы практиковалось проведение «вечеров поколений», встречи с преподавателями-участниками Великой Отечественной войны: И. Ф. Лопатьевым, В. П. Толкачёвым, М. Ф. Удаловой и др.

19 апреля 1965 г. учащиеся техникума вместе с молодыми работниками Курского железнодорожного узла встречались в Доме культуры железнодорожников с Героями Советского Союза Н. Е. Ашурковым, П. Л. Пашиным, С. А. Неустроевым, И. И. Корольковым, кавалером ордена Славы трёх степеней А. И. Малышевым [5, л. 25; 6; 7].

Но к середине 1970-х годов насыщенность форм героико-патриотического воспитания была несколько ослаблена. В спортивной и оборонно-массовой работе преобладало участие в городских спортивных состязаниях (эстафетах, лыжных пробегах). Правда, учащиеся КТЖТ, руководимые преподавателем физкультуры Н. И. Пономаренко, долгие годы удерживали лидерство в соревнованиях по многим массовым видам спорта. В марте 1975 г. учащиеся КТЖТ принимали участие в областном конкурсе «Фронтальная песня», организованным обкомом ВЛКСМ среди вокально-инструментальных ансамблей высших и средне-специальных учебных заведений, который был посвящён 30-летию победы в Великой Отечественной войне.

В канун 40-летия победы советских войск в битве на Курской дуге (весной 1983 г.) состоялась встреча группы учащихся техникума с руководителями областного штаба Всесоюзного похода комсомольцев и молодежи по местам боевой и трудовой славы советского народа – генерал-майором в отставке А. В. Журавлёвым и А. Н. Манжосовым.

Была достигнута договоренность о поддержке инициатив учащихся, направленных на совершенствование героико-патриотического воспитания молодых железнодорожников [8, л. 18].

Так, команда учащихся техникума регулярно принимала участие в соревнованиях военно-спортивной комсомольской игры «Орлёнок». Учебные группы, возглавляемые преподавателями Т. В. Дворовичковой, А. Л. Мелентьевым, А. В. Агеевым совершали экскурсии по Северному и Южному фасам Курской дуги, знакомились с экспонатами музея

Командного пункта Центрального фронта в пос. Свобода [9, л. 42]. 5 мая 1984 г. учащиеся группы ЭПС-21 произвели уборку территории вокруг вагонов, где останавливались ветераны 62-го особого Новосokolьнического дивизиона бронепоездов, приезжавшие в Курск на VI традиционную встречу.

Более 60 учащихся КТЖТ участвовали во встрече с ветеранами 62-го дивизиона в Доме культуры железнодорожников. Она проводилась под девизом «Память барабанит 41-й» [10, л. 18, 24, 28–29].

В апреле 1985 г., в преддверии 40-летия Победы, учащиеся во главе с А. Л. Мелентьевым совершили поездку в Город-Герой Волгоград. Они посетили мемориал на Мамаевом кургане, панораму «Сталинградская битва», встретились с участниками Сталинградской битвы – подполковником в отставке А. М. Долгушиным и ст. сержантом И. И. Андреевым, ветеранами армии Монгольской народной республики [9, л. 42].

Венцом патриотической работы в год 40-летия Победы стал организованный 8 мая 1985 г. спортивный праздник на стадионе «Локомотив». Под звуки военных песен застыли ветераны войны-преподаватели А. Ф. Сорокалетов, М. Ф. Удалова, И. Ф. Лопатьев, Н. И. Пономаренко, М. Г. Севрюков, В. П. Толкачëв и учащиеся техникума.

На празднике представитель Кировского райвоенкомата вручал ордена Отечественной войны I и II степеней ветеранам войны и труда техникума – военруку М. Г. Сердюкову, преподавателю истории М. Ф. Удаловой и бывшему разведчику А. А. Чепелеву.

Постоянным проявлением живой связи поколений стали напутственные слова ветеранов, адресованные учащемуся группы ЭПС-22 В. Кравченко, отправлявшемуся на службу в Советскую Армию.

В заключении агитбригада «Магистраль» представила собравшимся свою программу, посвященную 40-летию Победы.

Таким образом, с 1985 г. в техникуме сохраняется замечательная традиция проведения в канун Дня Победы военно-спортивных праздников.

Весьма значимой формой военно-патриотического воспитания учащихся техникума становились агитпоходы. Летом 1985 г. агитпоход, посвященный 40-летию Победы, прошел по маршруту Курск – Льгов – Арбузово – Курбакинская – Курск. На линейных станциях учащиеся читали доклады о героизме советских железнодорожников, выступали с концертными номерами, возлагали цветы к могилам павших советских воинов [9, л. 43].

В июле 1985 г. учащиеся техникума провели встречу с ветеранами войны и труда – стахановцами первых пятилеток. Своими воспоминаниями поделились выпускник вечернего техникума 1933 г. В. В. Табачков, депутат Верховного Совета РСФСР III–IV созывов, выпускник вечернего отделения техникума 1964 г., заместитель

начальника локомотивного депо Курск по эксплуатации А. Е. Савченко, мастер сварочного цеха депо, один из строителей бронепоезда № 15 «Бесстрашный» в 1941 г. И. Н. Хахалев, почётный железнодорожник В. И. Долгих [9, л. 44].

Традиционными стали встречи учащихся техникума с ветеранами войны и труда, проводившиеся в Музее истории локомотивного депо Курск. Учащиеся отделения ЭПС изготовили для переоборудованного музея электрифицированную карту-схему боевого пути курских бронепоездов в 1941–1942 гг., модели электровозов на которых более четверти века трудились курские локомотивщики [9, л. 44].

Знакомство с экспозициями музея боевой и трудовой славы локомотивного депо вызывало интерес у учащихся техникума. У них появилось желание создать музей своего учебного заведения.

После встречи с выпускником техникума 1942 г., главным инженером локомотивного депо, почетным железнодорожником Н. П. Манжосовым, в техникуме под руководством А. Л. Мелентьева развернулась работа по восстановлению фамилий сотрудников и выпускников, погибших в годы Великой Отечественной войны. К работе подключились выпускники техникума предвоенных и военных лет С. Т. Алфёров (выпускник 1939 г.), С. Е. Друшляк (выпуск 1940 г.), И. Н. Букреев (выпуск 1942 г.). За четыре года им удалось восстановить фамилии 30 погибших, которые были переданы для занесения в областную Книгу Памяти.

Это направление героико-патриотической работы послужило фундаментом для создания экспозиций музея истории техникума.

Благодаря поиску и личной энергии инициативной группы А. Л. Мелентьева были собраны ценные экспонаты для будущего музея. Значительную помощь в установлении связи с выпускниками разных лет учащимся техникума оказывали А. В. Григорьева, М. Р. Бусленко, А. И. Шумакова (выпуск 1933 г.), Ю. В. Князьков (выпуск 1937 г.), Н. Е. Муравьёв, С. Т. Алфёров (выпуск 1939 г.), С. Е. Друшляк, В. Ф. Ляточ (выпуск 1940 г.), Н. П. Манжосов, И. Н. Букреев (выпуск 1942 г.), Ю. А. Соколов (выпуск 1944 г.), Г. Я. Арепьева (выпуск 1946 г.) и др.

В 1986 г. в здании общежития техникума (ул. Театральная, д. 78 «А») в 1986 г. были оформлены: галерея дважды почетных железнодорожников Курского узла (14 человек), стенды, посвященные боевому пути бронепоезда «Молния» (1918–1921 гг.), бронепоездов № 14 и № 15 62-го отдельного дивизиона (1941–1942 гг.), отражавшие героические боевые дела Курских железнодорожников.

Душой поисковой работы стал почетный железнодорожник А. Л. Мелентьев и учащиеся: С. Разиньков, А. Быканов, О. Ефимкина, А. Чередниченко, И. Курасов, В. Киенко, В. Носов, А. Кутафин [11, с. 138].

29 мая 1987 г. состоялось открытие музея с приглашением 30 ветеранов-выпускников техникума [12, л. 33; 13; 14].

На здание техникума (ул. Добролюбова, д. 4) была установлена мемориальная доска в честь Героя Советского Союза, генерал-полковника авиации С. А. Гуляева, учившегося в техникуме с 1934 по 1937 гг. [15;16].

22 февраля 1988 г., в канун Дня Советской Армии, на здании техникума была открыта вторая мемориальная доска, свидетельствующая о том, что в 1934–1936 гг. в Курском железнодорожном техникуме учился Герой Советского Союза, полковник авиации И. Е. Плеханов [17, л. 31].

В октябре 1987 г. Музей истории железнодорожного техникума по итогам XII этапа Всесоюзного похода по местам боевой и трудовой славы советского народа был отмечен Дипломом Центрального штаба [18, л. 173–174, 181–183; 19, с. 273]. В областном конкурсе на лучшее исполнение исторических песен второе место заняло исполнение песни студентом КТЖТ Р. В. Зуевым [19, с. 276].

Памятной медалью Центрального штаба был награжден А. Л. Мелентьев [18, л. 199].

Группа учащихся железнодорожного техникума участвовала в подготовке паровоза Эм 728-73 к установке на вечную стоянку в локомотивном депо Курск. Вместе с ветеранами войны и труда А. Е. Савченко, Ю. В. Князьковым, Агенковым молодые железнодорожники участвовали в приведении в порядок различных узлов и деталей паровозов, очищали от ржавчины и грязи котел, дышловой механизм, паровозный тендер. 7 мая 1987 г. при участии студентов техникума состоялось торжественное открытие памятника-паровоза Эм 728-73 [20; 21; 22]. 30 июня 1987 г. областной штаб направил в адрес ЦК ВЛКСМ и Центрального штаба Всесоюзного похода ходатайство о награждении «за большую работу по героико-патриотическому воспитанию молодежи, создания музея Курского техникума ж. д. транспорта, участие в восстановлении памятника-паровоза Эм 728-73» памятной медалью Центрального штаба Похода учащихся: А. Ф. Быканова (гр. ЭПС-42), О. В. Ефимкину (гр. ЭС-22) и Дипломом Центрального штаба И. В. Чаплыгина (гр. ЭПС-42) и О. П. Акишина (гр. ЭПС-42) [18, л. 172; 23, л. 25].

20 июля 1987 г. Центральный штаб Всесоюзного похода, возглавляемый Маршалом авиации, Героем Советского Союза С. И. Руденко отметил четырех молодых курян железнодорожников наградами Ленинского комсомола [19, с. 272].

6–9 мая 1988 г. по инициативе ветеранов Курского узла, секции бронепоездов Московской организации Советского комитета ветеранов войны и областного штаба Всесоюзного Похода [24, л. 37 об.] была организована Первая Всесоюзная встреча ветеранов бронепоездов. В Курск для участия в ней прибыли 50 ветеранов, представлявших боевые экипажи 21 дивизиона и отдельных бронепоездов.

Курский горком комсомола привлёк к работе по подготовке встречи, обеспечению бытовых условий ветеранов и комсомольскую организацию Курского техникума железнодорожного транспорта [25, л. 24].

7 мая 1988 г. студенты техникума, возглавляемые А. Л. Мелентьевым, совместно с ветеранами совершили поездку до ст. Мармыжи.

Здесь состоялись встречи учащихся с ветеранами 38-го (В. Я. Куплевацкий), 31-го (Г. Е. Шагун, Л. З. Шагун, В. М. Морозов), 62-го (Ф. Ф. Костогрыз, И. И. Гладилин) отдельных дивизионов бронепоездов. Учащиеся сфотографировались у боевых знамен 31-го, 32-го, 49-го, 57-го, 59-го, 62-го отдельных дивизионов бронепоездов, которые были доставлены в Мармыжи из Центрального музея Вооруженных Сил СССР (г. Москва) [26; 27].

Более ста учащихся техникума участвовали в торжественном вечере «Дорогая память прожитых лет», проведённая для ветеранов в Доме культуры железнодорожников.

В мае 1990 г. благодаря работе поисковой группы техникума, возглавляемой А. Л. Мелентьевым, удалось уточнить, что из 30 выпускников 1942 г., получивших дипломы в эвакуации в Кзыл-Орде, 15 погибли в период Великой Отечественной войны [28, с. 49–50].

Из 15 человек, возвратившихся к мирному труду после войны, переписку удалось установить с девятью ветеранами. В своих письмах они высказывали пожелание побывать в стенах родного им учебного заведения в г. Курске.

7–8 мая 1990 г. через 48 лет в зале Дома культуры железнодорожников встретились 8 выпускников техникума 1942 года: И. Н. Букреев, Н. Т. Ласков, Н. П. Манжосов (из Курска), А. А. Никитин, и П. Е. Яншин (из Брянска), С. Н. Золотарёв (из Воронежа), М. С. Переверзев (из Днепропетровска), И. Ф. Чернышов (из Одессы).

Ветераны, прошедшие через горнило сражений, совершили поездку в старое здание техникума на ул. Добролюбова, д. 4, осмотрели Музей истории техникума, почтили минутой молчания память своих товарищей, погибших в военное лихолетье [29, с. 32].

Встреча выпускников 1942 г. активизировала общественное движение по добровольному сбору средств на сооружение памятного знака в честь выпускников, учащихся и преподавателей Курского техникума паровозного хозяйства, павших в 1941–1945 гг. на фронтах Великой Отечественной войны.

Как отмечалось в отчете руководства техникума о проведении учебно-воспитательной работы за 1989–1990 учебный год, в числе лидеров инициативы по сооружению памятника были учащиеся техникума третьего курса: К. Русанов, А. Бурцев (ЭС-31), Ю. Шмойлов, А. Свиридов (ЭПС-31), которые начали сбор личных средств на строительство памятного знака [30, л. 29]. Предполагалось, что завершение работ по строительству

памятного знака будет завершено к началу 1990–1991 учебного года. Но после смерти А. Л. Мелентьева (октябрь 1990 г.) эта работа приостановилась на долгие годы.

В октябре 1994 г. Курский железнодорожный техникум праздновал свое 65-летие. В период подготовки к юбилею руководство техникума неохотно шло на контакты с ветеранами-выпускниками. Несмотря на сомнения скептиков, праздник удался как для ветеранов войны, работавших на предприятиях Курского отделения, так и для учащихся техникума.

Одним из наиболее волнующих моментов праздника стало открытие мемориальных досок в память выпускников, учащихся и сотрудников техникума, погибших в годы Великой Отечественной войны.

Ведь после смерти организатора Музея истории техникума, почётного железнодорожника А. Л. Мелентьева на многие экспонаты легла пыль забвения. Это коснулось и мемориальных досок с именами павших защитников Родины, хранившихся в кладовой музея. Благодаря поисковой работе, которую провели ветераны транспорта, была выявлена 31 фамилия питомцев техникума, не вернувшихся из кровавых битв.

В пасмурный холодный день, волновались многие. Особенно старые фронтовики, товарищи тех, чьи имена были запечатлены в мраморе. Право открытия мемориальных досок было предоставлено выпускникам 1942-го (гостям из г. Брянска), участникам Великой Отечественной войны А. А. Никитину, П. Е. Яньшину, а также выпускнику 1954 г., генерал-майору технических войск Ю. И. Бобрышеву.

На линейке, посвященной памяти павших, выступил ветеран войны, почетный железнодорожник Н. П. Манжосов. «Этим актом человеческой памяти мы выполняем долг перед павшими товарищами, – сказал Николай Петрович. – Мы сегодня стоим у роковой черты, за которой заканчивается наш жизненный путь... Но имена павших, сохраненные на мемориальных досках, дают нам надежду, что память о них не уйдет с нами, а сохранится дальнейшими поколениями учащихся техникума».

На торжественном вечере, подготовленном под руководством заведующего отделением В. К. Лариным, отмечалось о памяти павших. Ветераны выступали на «уроках» истории, географии, мужества, рассказывая о родной специальности [11, с. 139–140].

В феврале 1997 г. по инициативе выпускников 1942 г. состоялся вечер, посвященный 55-летию их «огненного выпуска» [32, с. 143].

На более чем 15 лет затянулся процесс сооружения памятного знака. У здания техникума все эти годы ржавела передняя часть паровоза Эр, переданная руководством Курского отделения Московской железной дороги как основной элемент памятного знака.

Лишь в год 60-летия Победы (2005 г.) при участии директора техникума А. В. Агеева преподавателями и студентами было заработано

почти 500 тыс. рублей, направленных на завершение строительства знака [31, с. 49].

Основой памятного знака стали передняя часть паровоза и стела с мемориальными досками, на которых нанесены имена 35 выпускников и сотрудников техникума, погибших в годы Великой Отечественной войны, а также фамилии двух выпускников: А. О. Родина, погибшего в 1999 г. в период боевых действий на Северном Кавказе и Д. В. Старосельцева – матроса АПРК «Курск», затонувшей в Баренцевом море 12 августа 2000 г.

6 мая 2006 г. при участии ветеранов Великой Отечественной войны (в том числе и выпускников техникума А. А. Никитина, И. А. Гладилина) состоялось открытие памятного знака. Необходимо отметить, что по инициативе руководства техникума (директор – В. А. Агеев) летом 2019 г. был выделен значительный объем денежных средств, направленных на реставрацию памятного знака.

В заключении, отметим, что становление и развитие гражданско-патриотического воспитания учащихся (с начала XXI столетия – студентов) Курского железнодорожного техникума находилось в полном соответствии с идеологическими требованиями, предъявляемыми руководством Коммунистической партии и Советского правительства по патриотическому воспитанию трудящихся. В Курском железнодорожном техникуме активно внедрялись рекомендации ЦК ВЛКСМ, Центрального штаба Всесоюзного похода по местам боевой и трудовой славы советского народа по проведению туристско-краеведческой, поисковой, военно-мемориальной работы.

Так, под руководством преподавателя техникума А. Л. Мелентьева начался сбор материалов о выпускниках техникума различных лет, в том числе и погибших в годы Великой Отечественной войны. Основным результатом этой работы стало открытие Музея истории техникума (май 1987 г.) и подготовка к сооружению памятного знака в честь погибших выпускников, учащихся и сотрудников Курского техникума паровозного хозяйства, который был открыт 6 мая 2006 г.

Источники и литература

1. Государственный архив общественно-политической истории Курской области (далее – ГАОПИКО). Ф. П-94. Оп. 1. Д. 320.
2. ГАОПИКО. Ф. П-40. Оп. 1. Д. 371.
3. ГАОПИКО. Ф. П-40. Оп. 1. Д. 394.
4. ГАОПИКО. Ф. П-131. Оп. 1. Д. 686.
5. ГАОПИКО. Ф. П-131. Оп. 3. Д. 33.
6. Курская правда. 1965. 20 апр.
7. Молодая гвардия. 1965. 22 апр.
8. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. Р-91. Оп. 1. Д. 36.
9. ГАКО. Ф. Р-540. Оп. 1. Д. 174.
10. ГАОПИКО. Ф. П-40. Оп. 19. Д. 8.

11. Этапы большого пути. Из истории трудовых традиций железнодорожников Курского отделения Московской железной дороги. 1945–1995. Кн. 3 / авт. колл.: А. Н. Манжосов, В. К. Гладких, А. Л. Мелентьев и др. Курск, 1996.
12. ГАКО. Ф. Р-540. Оп. 1. Д. 167.
13. Курская правда. 1987. 30 мая.
14. Московский железнодорожник. 1989. 15 июня.
15. Молодая гвардия. 1987. 13 июля.
16. Московский железнодорожник. 1987. 17 июля.
17. ГАКО. Ф. Р-540. Оп. 1. Д. 183.
18. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. М-1. Оп. 145. Д. 244.
19. Память, ты для сердца свята. Деятельность комсомольских и молодёжных организаций Курской области по героико-патриотическому воспитанию в 50–90-е годы XX века. Сборник документов. Курск, 2008.
20. Курская правда. 1987. 12 мая.
21. Московский железнодорожник. 1987. 29 мая.
22. Гудок. 1987. 30 июня.
23. ГАКО. Ф. Р-91. Оп. 1. Д. 8.
24. ГАКО. Ф. Р-91. Оп. 1. Д. 30.
25. ГАОПИКО. Ф. П-40. Оп. 23. Д. 7.
26. Курская правда. 1988. 13 мая.
27. Молодая гвардия. 1988. 9 мая.
28. Книга Памяти. Т. 17. Ч. 4. Курск, 2018.
29. Курский край. Научно-исторический журнал. 2004. № 10–11 (60–61).
30. ГАКО. Ф. Р-540. Оп. 1. Д. 193.
31. Агеев А. В. Дал профессию, стал нашей судьбой... // Аккредитация в образовании. 2007. № 16 (июль).
32. Этапы большого пути. Из истории трудовых традиций железнодорожников Курского отделения Московской железной дороги. 1945–1995. Кн. 4 / авт. колл.: А. Н. Манжосов, В. К. Гладких, Н. П. Манжосов, Н. Ф. Федорищев. Курск, 1997.

Н. И. Кужина,

Государственный архив Хабаровского края

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВЫХ ЛАГЕРЕЙ
ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА СССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ ПО ДОКУМЕНТАМ
ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ХАБАРОВСКОГО КРАЯ**

Аннотация. На основе статистических данных и иных документов автор рассматривает экономическую роль лагерей в военно-промышленном комплексе страны и результат их производственной деятельности на территории Дальнего Востока в период Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, исправительно-трудовые лагеря и колонии, главное управление лагерей, Дальний Восток

СССР, Хабаровский край, Приморский край, строительство, аэродром, боеприпасы, нефтепровод, армия, фронт.

«Мы должны немедленно перестроить
всю нашу работу на военный лад,
все подчинив интересам фронта и
задачам организации разгрома врага»
И. В. Сталин

В статье анализируется деятельность исправительно-трудовых учреждений Дальнего Востока в 1941–1945 гг., направленная на повышение обороноспособности страны. В Великую Отечественную войну лагеря являлись своего рода участниками системы тылового обеспечения армии. В работах исследователей деятельность лагерей чаще раскрывается, как учреждений, выполняющих карательные функции. Комплекс документов, сохранившийся в разных архивах страны, в том числе и в Государственном архиве Хабаровского края, позволяет анализировать данный вопрос с разных ракурсов.

В предвоенные годы система исправительно-трудовых лагерей и колоний (ИТЛиК) являлась крупнейшим промышленно-строительным подразделением в производственном механизме СССР. В 1941 г. как и многие заводы и фабрики, колонии Управления лагерей НКВД (УЛАГ) были перестроены на производство военной продукции. Например, центральный ремонтный завод (ЦРЗ) № 1 Бурлага НКВД специализирующийся на капитальном ремонте строительных, дорожных, подъемных механизмов, тракторов, дизелей, локомотивов, станков заводского оборудования, при необходимости мог быть переоборудован для ремонта танков [1, л. 13]. В сферу деятельности управления ИТЛиК НКВД в военное время помимо основных видов работ входили: лесозаготовки, строительство и обслуживание аэродромов, дорог, выпуск боеприпасов и спецкупорки для них, производство и ремонт армейского вещевого имущества, обуви, лыж, саней, лопат, кузовов к автомашинам. По мнению исследователя Л. И. Бородкина, в условиях войны, когда мобилизационная экономика СССР перешла в предельно напряженный режим, экономическая роль ГУЛАГа возросла [2, с. 158].

С началом войны возникла необходимость повышения темпов выполнения государственного плана по добыче полезных ископаемых, возведения новых промышленных объектов для производства оборонной продукции. На Колыме развернулась большая работа по постройке предприятий: авторемонтного и судоремонтного заводов, механических мастерских, а также освоению сырьевых богатств. В то же время руководством страны пересматривался приоритет некоторых строек, например: было приостановлено строительство железнодорожной линии Комсомольск-на-Амуре – Советская Гавань [3, л. 22].

Главной производственной задачей лагерей с 1941 по 1945 гг. оставалась снабжение фронта боеприпасами. По решению правительства, заводы, находящиеся в ведомстве НКВД на Дальнем Востоке, с конца 1941 г. начали осваивать производство мин и с февраля 1942 г. уже давали для фронта готовую продукцию. Тахтамыгденский ЦРЗ № 31 Бурлага приступил в декабре 1941 г. к разработке технологического процесса и необходимых приспособлений для отливки мин М-82, к февралю 1942 г. завод планировал выпускать 5 000–8 000 мин [1, л. 21]. Согласно новым техническим указаниям, к 1 февраля 1942 г. подготовительные работы на заводах Нижнеамурлага для изготовления мин были закончены [4, л. 131]. За февраль – март 1942 г. Биробиджанскими мастерскими было сдано для фронта 8 950 мин М-82, Тахтамыгдинским ЦРЗ № 1 – 11 559 мин [1, л. 54].

По постановлению Государственного комитета обороны (ГКО) от 5 мая 1942 г. № 1705сс за подписью Секретаря ЦК ВКП(б) И. В. Сталина на мастерские Буржелдорлага, за май 1942 г. было возложено изготовление 2 000 мин [1, л. 57]. Начальник управления Буржелдорлага НКВД майор госбезопасности И. Г. Петренко докладывал, что с мая 1942 г. на фронт было отправлено 19 600 мин М-120 и 92 000 мин М-82 [5, л. 131]. Распоряжением уполномоченного НКВД СССР по Дальнему Востоку С. А. Гоглидзе на промышленные предприятия УИТЛиК УНКВД по Приморскому краю также возлагалось выполнение программы по боеприпасам и строительству оборонных объектов. Во II полугодии 1943 г. выпуск боеприпасов Владлагом составил 205 000 мин, при годовой норме утвержденной ГУЛАГом 250 000 мин [6, л. 73, 75]. В 1943 г. 9 заводов НКВД по Дальнему Востоку специализировались на изготовлении боеприпасов [7, л. 1]. В 1943 г. в г. Свободном состоялась первая техническая конференция заводов НКВД Дальнего Востока, выпускавших боеприпасы. УИТЛиК НКВД Дальнего Востока за период войны было выпущено 50 000 т боеприпасов [8, л. 93–93 об.]. Отметим, что руководство страны старалось не привлекать лагеря к производству танков, самолетов, артиллерийских орудий.

К деятельности лагерей в военные годы также относилось сооружение бомбохранилищ на 300 тонн, 6-и бензоскладов на 225 т.

Одной из главных задач, выполняемой лагерями в военные годы было строительство аэродромов. Постановлением ГКО на органы НКВД СССР в 1942 г. было возложено строительство аэродромов на Дальнем Востоке в районах следующих населенных пунктов: Чекунда, Усть-Ургал (Буржелдорлаг НКВД СССР, начальник И. Г. Петренко), Мариинск, Любитовка (Хабаровский Улаг НКВД СССР, начальник Г. М. Орентлихерман), Кондон (Нижнеамурлаг, НКВД СССР начальник Петров) [9, л. 1].

Начало войны внесло существенные коррективы в производственные планы НКВД, значительно сократив сроки строительства объектов оборонного назначения. Так к концу 1941 г. подходило к завершению

строительство 12 аэродромов на Дальнем Востоке [10, л. 135, 184], среди них большой аэродром в г. Хабаровске (Строительство № 71, начальник В. Дружинин), аэродром в с. Сергеевка (Строительство № 134, начальник И. Е. Сусман), аэродром на Камчатке (Строительство № 129, начальник С. Б. Гринберг) [11, л. 209].

В сентябре 1943 г. были сданы в эксплуатацию аэродромы в пос. Чекунда (Строительство № 1460, начальник Б. С. Зигмонт), в пос. Горин (Строительство № 1414, начальник В. А. Матвеев) и в Мариинске (Строительство № 1340, начальник Д. А. Тесленко) [10, л. 185]. На лагеря также была возложена задача по уборке снега с аэродромов и взлетно-посадочных полос [9, л. 12].

К объектам стратегического значения, укрепляющим военную и хозяйственную мощь Дальнего Востока, сооруженным лагерями в 1941–1945 гг. также относились нефтепровод и железные дороги.

Постановлением СНК СССР от 7 мая 1941 г. и приказом Народного комиссариата внутренних дел СССР от 17 мая 1941 г. № 0250 строительство нефтепровода было передано из системы народного комиссариата в Главное управление лагерей железнодорожного строительства (ГУЛЖДС) НКВД. К 1 ноября 1942 г. Нижне-Амурским ИТЛ НКВД было завершено строительство первой очереди нефтепровода Оха на Сахалине – Софийское на Амуре протяженностью 371 км, что способствовало решению вопроса транспортировки сахалинской нефти в Комсомольск-на-Амуре и Хабаровск [12, л. 1]. 3 ноября 1942 г. досрочно была введена в действие железнодорожная линия Известковая – Ургал 334 км [13, л. 33].

Следует подчеркнуть, что срок деятельности лагерей напрямую зависел от специфики и масштабов строительства. Постановлением ГКО от 21 мая 1943 г. № 3407сс на НКВД СССР было возложено строительство первой очереди железнодорожной линии Комсомольск-на-Амуре – Советская Гавань протяженностью 445 км и 3-х морских ряжевых причалов в бухте Ванино. Для организации руководства строительством и лагерями, а также проектно-изыскательскими работами, приказом Л. П. Берии от 26 мая 1943 г. № 00894 было создано Управление строительства железнодорожной линии Комсомольск-на-Амуре – Советская Гавань (Строительство № 500 НКВД СССР). На западном участке линии был организован Нижнеамурский лагерь, на восточном – Восточный лагерь [14, л. 20]. В докладной записке Л. П. Берии направленной И. В. Сталину и заместителю председателя СНК СССР В. М. Молотову от 27 января 1945 г. о капитальном строительстве и выпуске промышленной продукции, предприятиями НКВД СССР в 1944 г. было зафиксировано, что на железнодорожной линии Комсомольск-на-Амуре – Советская Гавань в 1944 г. уложено 270 км пути [15, л. 241]. Рабочее движение по линии Комсомольск-на-Амуре – Советская Гавань было открыто 12 января 1946 г. [16, л. 244].

К деятельности Управления строительства № 500 НКВД СССР в годы войны относилось обеспечение радио-, телеграфной- и телефонной связью. Центральная радиостанция строительства располагалась в г. Комсомольске-на-Амуре. 16 ноября 1943 г. была открыта прямая радиосвязь Комсомольск-на-Амуре – Управление строительства № 500 – Москва ГУЛЖДС. Для обслуживания авиалинии Комсомольск-на-Амуре – Советская Гавань была налажена радиосвязь между аэродромами строительства, самолетами в воздухе и метеостанцией. Среднесуточный обмен радиogramмами Комсомольск-на-Амуре – Советская Гавань – Москва доходил до 68-ми сообщений, среднесуточный обмен телеграммами между пунктами Комсомольск-на-Амуре, Хабаровск, Москва, Советская Гавань, Хунгари, Известковая, Софийск доходил до 360-и сообщений [17, л. 75, 77].

Нужды военного времени потребовали скорейшего восстановления шоссейно-дорожных объектов, в первую очередь мостов, что было возможно при использовании принудительного труда лагерей Управления шоссейно-дорожного строительства (УШОСДОР). В труднейших таежных условиях была построена автодорога до ст. Чегдомын, протяженностью 125 км, что позволило обеспечить связь Умальтинского рудника с Ургальской железной дорогой, завершено строительство автодороги протяженностью 67 км к речным базам Умальтинского молибденового рудоуправления [18, л. 1].

Нельзя не отметить вклад лагерей в обеспечение вещевым довольствием вооруженных сил страны. В 1943 г. по заказу Дальневосточного фронта Владлагу было поручено изготовление 750 пар косячков металлических для сапог и 900 пар крючков, петель для шинелей [6, л. 73, 75]. Решением суженного заседания Хабаровского крайисполкома от 2 марта 1943 г. № 209/ЗС на Свободненский лагерь УНКВД было возложено изготовление 2 млн пар петель и крючков к шинелям, 1 млн пар косячков к обуви [19, л. 40].

На выполнение лагерями производственных заданий, влияло комплектование их сопутствующими материалами. Были случаи невыполнения лагерями плана по изготовлению вещей для обмундирования армии. Например, Свободненским лагерем было изготовлено лишь 25 000 пар набоек резиновых вместо 100 000, изготовленные им 3 000 резиновых подметок составили 23 % от задания, также им не был выполнен план по изготовлению 2 000 пар колодок [19, л. 40].

Согласно постановлению Бюро Хабаровского крайкома ВКП(б) от 24 апреля 1943 г. Нижне-Амурский ИТЛ НКВД должен был осуществить ремонт и стирку вещевого имущества по заказу штаба Дальневосточного фронта. В соответствии с этим, был заключен договор между лагерем и вещевым отделом интендантского управления Дальневосточного фронта на производство, ремонт и стирку 56 000 ватных телогреек, 68 000 брюк

ватных, 80 000 шлемов зимних, ремонт 40 000 пар валенок. Решением ГКО и приказом Народного комиссара внутренних дел СССР Л. П. Берии, Нижнеамурлаг был освобожден от работ, не связанных с производственным заданием Строительства № 500 [20, л. 64].

За годы войны на Дальстрое было выпущено 60 000 телогреек, 65 000 ватных брюк, 608 000 шт. верхней одежды, 15 000 шт. спецодежды, 267 000 пар обуви [21, л. 15]. УИТЛиК УНКВД Дальнего Востока за период войны в Народный комиссариат обороны сдано 902 000 пар белья [8, л. 93–93 об.].

Следует отметить низкую обеспеченность лагерей машинным оборудованием, что влияло на выполнение ими плановых показателей. Часто лагерям для выполнения заказов Дальневосточного фронта приходилось изыскивать средства самим.

Г. А. Ткачева пишет, что характерной чертой экономики НКВД являлось чрезвычайно широкое распространение тяжелого физического труда. Располагая огромным парком разнообразного оборудования, коэффициент его использования оставался на низком уровне [22, с. 242]. Особенностью производственной деятельности лагерей было использование не технических, а людских ресурсов в огромном масштабе. Если лагеря не выполняли производственные программы, для расследования причин нарушения производственного режима в лагерные подразделения направлялись работники Контрольно-инспекторских групп.

Помощь лагерных управлений фронту не ограничивалась только строительством и производством. Несомненной заслугой, является их участие в финансовых операциях в виде денежных лотерей, отчислений, направленных на помощь фронту.

УИТЛ НКВД по Хабаровскому краю в 1942 г. было отправлено 1 000 посылок, в помощь детям, пострадавшим от оккупации, собрано 90 500 руб. Сотрудники управления приняли участие в 2-х вещевых лотереях на сумму 54 000 руб., перевели на постройку эскадрильи самолетов «Хабаровский чекист» 11 000 руб., в фонд обороны – 7 500 руб. Также управлением было передано для армии 1 500 штук теплых вещей, денежная помощь семьям бойцов в размере 11 000 руб. [23, л. 44]. За время войны УИТЛиК перевело денежных средств на сумму 251 млн руб. [8, л. 93].

Общая сумма взноса на боевую технику, собранная работниками Дальстроя, на 15 марта 1943 г. составила 480 236 руб. [24, л. 149]. Подписка УШОСДОР УНКВД по Хабаровскому краю на военный заем всех рабочих и служащих составила в 1942 г. 410 555 руб., что соотносилось с 95 % месячного фонда их заработной платы, подписка на денежно-вещевую лотерею в сумме 84 920 руб. составляла 21 % от месячного фонда их заработной платы. Коллектив дорожно-эксплуатационного участка (ДЭУ)-555 имел шефство над отделением госпиталя, на содержание которого отчислял ежемесячно 10 % от фонда

заработной платы. Им были собраны средства на постройку танковых колонн «Боевой дорожник», «Хабаровский Осоавиахим». Все коллективы ДЭУ принимали участие в сборе средств на строительство эскадрильи самолетов «Хабаровский Комсомол» и эскадрильи санитарных самолетов и банно-прачечного поезда [25, л. 14 об.].

Война ускорила индустриализацию в стране и в особенности на Дальнем Востоке, немалую роль в этом сыграли предприятия НКВД. За годы войны на Дальстрое были пущены в эксплуатацию: мартеновское производство, мастерские по выпуску и восстановлению электромоторов, сварочных агрегатов и электроламп, завод по производству горного и механического оборудования, сернокислотный завод, предприятия по изготовлению огнеупоров, креозотового масла, стекольный завод, предприятие по изготовлению из регенерата утиля резиновых изделий, добыча и производство стройматериалов, производство карбида кальция и активированного угля, ватная фабрика [21, л. 3, 8]. За 1942 г. Райчихлагом было добыто 2 100 000 т угля [26, л. 142]. В III квартале 1944 г. предприятиями НКВД СССР по Хабаровскому краю было изготовлено 1,5 млн штук кирпичей, 500 т извести [18, л. 18]. За период войны был освоен карьер огнеупорной глины для металлургического завода «Амурсталь» г. Комсомольска-на-Амуре [8, л. 93]. В годы войны лагерями были построены гражданские сооружения по железнодорожной линии Ургал – Известковая: школа, ясли, детские сады, клуб, магазины, столовая, жилые дома [27, л. 30].

С окончанием войны перед УИТЛиК, как и перед остальными промышленными организациями встали задачи планомерного перепрофилирования с военного производства на выпуск продукции гражданского назначения и передачи их из системы УЛАГа НКВД в ведомства главков и наркоматов. В УИТЛиК поступило указание Наркомата о прекращении выпуска боеприпасов и реорганизации заводов для ремонта автомашин, механизмов и изготовление запчастей к ним. 29 марта 1943 г. Умальтинский молибденовый рудник производительностью 60 000 т, расположенный в Амурской области, был принят из системы ГУЛАГ НКВД СССР в систему ГЛАВМеТА НКВД СССР [28, л. 1]. Приказом НКВД СССР от 26 мая 43 г. № 00894 УИТЛиК НКВД по Хабаровскому краю были переданы от Нижне-Амурского лагеря НКВД заводы и мастерские, изготавливавшие боеприпасы и спецукупорку [29, л. 1]. Распоряжением СНК СССР от 19 апреля 1945 г. № 6512-рс авторемонтные мастерские Нижне-Амурского лагеря НКВД СССР были переданы Наркомсредмашу для организации сборки автомобилей [30, л. 28].

Рассмотрев основные аспекты вопроса деятельности лагерей в военные годы, можно сделать вывод, что вклад каждого лагерного подразделения, как экономической единицы в народном хозяйстве страны, в общее дело Победы достаточно весом. Огромная роль принадлежит

лагерям в строительстве грандиозных объектов коммуникации и инфраструктуры (железных дорог, аэродромов, шоссейных дорог и мостов, радиосвязи), сооружение которых пришлось на суровые годы Великой Отечественной войны и имело большое значение в промышленном освоении Дальнего Востока, как в военное, так и в мирное время.

Источники и литература

1. Государственный архив Хабаровского края (далее – ГАХК). Ф. Р-706. Оп. 5. Д. 1.
2. Бородкин Л.И. ГУЛАГ в годы войны // Россия и современный мир. 2016. № 1 (90).
3. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-5446. Оп. 25а. Д. 7227.
4. ГАХК. Ф. Р-706. Оп. 5. Д. 21.
5. ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 1240.
6. ГАХК. Ф. Р-706. Оп. 5. Д. 20.
7. ГАХК. Ф. Р-706. Оп. 4. Д. 5.
8. ГАХК. Ф. П-80. Оп. 2. Д. 92.
9. ГАХК. Ф. Р-706. Оп. 3. Д. 5.
10. ГАХК. Ф. Р-706. Оп. 2. Д. 15.
11. ГАХК. Ф. П-80. Оп. 1. Д. 12.
12. ГАХК. Ф. Р-706. Оп. 4. Д. 4.
13. ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 44а. Д. 4884.
14. ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 1561.
15. ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 92.
16. ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 134.
17. ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 1717.
18. ГАХК. Ф. П-35. Оп. 3. Д. 191.
19. ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 1491.
20. ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 1558.
21. ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 1559.
22. Ткачева Г.А. Оборонно-экономический потенциал Дальнего Востока СССР в 1941–1945 гг. Владивосток, 2005.
23. ГАХК. Ф. П-80. Оп. 1. Д. 22.
24. ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 1658.
25. ГАХК. Ф. Р-974. Оп. 1. Д. 9.
26. ГАХК. Ф. П-35. Оп. 3. Д. 501.
27. ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 1296.
28. ГАХК. Ф. Р-706. Оп. 4. Д. 6.
29. ГАХК. Ф. Р-706. Оп. 5. Д. 27.
30. ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 1866.

В. М. Кузьмина,
кандидат исторических наук
Юго-Западный государственный университет

МОБИЛИЗУЮЩАЯ И АГИТАЦИОННО-ПРОПАГАНДИСТСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТВОРЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. В статье говорится о том, что в период ВОВ курская творческая интеллигенция определила для себя в качестве основных следующие задачи: принять участие в консолидации и мобилизации (трудовой и военной) населения; поддерживать и пропагандировать повышенные трудовые обязательства трудящихся страны; проводить агитационно-пропагандистские мероприятия по оказанию сопротивления населения фашистской агрессии; участвовать в поднятии морального трудового и боевого духа населения через организацию концертов и выступлений на заводах и фронтах; оказывать материальную помощь Красной армии путем вложения средств в военное производство.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, интеллигенция, творческая интеллигенция, поэты, писатели, художники, артисты.

22 июня в 12 часов дня по радио было передано обращение к народу в связи с нападением фашистской Германии на Советский Союз. Программа мобилизации сил страны на борьбу с агрессором была сформулирована в директиве Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г. и в речи Председателя ГКО И. В. Сталина 3 июля и определила направление, характер и масштабы практических мероприятий по созданию в сжатые сроки слаженного военного хозяйства.

Представители творческой интеллигенции все силы направили на решение поставленных задач, тем более что трудовое население показало высокий уровень сознательности и готовности мобилизовать свои силы для оказания помощи фронту. Не только советское правительство, но и руководство Германии отдавало себе отчет в действенности мероприятий, проводимых творческой интеллигенцией, в действенности агитации и пропаганды литераторов, драматургов, художников, композиторов, поэтому еще весной 1941 г. Главное управление имперской безопасности разослало всем спецслужбам «Третьего рейха» розыскные листы с надписью «Совершенно секретно! СССР. Список № 1» с указанием о немедленном розыске и аресте с началом войны «особо опасных лиц». С немецкой педантичностью, под порядковыми номерами, с указанием даты и места рождения, национальности и должности перечислялось 5 256 граждан СССР, подлежащих уничтожению в первую очередь. Это были руководящие партийные и советские работники, сотрудники органов НКВД и госбезопасности, дипломаты, военачальники, полководцы,

ученые, деятели культуры, стоявшие достаточно высоко в своеобразной «иерархии смерти»: № 2 – диктор Всесоюзного радио Юрий Левитан, № 21 – публицист Илья Эренбург, № 46 – кинорежиссер Сергей Эйзенштейн, № 93 – писатель Алексей Толстой, № 113 – музыкант Эмиль Гилельс, № 337 – драматург Александр Корнейчук и т. д.

Литература о войне началась 22 июня 1941 г. с обращений известных писателей к народу, с публицистических статей, со стихов. То, что рождалось в стихии войны, было разнообразно в жанровом отношении – это были баллады, лирические стихи, песни, яркие эмоциональные очерки. Писателю А. А. Фадееву принадлежат слова, ставшие лейтмотивом всей деятельности художественной интеллигенции в годы войны: «Мы единственная страна в мире, где под грохот пушек не только не смолкли музы – они активно выступили против врага в едином строю воинов!» [1, с. 281] Сами деятели культуры в первые дни войны осознали возросшее значение литературы и искусства в общественно-политической жизни страны. «Дни войны с особой остротой поставили вопрос о роли работников культуры... Мы боремся за самые святые в истории человечества идеалы», – говорил композитор Д. Д. Шостакович [2]. В. И. Немирович-Данченко в это время писал: «Я твердо знаю, что советский театр сделает все, чтобы его работа была полезной в деле защиты Родины, всемерной помощи Красной Армии» [3].

Писатели Черноземья также отправились на фронт, многим из них не удалось дойти конца войны, а те, кто уцелел, отразили тяготы войны и концлагерей в своем творчестве. Среди них тамбовские поэты и писатели П. А. Дорошин, В. А. Журавлев, И. С. Кучин (Из 9-го класса добровольцем ушел на фронт. Его хорошо знали сотрудники «Комсомольского знамени» и «Тамбовской правды». Первые стихи молодого поэта появились в 1942 г. во фронтовой газете), А. В. Стрыгин, С. И. Голованов и другие. Воронежские и курские поэты и писатели также уходили добровольцами на фронт: Анатолий Абрамов, Юрий Гончаров, Евгений Носов, Константин Воробьев, Федор Волохов, Николай Коноплин, Владимир Кораблинов, Константин Гусев, Гавриил Троепольский, Константин Локотков, Виктор Попов, Иван Сидельников, Владимир Евтушенко и др. Уцелели на войне также писатели, пережившие войну в подростковом возрасте: Алексей Прасолов, Анатолий Жигулин, Владимир Гордейчев, Геннадий Лутков. В годы Отечественной войны орловский писатель А. Н. Яновский воевал на Брянском, Центральном, 3-ем Белорусском фронтах. Как автоматчик-рупорист взвода пешей разведки он участвовал в Орловской битве. А. Н. Яновский в составе 73-й Новозыбковской Краснознаменной стрелковой дивизии участвовал в освобождении четырех районов Орловской области. Его очень уважали офицеры и солдаты за бесстрашие, он отмечен тринадцатью наградами. Главная из них – орден Красного Знамени.

Писатели Центрального Черноземья не могли остаться в стороне от происходящих в стране и мире событий, поэтому они, как и другие представители творческой интеллигенции совмещали в себе качества бойца и «властителя дум». Вклад писателей в индустриальную модернизацию страны на этапе ведения боевых действий, восстановления разрушенных территорий после оккупации можно определить словами М. Пришвина: «Я подумал: сколько чугуна пошло на Днепрострой, на Донбасс, – и все взорвано, страна пуста, как во время татар или в «Слове о полку Игореве». Но вот оно «Слово» лежит, и я знаю, по Слову этому все встанет, заживет. Я так давно занят был словом и так недавно понял это вполне ясно: не чугуном, а Словом все делается» [4, с. 3].

По мнению Л. В. Максаковой и В. А. Куманева, «чем дальше шла война, тем глубже проникал художник в духовный мир воюющего народа, тем разнообразнее стали жанры и формы творчества, тем больше появлялось произведений широкого обобщения» [5, с. 50]. Для того чтобы наше исследование было объективно, необходимо отметить, что поэты и писатели видели всю трагичность положения советского народа в годы войны, высказывались по этому поводу достаточно жестко и категорично, что отмечено в спецсообщении управления контрразведки НКГБ СССР «Об антисоветских проявлениях и отрицательных политических настроениях среди писателей и журналистов». Относительно произведений Н. Асеева, точнее его книги стихов «Годы грома» (1943), в докладной записке начальника управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) В. А. Александрова содержится обвинение в «клеветническом изображении тыла», «описании власти мещанства над людьми», «необходимости побороть в себе чувство ненависти к врагу» и т.д. Такие архивные документы говорят только о том, что писатели, журналисты видели всю сущность советской системы, но они понимали, что советскому труженику, солдату важно верить в побуду, которая в сознании людей связывалась с именем Сталина, верить в лучшие проявления души человека, поэтому и создаются во многом шаблонные образы советских героев и немецких врагов, но именно это дает веру человека в себя, в свои поступки.

Но уже на IX (1944) и X (1945) Пленумах ССП отмечалось, что если в начале войны писатели, поэты, журналисты старались передать свои впечатления о подвиге на фронте и в тылу, то потом они стремились проникнуть в психологию героев своих произведений. В годы Великой Отечественной войны воронежский писатель А. Платонов был фронтовым корреспондентом газеты «Красная звезда». За это время вышли в печати четыре книги военной прозы: «Одухотворенные люди» (1942), «Рассказы о Родине» (1943), «Броня» (1943), «В сторону заката солнца» (1945). Его очерки и рассказы с неизменной подписью «Действующая Армия» постоянно печатались на страницах «Красной звезды» и «Красноармейца». В созданных им рассказах о войне сохраняется присущая А. Платонову

неоднозначность оценок, атмосфера парадоксальности бытия, внутреннего конфликта человека и мира. Орловский писатель В. А. Мильчаков на войне прошел путь от солдата до офицера, участвовал в штурмах Бреста, Кенигсберга, Берлина. Война застала орловского писателя Е. К. Горбова в Ельце сотрудником газеты «Сигнал». Здесь, в непосредственной близости от фронта, были написаны повести «Мирные жители» и «Любимый город», принесшие автору известность. Когда Орел был освобожден от фашистских захватчиков, орловский писатель Яновский стал посылать свои фронтовые очерки в «Орловскую правду». По живым впечатлениям написаны им рассказы об «Орловской битве».

Массовый характер в дни войны начинает приобретать движение многостаночников. 31 июля 1941 г. коллектив московского завода «Красный пролетарий» обратился ко всем рабочим, инженерам, техникам, служащим, работникам науки и искусства Советского Союза с призывом отчислять в фонд обороны ежемесячно до окончания войны свой однодневный заработок: «Мы, краснопролетарцы, решили на своем митинге ежемесячно до конца войны производить отчисление однодневного заработка в фонд обороны страны, за счет которого можно было бы дать новые тысячи самолетов, танков, сотни тысяч пулеметов, винтовок и прочего боевого снаряжения для окончательного разгрома злейшего врага человечества – фашизма» [7]. Трудящиеся Орла, Воронежа, Курска принимали активное участие в социалистических соревнованиях, по результатам которых собранные средства перечислялись в Красную армию.

На протяжении всей войны в каждом выпуске газеты «Правда» были подобные заметки о перечислении средств. Например, крестьянка из села Манино Калачеевского района (Воронежская область) Марфа Ивановна Белоглядова в 1942 г. внесла на строительство боевой техники 100 тыс. рублей. На оборону отчислялись гонорары за напечатанные труды, сборы от концертов и лекций, передавались произведения живописи, музыки, литературы.

Агитационно-пропагандистская деятельность творческой интеллигенции Центрального Черноземья нашла отражение в политическом плакате и карикатуре. Из всех видов изобразительного искусства они были самыми оперативными, злободневными, доступными, обладавшими большой силой эмоционального воздействия на людей.

Многие художники были мобилизованы, но и на фронте старались не забывать про свое предназначение и участвовали в выпуске агитплакатов. Белгородский художник Лев Блякницкий в 1942 г. был отправлен на завод, но в 1943 г. ушел добровольцем на фронт, в 1945 г. принял участие в войне с Японией, за что награжден несколькими орденами и медалями. Другой юный белгородский художник Г. Гритчинин, ставший впоследствии заслуженным художником РСФСР, в

1942 г. был зачислен в Амурскую флотилию, где учился на пулеметчика. Там же находилась художественная мастерская, где он и начал работать.

«Мы, художники, будем разить врага своим оружием – острым жалом сатиры, выразительным языком плаката», – писал известный художник Б. В. Иогансон [9]. Импульс развитию творчества художников Центрального Черноземья постоянно давали такие работы столичных мастеров, как плакаты «Убрать вовремя урожай – наш боевой долг!» А. Каневского, «Ребята, заменим отцов и братьев!» А. Пахомова, отражающих основные задачи тружеников тыла в военный период: «Беспощадно разгромим и уничтожим врага!» Кукрыниксов, «Били, бьем и будем бить» В. Серова.

Значение плакатов в мобилизации населения на решение задач военного времени, на консолидацию населения точно подчеркнул в специальном исследовании П. В. Суздалев: «В плакате нашли отражение самые жизненно необходимые идеи и чувства. Всюду плакат призывал, убеждал, увлекал людей на подвиг, укреплял их стойкость» [10, с. 31]. В годы Великой Отечественной войны тамбовские художники П. И. Дмитриев, Н. И. Фрейман, Т. А. Лебедева, Н. Д. Петров, Н. А. Андреев, К. М. Стаховский (эвакуирован из Воронежа, в годы войны исполнял обязанности главного художника Тамбовского драматического театра), В. Н. Кожухов, А. Н. Нестеров, Т. Н. Емельянова входили в состав творческой группы местного отделения Союза художников. Работать художникам приходилось в трудных условиях. В конце 1941 г. политуправление Юго-Западного фронта прислало письмо, в котором выражалась благодарность коллективу воронежских художников. Из работников искусств был создан истребительный батальон, который нес службу по охране стратегических объектов города.

Артисты драматических театров и филармонии также внесли свой вклад в мобилизацию народа на борьбу с немецкими оккупантами и на трудовой подвиг в тылу. Уже на третий день войны артисты Курской областной филармонии составили две бригады для облуживания воинов, отправляющихся на фронт. В основном артисты работали в воинских частях, но случались концерты прямо на железнодорожных станциях во время остановок эшелонов с бойцами, направляющимися на фронт через Курск. Также был организован театр миниатюр, где ставились одноактные пьесы, скетчи и анекдоты на сцене. Не было транспорта, выступать приходилось в самых отдаленных клубах, неотопливаемых, часто без электричества. Давали практически по 30 концертов в месяц.

Летом 1941 г. Орловский театр драмы был на гастролях в Чернигове. Когда началась война, артисты вернулись домой, нужно было перестраивать жизнь на военный лад. Несколько артистов театра ушли добровольцами на фронт и принимали участие в боях за освобождение Орла. В театре из тех, кто остался, формировались фронтовые концертные бригады. Артисты давали представления в воинских частях, госпиталях, в

цехах заводов, где не было даже сценических площадок. Работали там, где была хоть какая-то возможность: есть пространство – значит, будет концерт. Понимали, как важно было в то время поддержать в народе силу духа и уверенность в скорой победе, ведь тогда, в начале войны, наверное, никому и в голову не приходило, что она окажется такой длительной и кровопролитной.

С энтузиазмом артисты драматических театров выступали на заводах. В тылу театр ощутил себя востребованным. Художественный руководитель Орловского драматического театра, режиссер и актер Михаил Михайлович Ляшенко уже после войны рассказывал: «Приехав из прифронтовой полосы в город Златоуст, мы ощутили новый ритм жизни. В городе много людей из Москвы, Киева, Ленинграда и других крупных центров Советского Союза. Эта новая обстановка, в которой должны были рождаться наши спектакли, протекать творческая деятельность театра, усилила у нас чувство ответственности: нам хотелось все силы, способности, умение отдать этим людям, дающим оружие для победы над врагом».

В музее истории орловской сцены хранятся программы спектаклей военных лет, воспоминания актерские и зрительские. Вот строки из письма ветерана Великой Отечественной войны Валентина Ивановича Ульянова: «Когда-то, в то военное тяжелое время, ваш театр вернул мне здоровье и жизнь. Возвратившись с фронта на костылях, инвалидом, я находил в нем духовное удовлетворение. Все премьеры смотрел. Из газет знал, что в Орле был взорван театр. Брат Андрей освобождал Орел 5 августа 1943 г., а в июле 1944 погиб под Брестом. Ваш театр – единственный приют искусства в Златоусте. Своей работой он воодушевил тогда многих героев фронта и тыла. 23.01.1985 г.» [11].

Вклад артистов в индустриальную модернизацию страны на этапе ведения боевых действий заключался в перечислении денежных средств. Так, артисты Орловского драмтеатра, испытывая массу неудобств, неустроенность, нехватку продовольствия и другие лишения, тем не менее, умудрялись вносить свой вклад в фонд обороны страны, ежемесячно перечисляя свой однодневный заработок. С октября 1941 по декабрь 1942 г. они передали на постройку танковой колонны «Челябинский колхозник» 7 060 рублей, на строительство эскадрильи «Советский артист» – 22 826 рублей, эскадрильи «Челябинский артист» – 38 539 рублей. А в январе 1943 г. коллектив театра внёс 25 тысяч рублей на строительство танковой колонны «Орловский партизан». Артисты отправляли посылки на фронт, собирали подарки детям погибших.

Аналогичную работу проводили театры Воронежа, Курска, Белгорода. Представители творческой интеллигенции в районах, в колхозах совместно с крестьянами, рабочими принимали активное участие в сборе средств на строительство танков и самолетов. Так, Курский обком партии обратился с призывом к населению перенять эстафету тамбовских

колхозников и оказать посильную помощь Красной армии. В результате по области собрали к 10 марта 1943 г. 8 094 тыс. рублей.

Артисты, музыканты понимали значимость своей деятельности в период восстановления разрушенных территорий, поэтому они в составе концертных бригад одними из первых оказывались на заводах и стройках полуразрушенных городов Центрального Черноземья. Например, первый большой концерт хора в Воронеже состоялся на центральной площади разрушенного и сожженного города вскоре после его освобождения от врагов – в мае 1943 года.

На рубеже 1942–1943 гг. относительно стабилизировалась экономика СССР, вырос государственный бюджет. Таким образом, в это время были созданы своего рода военно-политические, экономические предпосылки культурного строительства в стране в целом и в республиках, регионах в частности. С 1943 г. ассигнования на социально-культурные мероприятия в РСФСР постоянно увеличивались и составили за этот год 13,686 млрд руб., а в 1944 г. – уже 17,986 млрд руб., что на 31,4 % больше, чем в предыдущий год. Это позволило не только восстановить довоенные творческие коллективы (насколько это было возможно), но и создавать новые.

Руководство оказывало содействие для развития творческих коллективов даже в условиях военного времени, отдавая себе отчет в значимости деятельности творческой интеллигенции в условиях войны и в период восстановления разрушенных территорий. Например, когда в конце сентября 1943 г. труппа Курского драматического театра вернулась в Курск, для артистов уже отремонтировали общежитие, начала работать театральная столовая. Здание театра еще не было восстановлено, и актеры приняли активное участие в его восстановлении, за что 40 человек были награждены ценными подарками на сумму 15 тыс. рублей. Проводятся Всероссийские смотры спектаклей, русской народной песни и т. д. Провинциальные театральные актеры успешно участвовали в различных всесоюзных, республиканских конкурсах, смотрах, творческих вечерах, причем как в составе своих коллективов, так и индивидуально.

Война унесла 27 млн жизней. В сентябре 1944 г. в Эстонии, близ местечка Тырва, погиб при исполнении боевого задания талантливый воронежский писатель Б. Песков. В январе того же года в Белоруссии оборвалась жизнь воронежского писателя Н. Романовского. Не возвратился из боя В. Шульчев, воевавший в партизанском отряде. Боевыми наградами отмечены ратные дела А. Абрамова, Ф. Волохова, П. Касаткина, В. Климова, И. Сидельникова, В. Ющенко и других литераторов. Вклад в победу всех тех, кто вернулся и не вернулся с войны, огромен.

Источники и литература

1. Фадеев А. А. За тридцать лет. Избранные статьи, речи, письма о литературе и искусстве. М., 1959.

2. Шостакович Д. Седьмая симфония // Правда. 1942. 29 марта. Он же. Посвященная ленинградцам // Когда пушки гремели. М., 1973.
3. Правда. 1941. 27 июля.
4. Саватеев В. Чувство Родины // Независимая газета. 2005. № 87.
5. Максакова Л.В., Куманев В.А. Советская культура – духовное оружие народа в Великой Отечественной войне // 40 лет Великой Победы. М., 1987.
6. Докладная записка начальника управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) В. А. Александрова А. С. Щербакову о книге Н. Н. Асеева «Годы грома» // Вопросы литературы. 1991. № 4.
7. Правда. 1941. 31 июля.
8. Правда. 1944. 12 марта.
9. Советское искусство. 1941. 29 июня.
10. Суздальев П.В. Советское искусство периода Великой Отечественной войны. М., 1965.
11. Театральный дом Тургенева [Электронный ресурс] // URL: <http://www.theaterorel.ru/teatralnyi-dom-turgeneva.html> (дата обращения: 20.01.2020).

Л. С. Ласочко,

почетный архивист Российской Федерации
Государственный архив Курской области

ЭВАКУАЦИЯ ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ В 1941 ГОДУ

Аннотация. Вопрос эвакуации мирного населения Курской области в тыловые районы страны был важнейшей задачей, которая стала перед местным партийно-государственным руководством в начале Великой Отечественной войны. Организации этого процесса и основным его результатам и посвящена настоящая статья.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Курская область, эвакуация, эшелон, эвакуопункт.

Вопрос эвакуации гражданского населения стоял на повестке дня у руководителей всех уровней власти с первых дней войны.

Руководству Курской области, занимаясь вопросами эвакуации населения, пришлось решать проблемы, связанные не только с эвакуацией населения области, но и прежде всего, с обслуживанием, размещением прибывающего эвакуированного населения из западных районов страны.

5 июля 1941 г. Совет Народных Комиссаров СССР принял постановление «О порядке эвакуации населения в военное время» [1, л. 1–5]. В постановлении были затронуты все вопросы и определён порядок действий по эвакуации населения.

Уже в первые дни войны на территорию Курской области начали прибывать эшелоны с эвакуированным населением, а также отдельные

граждане из прифронтовой полосы. Необходимо было наладить бесперебойное обслуживание проходящих эшелонов, организовать учет граждан, временное их размещение, питание, медицинское обслуживание. Решение всех этих вопросов было возложено на создававшиеся на основании постановления СНК СССР от 5 июля 1941 г. эвакуопункты. Они создавались в местах формирования эшелонов для эвакуируемых, в т. ч. и Курске [1, л. 2].

Каждый эвакуопункт должен был обеспечить возможность одновременного приема не менее одного эшелона (1 800–2 000 человек). Размещались эвакуопункты в зданиях железнодорожных клубов, кинотеатров, т. е. вблизи железнодорожных вокзалов, в отдельных случаях допускалось размещение в школах. Обеспечение необходимым оборудованием, медикаментами возлагалось на облисполком; организация питания – на местные органы Наркомторга, Центросоюза, Транспортпита.

9 июля 1941 г. при облисполкоме был организован отдел по эвакуации населения в количестве 11 человек [2, л. 3–4, 7]. Располагался на ул. Пастуховской, 20. Заведующим был утвержден Рудольф Фридрихович Ансон.

На отдел было возложено руководство делом организации эвакуационных пунктов, осуществление контроля за их работой, вопросы питания, медобслуживания, расселения и другие проблемы, связанные с эвакуацией населения.

11 июля 1941 г. постановлением Совета по эвакуации начальником эвакуопункта в Курске был назначен Т. А. Селезнев [3, л. 85].

1 июля 1941 г. облисполком принял решение «О порядке обслуживания проходящих и прибывающих эвакуированных» [4, л. 4]. Прежде всего необходимо было наладить поименный учет прибывающего в область эвакуированного населения, организовать справочную работу с выдачей справок о местонахождении разыскиваемых граждан. С этой целью вводилась форма статотчетности о количестве семей и лиц, прибывших в область, о количестве детей до 15 лет, прибывших без родителей. Эти отчеты должны были к 1 и 15 числам каждого месяца направляться в переселенческий отдел в Москву [5, л. 4–5, 7, 21].

В областном переселенческом отделе на всех переселенцев на основании списка заводилась алфавитная книга. Книги составлялись по эшелонам, если их было немного, при незначительном количестве – на каждую букву алфавита для всех эшелонов. Алфавитные книги были документами строгой отчетности. В письме начальнику переселенческого отдела при Курском облисполкоме от 21 августа 1941 г. сообщалось, что в Курск отправлено 5 алфавитных книг для записи эвакуированных. В Переселенческом управлении при СНК СССР велась централизованная картотека на эвакуированных граждан [5, л. 1–2, 20].

В июле на места были направлены «Инструкция по учёту эвакуированного населения», а также циркуляр «Об организации

справочной работы» [5, л. 1, 6, 8, 23; 6, л. 35–35 об.]. В инструкциях по составлению списков особое внимание обращалось на заполнение графы «специальность», где следовало точно указывать конкретную специальность эвакуированных (рабочий-металлист, рабочий-строитель, врач-хирург, врач-терапевт и т.д.), что давало возможность организациям быстрее использовать специалистов на работе по их специальности.

Однако, как свидетельствуют документы, при составлении списков нередко допускались нарушения.

В циркуляре, направленном председателям райисполкомов 14 августа 1941 г. [6, л. 16], говорилось, что «Свободинский РИК составил списки на одних глав семей эвакуированных, а остальных членов семей не внес».

Пристенский, Обоянский, Беленихинский и другие райисполкомы в списках не указали сельский Совет, колхоз, где разместились эвакуированные, с какой станции прибыли и с какого числа находятся в районе.

Белгородский и Щигровский райисполкомы не указали число семей эвакуированных, место рождения, родственные отношения, национальность.

Все это затрудняло справочную работу. В статданных, направляемых в Переселенческое управление, нередко содержались противоречивые сведения.

Так, в письме председателя Совета по эвакуации Н. Шверника председателю Курского облисполкома В. В. Волчкову от 4 августа обращалось внимание, что «в Совет сообщалось о размещении 12 270 эвакуированных, между тем в Переселенческое управление при СНК СССР списки высланы лишь на 359 человек» [7, л. 17]. В связи с этим Совет по эвакуации предписывал в «пятидневный срок представить в Переселенческое управление при СНК СССР списки на всех размещённых в области эвакуированных граждан» [7, л. 17].

Далее, в письме зам. начальника учетно-статистического отдела Переселенческого управления при СНК СССР начальнику переселенческого отдела при Курском облисполкоме говорилось: «В полученной от Вас телеграмме количество учтённых на 6 октября в списках эвакуированных – 16 094 человека. Между тем, нами получено из Курской области списков на 24 991 человек. Количество выданных справок по этой же телеграмме – 2 186, между тем, в предыдущей телеграмме сообщалось, что выдано 2 422 справки» [6, л. 43].

Для ускорения работы по представлению списков было привлечено до 30 человек учителей.

Среди документов архива за 1941 г. хранится лишь одно дело со «Списками семей и лиц, прибывших в Курск с 12 июля по 20 июля». В основном это были жители Белоруссии – в списке обозначены города

Минск, Могилев, Кричев, Бобруйск, а также жители Черниговской, Винницкой, Житомирской и др. областей [8].

В адрес переселенческого отдела приходили письма о розыске родственников. В телеграмме в Переселенческое управление из Курска 23 июля сообщалось, что получен 31 запрос о розыске, удовлетворено – 10; на 1 августа поступило 427 запросов, отвечено на 101, из них положительных – 13 [9, л. 5–6].

Согласно журналам регистрации в переселенческий отдел к середине октября поступило свыше 5,5 тыс. заявлений о розыске родственников.

По распоряжению СНК РСФСР от 6 июля 1941 г. [1, л. 7; 7, л. 38] семьям руководящих партийных и советских работников, эвакуированных из прифронтовой полосы, разрешалось по собственному желанию выбирать место жительства, за исключением Москвы и Ленинграда. В свою очередь, жители Москвы и Ленинграда пользовались преимущественным правом при расселении эвакуированных: их беспрепятственно прописывали во всех местностях, кроме пограничной полосы.

Главным в работе с эвакуированным населением, прибывшим из прифронтовых районов, было решение всех социальных проблем: размещения, питания, трудоустройства, медицинского обслуживания. Необходимо было на первое время обеспечить прибывающих одеждой, обувью.

Во время пути следования и в течение 5–7 дней по прибытии на место расселения эвакуированным предоставлялось бесплатное питание из расчета 6 рублей в сутки при двухразовом суточном питании [7, л. 14]. Из союзного бюджета в распоряжение Курского облисполкома было ассигновано 100 000 рублей для оказания помощи в местах расселения особо нуждающимся из числа эвакуированных из прифронтовой полосы. Единовременное пособие не должно было превышать 100 рублей на одну семью [10, л. 118; 11, л. 6, 7].

22 августа на заседании бюро обкома ВКП(б) был заслушан вопрос «О работе с эвакуированным населением» [11, л. 8–10]. Были выявлены многочисленные недостатки в организации обслуживания эвакуированных на железнодорожных станциях, в т. ч. на ст. Курск, и в местах их размещения. Отмечались факты обвеса в буфете на ст. Курск: при выпечке и продаже булочек (вместо 50 г. булочка весила 40 г.). В ряде случаев стоимость отпускаемого детям питания составляла 2 рубля 6 копеек вместо установленных 3 рублей [11, л. 8–9]. Вместо готовых обедов эвакуированным выдавался сухой паек.

В Золотухинском районе размещенные в колхозе «Красный Октябрь» 10 семей в количестве 48 человек спали на полу, хлеб получали нерегулярно, молоко детям совсем не выдавалось.

4 сентября СНК РСФСР принял постановление «Об обслуживании детей, эвакуированных из других союзных республик и областей» [10,

л. 230], в котором отмечалось, что в ряде областей для эвакуированных детей не созданы нормальные бытовые условия. Во многих районах дети живут скученно, в непригодных помещениях, медицинское обслуживание не организовано, вследствие чего имеют место случаи заболевания и даже смерти детей.

6 сентября заведующим областной санэпидстанцией было проведено обследование эвакуационного пункта, размещенного в железнодорожном клубе Кировского поселка. Отмечалось антисанитарное состояние на эвакуационном пункте. В докладной записке на имя зам. председателя облисполкома говорилось: «В саду скопление людей, лошадей, повозок. Помимо переселенцев, много людей посторонних, ожидающих и ищущих случая получить лошадей, превращающих эвакуационные пункты в конский базар. Всюду грязь, конский навоз, нечистоты. В помещении клуба теснота, темнота, грязь и зловоние, не соблюдаются элементарнейшие общежитийские правила. Сидят и лежат на полу, на мусоре и грязи взрослые и дети. Ни кипятка, ни кипяченой воды нет. Умываться негде... Весь сад и даже помещения клуба превращены в уборные. Приезжающие на эвакуационный пункт, как правило, санитарной обработке не подвергаются. Имеется большая завшивленность..., дезаппаратура бездействует, т.к. не обеспечена ни топливом, ни подсобной рабочей силой, ни даже охраной в нерабочие часы, вследствие чего части дезаппаратуры оказались расхищены и дезаппаратура выведена из строя. Эвакуационный пункт в настоящем его состоянии является скрытым очагом всевозможных инфекций и, при неприятии быстрых и энергичных соответствующих мер, грозит вспышкой и распространением эпидемических заболеваний» [12, л. 22].

Предлагалось наряду с проведением элементарных антисанитарных мероприятий (очистка помещений, установка ящиков для мусора, обеспечение переселенцев доброкачественной питьевой водой и т. п.), переселенцев, едущих на лошадях, эвакуировать в первые сутки пребывания на эвакуационном пункте и в течение трех суток отправлять всех, едущих эшелонами. К злостным нарушителям санитарных правил предлагалось применять репрессивные меры.

Местами первоочередного размещения эвакуированного населения были определены населенные пункты Горьковской, Пензенской, Кировской, Куйбышевской, Саратовской, Сталинградской областей, Мордовской, Чувашской, Удмуртской, Татарской и Башкирской АССР [1, л. 4].

В начале сентября началась массовая эвакуация гражданского населения Курской области.

В связи с приближением фронта к западным районам области 31 августа 1941 г. облисполком принял решение об эвакуации населения из Дмитровского, Дмитриевского, Хомутовского, Крупецкого, Глушковского районов области и из городов: Рыльска, Льгова, Дмитриева, Дмитровска и Курска.

В первую очередь эвакуации подлежали женщины, имеющие детей до 14 лет, женщины в возрасте от 50 лет и старше, престарелые мужчины в возрасте от 60 лет и старше, личный состав домов инвалидов и детских домов [13, с. 88; 11, л. 21].

Взрослое трудоспособное население эвакуировалось вместе с рабочими и служащими после выполнения прифронтовых работ. Запрещалась самовольная эвакуация. Гражданское население могло эвакуироваться только с разрешения обкома ВКП(б) и облисполкома.

В архивном фонде Курского облисполкома сохранились сведения о ходе эвакуации населения Курской области. Согласно распоряжению Совета по эвакуации СССР от 2 сентября 1941 г. [1, л. 23] Курскому облисполкому разрешено было эвакуировать в АССР Немцев Поволжья 30 тыс. человек из Курской области – членов семей рабочих и служащих (женщины и дети), в т. ч. из г. Курска – 15 тыс. человек. Эвакуация должна была осуществиться в 10-дневный срок. Для этой цели предусматривалось выделение 600 вагонов.

3 сентября 1941 г. СНК СССР принял постановление «О мероприятиях по переселению колхозов из прифронтовой полосы Курской области» [1, л. 42]. Устанавливались предельно сжатые сроки переселения: в течение 2 суток в районах должны быть отобраны колхозные хозяйства для переселения в районы республики Немцев Поволжья. Говорилось о немедленной отправке населения. Закончить её надо было к 15 сентября. В этот же день, 3 сентября 1941 г., Курский облисполком принял решение «О переселении 3 000 колхозных хозяйств в республику Немцев Поволжья» [11, л. 33]. Каждой семье разрешалось брать с собой домашних вещей весом до 1 т, а также по 0,5 т общественного имущества колхоза.

По состоянию на 7 сентября 1941 г. из районов прифронтовой полосы Курской области было эвакуировано женщин и детей:

- из Дмитриева – 1 350 человек;
- из Льгова – 1 300 человек;
- из Рыльска – 988 человек;
- из Коренево – 450 человек [14, л. 12].

8 октября Совет по эвакуации СССР разрешил Курскому облисполкому дополнительно эвакуировать 10 тыс. женщин и детей в Казахскую ССР [1, л. 87].

На 16 октября 1941 г. было эвакуировано из районов прифронтовой полосы – 43 714 человек [15, л. 16].

Большая нагрузка в эти дни ложилась на транспортные организации. Об этом свидетельствуют многочисленные заявки о предоставлении вагонов. 3 сентября 1941 г. начальнику 6-го отделения железной дороги им. Дзержинского Анненкову поступила заявка на предоставление 37 вагонов для эвакуации членов семей сотрудников управления НКВД, тюрем, колонии, эвакуированных из западных областей.

4 сентября поступили заявки на предоставление 10 крытых вагонов для эвакуации сотрудников аппарата ВКП(б), 10 вагонов для эвакуации членов семей сотрудников облисполкома, 3 вагона для членов семей сотрудников облфо и др. со станции Курск – ветка до станции назначения – Энгельс автономной республики Немцев Поволжья [16, л. 103, 105–130].

Во 2-й половине сентября в г. Сарапул Удмурдской АССР были эвакуированы 500 учащихся и 90 человек личного состава 4-й школы ВВС с семьями. 18 сентября председатель Сталинского райисполкома г. Курска просил о выделении трех вагонов для отправки семей служащих исполкома в количестве 130 человек, указывая, что ни одна семья еще не эвакуировалась [16, л. 97].

К сожалению, списки эвакуированных граждан в архив на хранение не попали. Имеются лишь достаточно полные списки эвакуированного населения Льговского района.

В телеграмме председателя Льговского райисполкома Фоменко сообщалось, что эвакуировано население в количестве 1 306 человек, детей детдома – 88 человек [17, л. 73].

Среди мест назначения эвакуированных граждан Курской области чаще всего упоминается автономная республика Немцев Поволжья, города: Алма-Ата, Ташкент, Сарапул, Саранск, Энгельс и другие.

Всего в течение 1941–1942 гг. было эвакуировано, пропущено через эвакуопункты, отселено из прифронтовой зоны 60 тыс. человек, в т. ч. 10,6 тыс. детей. Через эвакуопункты в 1941 г. было пропущено 1 100,0 тыс. человек из других областей [13, с. 39].

Источники и литература

1. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. Р-3322. Оп. 9. Д. 28.
2. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 9. Д. 54.
3. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 9. Д. 33.
4. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 9. Д. 51.
5. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 7. Д. 7.
6. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 7. Д. 8.
7. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 9. Д. 32.
8. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 7. Д. 13.
9. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 7. Д. 9.
10. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 9. Д. 33.
11. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 9. Д. 82.
12. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 1. Д. 460.
13. Курская область в период Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. Сб. док-тов и материалов. Курск, 1960. Т. 1.
14. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 9. Д. 74.
15. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 9. Д. 112.
16. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 6. Д. 5.
17. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 6. Д. 4.

А. П. Максимов,

Государственный архив современной истории Чувашской Республики

**ВОСПОМИНАНИЯ РАБОТНИКОВ РАЙКОМОВ ВЛКСМ
ЧУВАШСКОЙ АССР О РАБОТЕ КОМСОМОЛЬСКИХ
ОРГАНИЗАЦИЙ В ГОДЫ ВОЙНЫ (ПО ФОНДУ ПАРТИЙНОГО
АРХИВА ЧУВАШСКОГО ОБКОМА КПСС)**

Аннотация. В докладе рассмотрены воспоминания работников районных комитетов комсомола, работавших в этих органах в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., представлен содержательный анализ нарративных документов, в том числе в части раскрытия в них начала войны и ее завершения, перестройки работы комсомольских организаций в военные годы, приводится описание появления данных источников в партийном архиве Чувашского обкома КПСС.

Ключевые слова: Воспоминания, секретарь, комсомол, РК ВЛКСМ, молодежь, война, госархив.

БУ «Госархив современной истории Чувашской Республики» Минкультуры Чувашии является вторым по величине и единственным архивным учреждением в Чувашии, специализирующимся на сборе, хранении, научном использовании документов по социально-политической истории республики XX в. и документов организаций, созданных после введения института президентства. По состоянию на 1 января 2019 г. в госархиве сосредоточено 4 899 фондов, в том числе 1 727 фондов по личному составу, с количеством 871 154 и 242 678 дел соответственно. В фондах госархива отложился огромный массив документов, раскрывающих историю организации и деятельности организаций КПСС и ВЛКСМ различного уровня на территории Чувашии. В этих документах содержится богатейший пласт информации о революционном движении и Гражданской войне, об образовании и становлении Чувашской автономии, продразверстке, испытании страшного голода в начале 1920-х гг., коллективизации, о массовом героизме в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., о развитии промышленности в республике и строительстве новых микрорайонов в ее столице, о перестройке – все это недалекая прошлая жизнь чувашского народа.

Одним из важнейших и интереснейших исторических источников для изучения истории родного края, в том числе и военной поры, несомненно, являются нарративные документы. К ним прежде всего можно отнести воспоминания участников минувших событий. Эти источники личного происхождения позволяют подробно и детально воссоздать историческую действительность прошедшей эпохи, что особенно важно для «оживления» исторического описания. Хотя

воспоминания, как и другие документы личного происхождения, по большей своей части являются субъективными, это не уменьшает их исторической значимости, так как они отражают «дух» того времени. Благодаря воспоминаниям очевидцев у исследователей появляется возможность не только узнать о тех или иных исторических событиях, фактах, о которых уже известно из официальных документов и материалов периодической печати, но также детализировать их, прочувствовать эмоциональную и психологическую атмосферу того времени.

В Государственном архиве современной истории Чувашской Республики в составе архивного фонда Партийного архива Чувашского обкома КПСС отложился ряд воспоминаний работников райкомов ВЛКСМ Чувашской АССР о работе комсомольских организаций в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Следует отметить, что на начало 1941 г. 2 424 первичные организации республики объединяли в своих рядах 37 202 комсомольца 21 национальности, в том числе 12 702 девушек.

В составе архивного фонда Партийного архива Чувашского обкома КПСС хранится 22 воспоминания первых секретарей районных комитетов комсомола Чувашии, занимавших эти должности в годы войны. Воспоминания представлены как в рукописном (85 %), так и в машинописном (15 %) видах, на русском (90 %) и чувашском (10 %) языках.

В данном фонде воспоминания работников райкомов ВЛКСМ Чувашской АССР оказались не случайно. В 1990 г. в преддверии 45-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. и к 70-летию организации Чувашской областной комсомольской организации Партийным архивом Чувашского обкома КПСС велась работа по сбору воспоминаний первых секретарей райкомов комсомола республики, занимавших эту должность в годы войны. В ходе этой работы Партийным архивом велась переписка с районными райкомами КПСС и ВЛКСМ, которые в свою очередь направляли в архив справки-объективки на бывших первых секретарей райкомов комсомола, а также имеющиеся адреса их проживания, по которым велась уже дальнейшая переписка по сбору воспоминаний. В итоге было собрано всего 22 воспоминания ветеранов комсомола, занимавших вышеуказанные должности по 10 административным районам Чувашии, а именно, по Аликовскому, Батыревскому, Вурнарскому, Канашскому, Комсомольскому, Красночетайскому, Моргаушскому, Порецкому, Чебоксарскому и Яльчикскому районам. К некоторым из воспоминаний прикладывались фотографии (позитивы или негативы) военного и послевоенного времени, а также вырезки газетных статей с уже опубликованными воспоминаниями. По итогам этой работы были сформированы дела по райкомам, в которых содержатся переписка Партийного архива Чувашского обкома КПСС с райкомами КПСС и ВЛКСМ, а также с лицами, занимавшими должность первых секретарей райкомов комсомола

в годы войны, справки-объективки на бывших первых секретарей с краткими биографическими сведениями и данными о трудовой деятельности.

Малое количество собранных нарративных источников было обусловлено тем, что за указанный промежуток времени, с 1941–1945 гг. по 1990 г., т. е. от 45 до 49 лет, некоторых из комсомольских работников уже не было в живых, кто-то погиб во время войны, кого-то не стало в последующем, также не по всем на тот момент здравствующим имелись координаты, либо они сами не выходили на связь.

Большинство воспоминаний содержит информацию о военном времени общего характера, с описанием и последующих периодов. Кроме этого, в отдельно взятых воспоминаниях идет и более детальное повествование о событиях военного времени.

Из этих воспоминаний мы узнаем о том, как отреагировала молодежь (комсомольцы) на начало войны, какие действия ими были предприняты, какая работа велась райкомами комсомола в годы войны и как молодежь (комсомольцы) встретила радостную весть о Победе, о завершении этой самой кровопролитной войны.

Из воспоминания бывшего первого секретаря Яльчикского РК ВЛКСМ Александра Петровича Краснова «Комсомол Яльчикского района в 1941–1942 гг.»: «В первые же дни войны в райком начали поступать заявления от юношей и девушек с просьбой об отправке их на фронт добровольно. ... В дни войны члены бюро направлялись в комсомольские организации для разъяснения положения на фронте, был организован сбор теплых вещей для солдат. Посылали полушубки, валенки, рукавицы, махорки и др. вещи. ...» [1, л. 9 об. – 11].

Из «Воспоминания Анны Филипповны Смирновой о работе комсомола в годы Великой Отечественной войны», с июня 1942 по июнь 1944 гг. проработавшей секретарем Чебоксарского РК ВЛКСМ: «... В аппарате РК ВЛКСМ работали мы двое: секретарь и зав. учетом (Орлова Антонина). Но у нас был большой, 25–30 чел., комсомольский актив. ... Комсомольский актив 1–2 дня находился в колхозах. Активное трудовое участие принималось в колхозном производстве. Мы тогда не знали и не видели ни отпуска и не выходных дней. ... Объединяя вокруг себя всю сельскую молодежь, комсомольские организации выступали инициаторами многих патриотических начинаний. Так, например, во всех колхозах работали молодежные бригады по вывозке хлеба и сельскохозяйственных продуктов государству. Проводили субботники, воскресники по уборке хлеба, картофеля, овощей ... Были организованы ночные смены по уборке, молотье ... Комсомольцы, молодежь, рабочие и служащие на 1–2–3 недели выезжали в колхозы для участия в сельскохозяйственной работе. ...» [2, л. 4 об. – 6 об.].

Очень содержательным является воспоминание Константина Степановича Соловьева, первого секретаря Аликовского РК ВЛКСМ с

1941 по 1943 гг. Из дела под наименованием «Аликовский район» мы узнаем следующее: «... В июне 1941 года я сдавал экзамены за 3ий курс исторического факультета ЧПИ (Чувашский педагогический институт – ныне Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева). Рано утром 22 июня 1941 г., все студенты-заочники, прослушав выступление министра иностранных дел Молотова, гневно осуждали войну, начатую фашистской Германией. Короткий митинг... Глубокие думы... Плач без слез... Почти все студенты-заочники разъехались по домам. Какая трагедия была у каждого человека, словами не расскажешь, не опишешь. ... В августе месяце 1941 года состоялся Пленум РК ВЛКСМ, где меня избрали Первым секретарем Райкома комсомола, вместо выбывшего тов. Гаврилова на фронт. На Пленуме избрали состав бюро из 9 человек. Тогда аппарат РК ВЛКСМ состоял из 2-х человек (секретаря и зав. учетом). ... Члены бюро РК ВЛКСМ должны были решать отдельные вопросы немедленно. Работы были многосторонние и архисложные. Например: а) Всех мобилизованных в армию молодежь принять в члены ВЛКСМ. ... б) РК ВЛКСМ вместе с райвоенкомом организовали курсы медсестер из молодых девушек-комсомолок. ... в) По приказу Комитета обороны страны с октября по декабрь месяцы 1941 года было мобилизовано население Аликовского р-на на строительство линии противотанковой обороны по реке Сура. ... По решению РК ВКП(б) и я был мобилизован. ... г) Важной задачей 1941 года была «без потерь убрать выращенный урожай на полях колхозов района». На жатве хлебов самоотверженно работали пионеры и комсомольцы колхозов. ... д) Вместе [с] советским, партийным и комсомольским[и] организациями большое внимание уделяли на размещение и трудоустройство эвакуированного населения из Западных областей. ...». Константин Степанович Соловьев в воспоминании описывает основные события, происходившие в районе и наиболее значимые моменты своей работы отдельно по каждому военному году. Повествование о военном периоде завершается следующими словами: «... 9 мая... Сообщение правительства: Великая Отечественная война Советского народа закончилась с Победой ... Восторженные радости ... 10 часов утра – Митинг трудящихся райцентра. «Радость Победы!!! ... Да здравствует Победа Советского народа!» Так отметили День Победы в Шихазанском райцентре (сюда незадолго до этого, 15 апреля 1945 г., он был командирован). ...» [3, л. 118–121 об.].

Подводя предварительные итоги по исследованию хранящихся в составе архивного фонда Партийного архива Чувашского обкома КПСС нарративных источников – воспоминаний первых секретарей райкомов комсомола Чувашской АССР, можно заметить, что в содержательном плане в большинстве своем в них идет описание общей работы, проводимой в административных районах Чувашии. Вместе с этим такого рода документальные материалы могут содержать самую разнообразную

информацию. Помимо общего описания военного времени в отдельных воспоминаниях присутствуют и более детальные повествования и биографические данные об авторе и др. сведения. Следует отметить, что сведения, приводимые на страницах рукописных и машинописных текстов такого рода документов, могут быть приняты за истину только в случае их всестороннего научного исследования и сопоставления их содержания с информацией из других источников, включая и дополнительные архивные материалы. Несмотря на субъективность содержащихся в воспоминаниях данных, без таких нарративных источников картина рассматриваемых в них исторических событий была бы неполной. Ведь за сухими цифрами статистики, сведениями из официальных документов всегда стоят судьбы рядовых очевидцев, чей жизненный путь совпал с переломной эпохой в истории нашей страны.

Источники и литература

1. Государственный архив современной истории Чувашской Республики (далее – ГАСИ ЧР). Ф. П-1046. Оп. 4. Д. 162.
2. ГАСИ ЧР. Ф. П-1046. Оп. 4. Д. 127.
3. ГАСИ ЧР. Ф. П-1046. Оп. 4. Д. 265.

А. Н. Манжосов,

кандидат исторических наук
Курский железнодорожный техникум

И. А. Кауров,

Курский железнодорожный техникум

Д. Е. Шатохин,

Курский железнодорожный техникум

«ВЕРНУТЬ МАГИСТРАЛИ К ЖИЗНИ...» (СОВЕТСКИЕ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКИ В ПЕРИОД КОНТРАСТУПЛЕНИЯ В МОСКОВСКОЙ БИТВЕ (ДЕКАБРЬ 1941 – ФЕВРАЛЬ 1942 гг.))

Аннотация. Железнодорожная сеть в годы Великой Отечественной войны играла несколько важнейших функций: во-первых, это обслуживание Красной Армии (военная поддержка и обеспечение боеприпасами и продовольствием); во-вторых, это важнейшая транспортная функция, которая поддерживала бесперебойную работу тыловых предприятий и структур. Восстановлению железнодорожной сети на освобожденных от оккупации территориях и посвящена настоящая работа.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, битва за Москву, магистраль, железнодорожный транспорт.

Сокрушительный удар, нанесенный Красной Армией немецко-фашистским захватчикам под Москвой, в результате которого началось отступление противника на запад, потребовал от железнодорожных войск и органов военных сообщений быстрого перехода от работ по заграждениям к восстановлению железных дорог. Воссозданию подлежали сотни километров пути, многочисленные искусственные сооружения и тысячи километров проводной связи [1, с. 992].

По действовавшим в начальный период войны положениям на железнодорожные войска возлагалось восстановление головных железнодорожных участков. В их задачу входило выполнение работ первой очереди – восстановление пути, искусственных сооружений, временного водоснабжения и минимальной длины проводов железнодорожной сети. Это делалось для того, чтобы обеспечить пропускную способность однопутных участков по окончании работ до 12 пар поездов в сутки со скоростью движения не менее 30 км/ч. На восстановительные организации и спецформирования НКПС возлагались задачи по производству восстановительных работ второй очереди, направленных на расширение пропускной способности [2, с. 94].

Основной организацией, способной самостоятельно решать задачи первой очереди, была бригада железнодорожных войск, которой в целях усиления придавались специальные формирования НКПС: головные ремонтные поезда (горемы), поезда по восстановлению устройств связи и СЦБ (связьремы), подвижные ремонтные поезда по восстановлению устройств водоснабжения (водремы) [3, с. 156].

На всем пути до линии фронта в 1941–1942 гг. были видны страшные картины фашистского нашествия. Это касалось Западной, Калининской, Московско-Киевской, Московско-Курской, Московско-Донбасской и ряда других железных дорог, где подверглись разрушению более 3 тыс. км железнодорожной колеи, около 25 тыс. провод-километров автоблокировки и линий связи, взорваны сотни станций, мостов, водонапорных башен и гидроколонок.

Восстановление железных дорог в полосе действий Западного фронта началось в декабре 1941 года. Так, 6 декабря к работам приступили на участках Рязск – Павелец, 8 декабря – Лобня – Дмитров, а с 13 декабря – Сходня – Завидово и Гучково – Волоколамск. Для того чтобы обеспечить средний темп восстановления в 8 км в сутки при организации работ в две смены, фронту требовались до 15 восстановительных батальонов (около 15 тыс. человек), 5 мостовых, 3 плотничных, 5 рабочих батальонов, 5 эксплуатационных рот общей численностью примерно 25–28 тыс. человек, спецформирования НКПС (связьремы и водремы – по одному на каждое направление).

Наличие железнодорожных частей и спецформирований было недостаточным. По состоянию на 14 декабря на восстановительных работах в полосе действий войск фронта были заняты 8 железнодорожных батальонов (восстановительных и строительно-путевых), 1 мостовой батальон и 1 батальон механизации железнодорожных работ (всего 6 967 человек) и 6 спецформирований НКПС (горемы, связьремы и водремы (1 806 чел.)) [4, с. 59–61].

Никаких перегруппировок провести было невозможно, так как следовало немедленно приступить к восстановлению железных дорог (в основном нами же разрушенных). Речь в первую очередь шла о фланговых направлениях Москва – Дмитров, Москва – Клин – Завидово, Гучково – Волоколамск, Павелец – Узловая с ветвями Мордвес – Узловая и Михайлов – Павелец, а несколько позднее и центральных направлениях Кубинка – Можайск, Нара – Малоярославец.

По существу, в общей сложности для восстановления 9 подмосковных железнодорожных направлений в распоряжении фронта имелось только 8 тыс. человек. Поэтому некоторые батальоны должны были работать порой на двух направлениях параллельно. А имевшаяся у железнодорожных частей техника в начальный период военных действий в значительной мере была утрачена, мало было инструмента, отсутствовали даже простейшие средства механизации работ. Особое значение приобретал автотракторный и гужевой транспорт, однако в частях он также почти отсутствовал.

Железнодорожные войска не имели практических навыков для восстановления стальных магистралей. Минно-подрывных команд также не доставало, и они были плохо обучены разминированию. Все это приводило к низкому качеству работ, особенно при восстановлении искусственных сооружений и укладке стрелочных переводов, невыполнению установленных командованием сроков восстановления. Из-за недостаточной подготовки железнодорожных войск и спецформирований НКПС, а также вследствие нехватки рабочей силы темп восстановления – 8 км в сутки – не выдерживался.

Для исправления положения по предложению начальника военных сообщений Западного фронта Военным советом фронта были выделены 9 рабочих батальонов общей численностью 8 243 человека, один транспортный батальон и 103 грузовых автомашины. Их личный состав никакой специальной подготовки не имел и использовался как обычная рабочая сила на выполнении второстепенных и вспомогательных работ, таких, как на погрузка и выгрузка материалов, расчистка от снега станционных путей, земляные работы и так далее. Впоследствии состав восстановительных частей и спецформирований значительно увеличился: по железнодорожным войскам – до 13 396 человек, по рабочим и транспортным частям – до 10 тыс. и по спецформированиям – до 4 816 человек [3, с. 156]

Ставка Верховного главнокомандования особое внимание уделяла восстановлению железнодорожных участков Сходня – Лихославль и Мордвес – Узловая – Елец, которые находились на важнейших рокадных направлениях, связывающих между собой Северо-Западный, Калининский, Западный и Юго-Западный фронты. С этой целью начальник военных сообщений Красной Армии дал указания начальникам военных сообщений фронтов о разминировании железнодорожных участков и составлении графиков их восстановления с привлечением к этой работе уполномоченных Наркомата путей сообщения фронтов. [5, с. 138]

Для того чтобы яснее представить условия, характер и объем работ первой очереди, необходимо несколько подробнее рассмотреть ход восстановления по отдельным направлениям. Так, на участке Лобня – Дмитров протяженностью 39 км были разрушены 23 искусственных сооружения, из них один большой мост через канал имени Москвы. Работы по разминированию и восстановлению начались 8 декабря и были закончены 25 декабря 1941 года. На них были заняты 1 рота 81-го строительного-путевого батальона (300 человек) и спецформирования НКПС – всего 1 720 человек. Все было сделано в срок, установленный командованием Западного фронта, то есть к 25 декабря. Восстановлено 15,2 км верхнего строения пути на перегонах и 4,5 км – на станциях, 27 искусственных сооружений, в том числе мост через канал. Кроме того, возведены 2,7 км обходного пути и построен мост. Средний темп восстановления составил 2,3 км в сутки. [6, с. 89]

При этом выявились серьезные недостатки организационного характера. В частности, отсутствовало единое руководство восстановительными организациями НКПС и железнодорожными частями, не было продуманной организации работ.

Участок Сходня – Завидово протяженностью 88 км восстанавливался в период с 13 декабря 1941 года по 1 января 1942 года силами двух рот 81-го строительного-путевого батальона и 5-м отдельным восстановительным железнодорожным батальоном 26-й железнодорожной бригады. Но в связи с неготовностью станционных путей эксплуатация участка фактически началась только к исходу 4 января 1942 года.

Для того чтобы судить о качестве восстановительных работ, следует указать, что вследствие отсутствия поблизости технически доброкачественных рельсов в путь укладывались рубки от 1,5 до 6 м. Рельсы и шпалы в основном использовались за счёт разборки подъездных путей и тупиков. Краткосрочное восстановление мостов и других искусственных сооружений производилось за счёт старых разрушенных пролётных строений.

Поскольку работы по восстановлению искусственных сооружений проводились в зимнее время и без достаточных средств механизации, естественно, что русла водотоков оставались нерасчищенными, подлежащей планировке и укреплению оснований под опоры не

производилось. Вследствие значительных недоделок скорость движения поездов ограничивалась 15–20 км/ч. Значительно хуже обстояло дело со станциями и средствами связи. Станционные пути и стрелочные переводы восстанавливались в самом минимальном объёме с большим отступлением от технических условий: допускалось соединение проводов при помощи холодных скруток без зачистки, изоляторы ставились только в пределах 40–50 % от потребности.

Определенных успехов добились восстановители на направлении Бекасово – Тихонова Пустынь. Хотя железнодорожный участок Нара – Малоярославец был освобождён только к концу операции, работы на перегоне Бекасово – Нара развернулись уже с 13 декабря 1941 года. Восстановление шло в основном силами 64-го отдельного строительного батальона, и 27 декабря было открыто движение до станции Нара. В ходе работ были восстановлены 8 км верхнего строения пути на перегоне и 1,5 км – на станциях, 2 искусственных сооружения и отдельные пункты Бекасово и Нара.

Большие трудности испытывались при восстановлении моста через реку Нару. Первоначально установленный срок окончания работ (9 января 1942 года) оказался сорван. Спецформирования НКПС, занятые на восстановлении, в частности мостопоезд № 52, к работам не были подготовлены из-за неукомплектованности рабочей силой и техническими средствами. Ощущался недостаток инструмента. Работы были организованы плохо, а производительность труда оставалась низкой. Восстановление моста закончили только 15 января 1942 г. [5, с. 138].

Вместе с тем железнодорожные войска и спецформирования НКПС при активном участии железнодорожников добились значительных успехов при восстановлении железных дорог левого крыла Западного фронта. Однако необходимо отметить, что их задача в большой степени облегчалась тем, что массовых разрушений на Московско-Курской и Московско-Донбасской дорогах не производилось. На левом крыле фронта осуществлялось восстановление трёх рокадных направлений: Тула – Горбачёво, Ожерелье – Узловая – Волово и Ожерелье – Павелец, а также двух фронтальных линий Ряжск – Узловая – Тула – Тихонова Пустынь и Горбачёво – Козельск – Сухиничи.

Пропускная способность восстановленных железнодорожных участков как основной измеритель качества восстановительных работ первой очереди в большинстве случаев вследствие наличия недоделок не отвечала требованиям фронтов. Восстановленный путь сдавался в эксплуатацию часто в неудовлетворительном состоянии, прежде всего в отношении плана и профиля [7]. 3 января 1942 года Государственный Комитет Обороны принял постановление № 1095 «О восстановлении железных дорог», которым возложил руководство и осуществление всех восстановительных и заградительных работ на НКПС и его органы. В этом наркомате было создано Главное управление военно-восстановительных

работ, которое возглавило все железнодорожные войска и спецформирования. Начальником главка назначили опытного специалиста генерала В.А. Головки. Уже в январе – апреле 1942 года в районе Москвы было восстановлено свыше 4 тыс. км железных дорог.

Итоги нашего исследования показывают, что несмотря на наличие серьезных недочетов (недостаток рабочей силы и восстановительных материалов), железнодорожные войска, приданные им рабочие и транспортные части, специальные формирования НКПС, железнодорожники и органы военных сообщений выполнили огромную работу на подмосковных железных дорогах. Они в тяжелых условиях проявили трудовой героизм. Командиры, политорганы и партийные организации всех соединений, частей, спецформирований, органов транспорта и военных сообщений провели огромную работу по устранению недостатков, мешающих успешному восстановлению железных дорог.

Источники и литература

1. Битва под Москвой. Хроника, факты, люди: в 2-х кн. / сост. В. А. Жилин. М., 2001. Кн. 2.
2. Восстановители железных дорог: сб. статей о трудовых подвигах бойцов и командиров железнодорожных войск. М., 1945.
3. Железнодорожные войска России. Кн. 3: На фронтах Великой Отечественной войны: 1941–1945 гг. / Н. Л. Волковский, А. Г. Дьячкин, Н. А. Зензинов и др./ под ред. Г. И. Когатко. М., 2002.
4. Дикушин В.Ф., Киселев А.М. Военные сообщения Советской Армии в битве под Москвой / под ред. генерал-лейтенанта А. В. Добрякова. М., 1960.
5. Железнодорожники в Великой Отечественной войне 1941–1945 /под ред. Н. С. Конарева. М., 1987.
6. Коровин В.В., Манжосов А.Н., Головин Е.А. и др. Слава стоявшим на трудных постах. Трудовая деятельность железнодорожников магистралей Западного и Южного направлений в годы Великой Отечественной войны. Курск, 2017.
7. Городнов А.В. Вернуть магистрали к жизни.../ Гудок: Московский железнодорожник. 2020. 28 февр.

А. Н. Манжосов,
кандидат исторических наук
Курский железнодорожный техникум

К. О. Полячихин,
Курский железнодорожный техникум

П. Р. Февронин,
Курский железнодорожный техникум

УЧАСТИЕ СОВЕТСКИХ БРОНЕПОЕЗДОВ В БОЯХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1945 гг.

Аннотация. Появившись еще в начале XX в., к началу Великой Отечественной войны бронепоезда показали свою надежность и незаменимость в условиях широкомасштабных боевых действий. К концу войны бронепоезда только упрочили свое положение среди других родов войск Советской Армии.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, железные дороги, бронепоезда, железнодорожники.

К началу войны Красная Армия располагала 53 бронепоездами. К частям НКВД относились еще 25 бронепаровозов, 32 артиллерийские бронеплощадки, 33 моторных броневых вагона и 7 броневых автомобилей на железнодорожном ходу. В 1922 г. Реввоенсовет республики специальным приказом определил качества, которыми должны обладать бойцы, принимаемые на службу в бронепоездные части: крепкое сложение при небольшом росте, хорошо развитая мышечная система, нормальный слух, отличное зрение, крепкие нервы и твердость характера. Плюс – умение работать с техникой. Эти требования не потеряли силу и в годы Великой Отечественной. Поэтому изучение боевого пути советских бронепоездов в годы Великой Отечественной войны представляется весьма актуальным.

Боевые действия бронепоездов в годы Великой Отечественной войны показали, что их применение во всех видах боя стало надежным средством борьбы с противником в полосе железных дорог. Многие из тех задач, которые были выдвинуты перед командирами боевых машин и их экипажами оказались не выполненными, особенно в первые месяцы войны. В 1942–1943 гг. бронепоезда выполняли другие, важные боевые задачи [5, с. 241].

В обобщающем отчете Управления бронепоездов и бронемашин Главного бронетанкового управления Красной Армии (ГБТУ КА) отмечалось, что в числе задач, которые решали экипажи бронепоездов в годы Великой Отечественной войны были:

– в маневренно-оборонительных боях бронепоезда прикрывали отход общевойсковых частей на новые оборонительные рубежи, огнем артиллерии и пулеметов с открытых позиций уничтожали живую силу и технику противника;

– в наступательных боях бронепоезда использовались как артиллерийские батареи в системе артиллерийских групп и самостоятельно обеспечивали наступательные действия советских пехотных и танковых частей.

Одновременно бронепоезда выполняли и особые боевые задачи:

– охрана железнодорожных участков и сопровождение воинских эшелонов;

– прикрытие ремонтно-восстановительных работ железнодорожных частей;

– прикрытие с воздуха пунктов выгрузки и погрузки воинских эшелонов.

Наиболее активно советские бронепоезда использовались в самый трудный период Великой Отечественной войны: лето – осень 1941 г. и в летней кампании 1942 г.

К сожалению, военно-исторической литературы посвященной боевому применению советских бронепоездов не так много. В их числе необходимо отметить исследования В. А. Поцелуева (1982), А. В. Ефимьева, А. Н. Манжосова, П. Ф. Сидорова (1992), Л. И. Амирханова (2005), М. В. Коломийца (2010, 2018, 2019) и др.

К 1940-м гг. ведущие армии мира получили боевую авиацию, в том числе – дальнюю. Бронепоезда превратились в удобную цель для воздушных асов. Но возросла и роль железных дорог, а их нужно защищать. Для противовоздушной обороны железнодорожных узлов бронированные составы оказались незаменимыми.

До войны строительством и оборудованием бронепоездов занимался Брянский машиностроительный завод «Красный Профинтерн». До 1941 г. в Брянске было построено более 20 бронепоездов, в основном, типа БП-35. Отметим, что интенсивное строительство бронепоездов, особенно в 1941–1943 гг., осуществлялось в тесном взаимодействии Управления бронепоездов Главного бронетанкового управления Красной Армии, отдела бронепоездов Центрального паровозного Управления НКПС (сформирован 22 октября 1941г.) и структур Народного комиссариата тяжелого машиностроения (НКТМ).

Так, согласно директиве Народного комиссариата обороны (НКО) № 22сс от 29 октября 1941 г. было построено 85 бронепоездов. 8 из них строились по инициативе железнодорожников. 12 построенных бронепоездов были типа НКПС-42, а остальные 60 – ОБ-3 [5, с. 121–122, 131–133]. За с августа по декабрь 1941 г. на Полтавском, Харьковском, Изюмском паровозно-ремонтных заводах, на Ленинградском железнодорожном узле, в депо Тула, Курск-Северное, Курск-Западное

железной дороги им. Дзержинского, на предприятиях Ворошиловской железной дороги было построено 23 бронепоезда [5, с. 121].

Не считая 143 армейских бронепоездов, за годы войны было построено и более 100 бронепоездов ПВО. Они состояли из нескольких зенитных платформ, которые прицепляли к эшелонам. Эти соединения выполняли важнейшую задачу – они защищали поезда и станции от налётов авиации.

Бронепоезда прикрывали отход армии, вставали преградой на пути немецкой пехоты и танковых частей. Так, без железнодорожных батарей трудно было бы сдержать натиск гитлеровцев на Ленинград.

Приведем несколько примеров героической деятельности советских бронепоездов в годы войны. Бронепоезд «Железняков» в 1941–1942 гг. защищал Севастополь. С его бортов бойцы вели огонь по врагу из корабельных артиллерийских установок. В трагические дни и ночи обороны Севастополя бронепоезд поддерживал защитников города русских моряков прицельным огнём, отвлекал внимание противника... Немцы прозвали его «Зелёным призраком». 26 июня 1942 г. героический поезд погиб в ходе бомбежки под завалами Троицкого туннеля. О «Железнякове» в Севастополе сегодня напоминает мемориал: паровоз и артиллерийская установка. На тендере паровоза начертано: «Смерть фашистам!» [8].

Легендарным стал 31-й особый Горьковско-Варшавский дивизион бронепоездов. «Козьма Минин» № 659 и «Илья Муромец» № 702 – так назывались два бронепоезда этой части, получившей в октябре 1944 г. орден Александра Невского. Горьковским он считался по месту формирования. Не все броневые поезда располагали реактивным оружием, а на платформах «Козьмы Минина» и «Ильи Муромца» в марте 1942 г. впервые на бронепоездах страны были установлены реактивные установки БМ-8 «Катюши». Почетное наименование «Варшавский» 31-й дивизион получил в январе 1945 г. в сражениях за польскую столицу. Тогда его бойцы уничтожили более десяти вражеских минометных батарей [2, с. 216–217].

Бронепоезд № 14 62-го отдельного дивизиона любовно называли «Борис Петрович». Его построили в Курске, в Западном паровозном депо в октябре 1941 г. Немцы рвались к Курску – но рабочие методично прилаживали броневые листы к паровозу. Действовал курский бронепоезд № 14 в районе станций Отрешково, Охочевка, Щигры, Черемисиново, на Елецком направлении. Первым командиром бронепоезда стал младший лейтенант, кавалер ордена Красной Звезды В. М. Морозов – выпускник физического факультета МГУ [7, с. 22–24]. Всю войну он сражался на различных бронепоездах, стал отличным командиром войны на рельсах. В победном 1945-м майор В. М. Морозов командовал 31-м Горьковско-Варшавским дивизионом бронепоездов, который закончил боевой путь на территории Германии – во Франкфурте-на-Одере [2, с. 218].

Фронтальная пресса тоже не забывала о бронепоездах. Их романтический образ, связанный с героикой гражданской войны, поддерживался и в годы Великой Отечественной. Так старший батальонный комиссар, поэт Александр Ильич Безыменский в начале мая 1942 г. побывал на бронепоезде № 14 «Борис Петрович». 26 июня 1942 г. в газете «Красная звезда» в статье «Борис Петрович из Курска» он поведал об экипаже: «Машинист Кузьма Воробьёв – мастер своего дела, бронепоездный богатырь. Сколько раз он чинил под огнём тендер, затыкая отверстия конусными металлическими бородками. И помогала ему Мария Стефановна Козьменькова, помощник машиниста, героическая женщина, вызывающая восхищение всего экипажа. Во всех самых трудных боях дежурила она и завоевала славу замечательного бойца» [7, с. 23].

В 1942 г. Евгений Аронович Долматовский – поэт и военный корреспондент, опубликовал стихотворение, которое дорого каждому ветерану бронепоездов. Особо отметим, что стихотворение было написано на курской земле зимой 1942 г., под впечатлением увиденного им боя бронепоезда № 14 «Борис Петрович» в районе станции Черемисиново.

*Над холодной равниною голой
Воздух рвётся, как полотно.
Пролетает снаряд тяжёлый,
В хате вздрагивает окно.
И комбат говорит спокойно,
На стекле оцарапав лёд:
«По фашистам из дальнотойной
Не Борис ли Петрович бьёт?»
И в ответ на слова комбата,
Очень тих и совсем далёк,
В небе утреннем синеватом
Паровозный поёт гудок...
Вот он бьёт изо всех орудий,
И в лощинах меж зимних сёл
Узнают, улыбаясь, люди,
Что «Борис Петрович» пришёл.
Пусть когда-нибудь в славную повесть
Про геройский советский век,
Громяхая, войдёт бронепоезд,
Называвшийся как человек.*

Подтверждением этому служат обобщенные данные о боевой эффективности советских бронепоездов. Всего на фронтах Великой Отечественной войны действовало 211 броневых единиц (из 228 бронепоездов, имевшихся на вооружении Красной Армии). В период Великой Отечественной войны были потеряны в боях 65 бронепоездов, из

них в 1941 г. – 21, в 1942 г. – 42 и два в 1943-м г. В 1941–1945 гг. потери личного состава советских бронепоездов составили 1 082 человека, из них убитыми 342 офицеров, сержантов и рядовых.

За период войны для Красной Армии и ВМФ было построено 175 бронепоездов (в 1941 г. – 65, в 1942 г. – 89, в 1943 г. – 20). К июню 1945 г. на фронтах сражалось 123 армейских бронепоезда, входивших в состав 56 отдельных дивизионов. По неполным данным в 1941–1945 гг. советские бронепоезда уничтожили 344 орудия и минометов, 370 танков, 840 пулеметов, 712 автомашин, 2 бронепоезда, сбили 115 самолетов, подавили огонь 617 артиллерийских и минометных батарей врага [3, с. 196–197].

Источники и литература

1. Поцелуев В.А. Броненосцы железных дорог. М., 1982.
2. Ефимьев А.В., Манжосов А.Н., Сидоров П.Ф. Бронепоезда в Великой Отечественной войне 1941–1945. М., 1992.
3. Амирханов Л.И. Броненосцы железных дорог. СПб., 2005.
4. Железнодорожники в Великой Отечественной войне 1941–1945 / под ред. Н. С. Конарева. М., 1987.
5. Коломиец М.В. Советские бронепоезда в бою 1941–1945 гг. М., 2018.
6. Коломиец М.В. Бронепоезда Красной армии в Великой Отечественной войне: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2019.
7. Манжосов А.Н. Стальной курянин «Борис Петрович» // Военно-исторический журнал. 2007. № 4(564).
8. Замостьянов А. Мы мирные люди, но наш бронепоезд... // Литературная газета. 2019. 18–24 сент.

А. Д. Медведев,

кандидат исторических наук

Центр детского творчества города Курска

ПЕРВЫЙ УЧЕБНЫЙ ГОД В ОСВОБОЖДЕННОМ КУРСКЕ (НА ПРИМЕРЕ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ № 2)

Аннотация. Восстановление школьной сети в освобожденном в феврале 1943 г. Курске было одной из наиболее важных задач, стоявших перед партийно-государственным руководством города и области в целом. Процесс возобновления обучения детей происходил настолько быстро, что большая часть школ Курска начали работать уже в марте 1943 г. Трудностям, которые возникли при возобновлении работы учебных заведений, и посвящена настоящая статья.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, среднее образование, Курск, освобождение, школы, учащиеся.

До начала Великой Отечественной войны школа не была переведена в построенное здание на улицу Советская, 40. За время оккупации Курска немецко-фашистские захватчики сожгли 17 школ, в том числе и новое здание для женской школы № 2. Злодеяние фашистов зарегистрировано в «Реестре актов школ и других культурно-просветительных учреждений Курского ГорОНО о причиненном ущербе немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками»: «По Ленинскому району школа № 2 находилась на 26.X.1943 г. по адресу ул. Бебеля, 12 (акт № 2 от 21.X.43 г.), сумма ущерба 360 000 руб. ... на ул. Советская, 40 – школа 24 (акт № 39 от 30.06.43 г.), сумма ущерба 426 660 руб.» [1, л. 14, 22] «...здание по ул. Ленина, 5 в годы Великой Отечественной войны сгорело, сохранилась только пристройка, которая разрушена на 30%» [2, л. 116–117]. От здания, в котором некогда размещалась известная Вторая курская женская гимназия остались только руины. 4 июня 1943 г. комиссия оценила здание школы № 2 по ул. Бебеля, 12: «... здание повреждено частично от действия воздушной волны во время бомбежки в период 1941–1943 гг. Оборудование школы уничтожено и расхищено немцами» [1, л. 51, 84]. Поэтому с 13 февраля 1943 г. школа № 2 перемещалась в приспособленное для занятий здание на улице Н. Мясницкой, 6. В построенном здании для женской школы № 2 на улице Советской, 40 до августа 1944 г. располагалась женская средняя школа № 6 [3, л. 25].

О том, что из себя представляло здание школы № 6 (где позднее была размещена школа № 2), в статье, опубликованной в «Курской правде» написала А. П. Леонова: «Школьное здание начало функционировать 1 сентября 1938 года. ... Грянула война, и школу передали военному ведомству под лазарет. Мы перешли в здание школы № 15, где поселили и школу № 20. Школьное имущество заковали в ящики и передали на хранение музею, и почти все имущество сохранилось, за исключением оркестра... Немцы захватили Курск. Школьное здание было цело, но все в выбоинах от осколков снарядов, все же уцелело. Фашисты устроили в нем гараж и ремонтную мастерскую. После освобождения Курска я была назначена 13 февраля на должность директора. Летом 1943 г. началось восстановление здания школы... Время “Курской Дуги” – утром учащиеся и преподаватели приходили в школу и получали наряд на работу: на заготовку топлива, на восстановление школьного здания, на оборонные работы на ипподром, где рыли противотанковые рвы. Мы вырыли 27 000 кв. м земли. К сентябрю 1943 г. восстановительные работы были закончены. Я стала завучем, а директором Е. А. Авдеева» [5].

Практически о том же писала в своих воспоминаниях и Д. Г. Мальцева: «Школа была построена незадолго перед войной, имела номер 24. Состоялись два выпуска – в 1940 и 1941 годах. В 1941 году во дворе школы упала пятисоткилограммовая фугасная бомба, здание уцелело, но начисто лишилось окон и дверей. Во время оккупации города Курска в здании школы стояла немецкая воинская часть. Со стороны

теперешней раздевалки стена была разрушена немцами, и в нижнем этаже устроили конюшню. В средней части здания – от кабинета биологии до кабинета начальных классов устроили гараж, где стояли большие грузовые автомашины. Фашисты изуродовали здание школы. 8 февраля 1943 года город Курск был освобожден и в марте начались уроки. Однако весной занятия временно проводились на улице Щепкина, в то время она называлась Микояна, в доме № 12 или № 14, где ранее располагался детский сад. Всем миром начали школу восстанавливать, как могли, но вселили в здание школу № 6» [5].

Школу № 2 на улице Н. Мясницкой, менее чем через неделю после освобождения Курска 13 февраля 1943 г. приняла Мария Филипповна Суворова, став ее директором. ГорОНО распорядился «...начать занятия в школах 1, 2, 3–8 марта» [3, л. 1]. Вместе с завучем Ниной Устиновной Глухих ходили по домам, собирали учащихся в школу, и вместе с ними приступили к подготовке помещений к ремонту. Самоотверженно трудились учителя М. А. Стрекалова, В. И. Малышев, Ляхова.

Восстанавливая школу, педагоги и учащиеся в первую после оккупационную весну трудились на пришкольных земельных участках. Газета «Курская правда» 21 мая 1943 г. опубликовала статью «На пришкольных участках»: «Школы слободы Казацкой закончили сев. На пришкольном участке средней школы № 2 будут высеяны свекла различных сортов, картофель, капуста, огурцы, морковь и другие овощи» [6]. В сведениях о собранном урожае школьниками города Курска на 5 октября 1943 г. читаем: «...Женская средняя школа № 2 – 1 095 (девочек) чел. количество учителей – 36 чел. Собрано со школьного огорода с 1 га – 4 центнера зерна, 7 центнеров картофеля, заработано 120 трудодней» [7, л. 60]. Среди отличившихся в труде учителей города Курска летом 1943 г., в списке значатся премированные педагоги женской средней школы № 2: «Лазарева Ольга Ивановна – валенки, Булгакова Елизавета Николаевна, Суворова Мария Филипповна – сукном на пальто, Ивлева Екатерина Владимировна – жакетом. На слете учащихся 23 июня премировались и учащиеся женской средней школы № 2 Ленинского района Курска: Балк Виктор – шевиот зеленый, Дубовецкая Александра – ботинки, Пахомова Зоя – туфли парусиновые, Надеина Вероника – шевиот синий, Халявин Эдуард – шевиот зеленый, Локтионова Зина – шевиот черный, Тюленева Тамара – валенки, Денисов Валентин – шевиот синий, Шевлякова Гелия – шевиот коричневый, Чекмарева Александра – шевиот синий» [7, л. 51].

Летом началось восстановление школьных зданий по всему Курску. 11 июля 1943 г. в статье «Больше заботы о детях», опубликованной в «Курской Правде», рассказывалось о совещании заведующих РОНО и инспекторов детских домов, где товарищ Лановенко рассказал о замечательных делах курских школьников: «В школах 1, 2, 5, 6. создали ремонтные бригады из числа учащихся. Вместе со штукатурами они месят глину, закладывают кирпичом часть окон, белят классные комнаты,

подносят на этажи строительный материал» [8]. 11 июля 1943 г. в этой же газете вышла статья «Любимая школа будет уютной», посвященная подготовке школы № 2 к новому учебному году после оккупационного периода Курска. В составе ремонтных бригад школьники и учителя приводят в порядок свою школу, чтобы она стала уютной [9].

Активно в эти дни восстанавливалось и здание по улице Советская, 40: «К новому учебному году вместе с учителями и родителями школу привели, можно сказать, в порядок: убрали мусор и навоз, как смогли, восстановили разрушенную фашистами стену, вымыли полы, в классах и коридорах замуровали окна кирпичом, оставив только застекленными небольшие квадратики, величиной с форточку. Конечно, была полутемь. В каждом классе к осени поставили железную печку, которая топилась тут же разным мусором. Было холодно. Но мы, ученицы, слушали учителя, отвечали на вопросы, старались его выполнить задание. Школьной мебели не было никакой. Столы были сбиты из досок вроде козел. Стулья приносил каждый себе из дома. Писали перьевыми ручками и чернилами. Чернила приносили с собой из дома в чернильницах, мы их называли «непроливайками», но они в течение учебного дня зимой замерзали. Так мы занимались два учебных года, из которых первую, самую тяжелую зиму просуществовали кое-как, но на занятия ходили исправно. Учиться очень хотелось.

Летом 1944 года, нас, учениц, начиная с пятого класса, посылали в местечко Солянка корчевать пни, чтобы заготовить дрова для школы на зиму. Дело в том, что немцы для себя заставляли курян и пленных пилить на дрова сосновый лес по берегу реки Сейм. Но зимы были суровыми и очень снежными. Деревья стояли в глубоком снегу и по приказу немцев спиливали, часть из них, стоявших над сугробами. Оставались высокие, до одного метра, пни. И мы, маленькие девчонки двенадцати–четырнадцати лет, корчевали эти пни, чтобы учиться можно было в тепле в родной школе. Работа была тяжелая: выкапывали вокруг пня большую яму, подрубали корни, а затем, как муравьи, наваливались на этот сосновый пень, раскачивали и с большим трудом выдирали его из земли. Пешком шли, трамвай туда не ходил, обратно пешком с топорами, лопатами, а на другой день туда же. Зато зимой свои печки топили дровами. Освобождали окна школы от каменной кладки в течение двух–трех лет.

В седьмом, по-моему, классе нас посылали на торфоразработки в село Ноздрачёво под Курском подсобными рабочими. Взрослые резали торф, а мы лазали за ними по болоту, собирали эти «кирпичики» и выкладывали их пирамидками для просушки. Этот труд оплачивался: какую-то часть торфа потом привозили к нам в школу.

В школе были организованы завтраки для учащихся: $\frac{1}{4}$ часть скибки черного хлеба, посыпанного сверху одной чайной ложкой сахара песка. И этому были рады, так как в послевоенное время хлеб и сахар все еще были в дефиците» [5].

26 августа 1943 г. в «Курской Правде» было опубликовано извещение «О начале учебного года»: «Установлены сроки начала нового учебного года для начальных, неполных средних и средних школ. В младших классах – с 1-го по 4-й – занятия начнутся 1 сентября, в старших классах – 5-го по 10-й – с 1 октября» [10].

Первый учебный год в освобожденном Курске был необыкновенно трудным. К началу учебного года в школах отсутствовала классная мебель. Из-за отсутствия леса для изготовления при необходимости 1 000 парт в городе изготовлено было только 100 штук. Поэтому занятия организовывались в три смены. Стандартные парты появились в школе к концу учебного года благодаря шефской помощи челябинцев [11, л. 5–6]. Оборудование не сохранилось. Комиссия из учителей курских школ разбирала и распределяла наглядные пособия по школам, находившиеся во время войны в краеведческом музее. Женскую школу № 2 представляла учитель химии-биологии Ольга Ивановна Лаврова.

1 сентября 1943 г. занятия начались только в 1–4-х классах. Корреспондент газеты «Курская Правда» Н. Иванов в статье «Вчера в школах Курска» от 2 сентября 1943 г. рассказывал об этом событии: «... в школу № 2 приходят Витя Михайлов, Валя Богомолова, Шура Седых, Сережа Евдокимов – эти ребята были ударниками в работе по восстановлению школы, ремонтировали здание, мебель. И сегодня, когда школа смотрит такой праздничной, они с радостью находят в каждой классной комнате следы своего труда» [12]. Глубоким содержанием уроков являлись любовь к своей Родине, героические народные подвиги в борьбе с фашизмом. Грамматический материал увязывался с фронтовыми событиями: учащиеся написали диктант «Вовка-партизан», дети с радостью посещали самый массовый литературный кружок учителя С. А. Булгаковой, где сочиняли доклады «Простые люди творят чудеса», «Герои Родины» [11, л. 7–9].

Несмотря на трудности военного времени, детей в школе кормили. Директор школы персонально отвечал за выдачу установленной нормы питания учащихся в школе, а на виновных, при выявлении снижения норм, материалы могли направить для привлечения к уголовной ответственности. В послевоенном Курске трудовые будни и бытовые условия не позволяли многим школьникам поддерживать себя в надлежащем порядке. В целях полной ликвидации антисанитарного состояния учащихся горсовет установил два дня в неделю для санобработки учащихся в городских банях: вторник для девочек, пятница для мальчиков и стрижка во всех парикмахерских ежедневно с 11 до 14 часов.

Наступавшие ранние морозы, условия военного времени вынуждали периодически прерывать уроки и выходить на заготовку топлива для школы. В статье «Топливо школам» газеты «Курская Правда» так описывала это событие: «Несколько дней кипит горячая работа. Ученики

всех школ, начиная с младших групп и кончая десятиклассниками, вместе с преподавателями вышли с санками на торфяное болото. Между группами и школами разгорелось соревнование – кто скорее и больше вывезет торфа на территорию школы. Хорошо идет заготовка топлива в 1-ой и 2-ой школах. За два дня там завезено более чем по 50 тонн топлива» [13]. И вновь дети приходили на уроки в полутемные, но более-менее теплые классы и продолжали учиться.

В отчете ГорОНО за 1943–1944 учебный год по итогам проверки преподавания в школах Курска сообщается, что «... лучшие учителя школ, мастера педагогического дела, хорошие общественники, давшие прочные знания учащимся в первом полугодии 1943–1944 учебного года. ... по школе № 2 – Булгакова С.А., Боева Т.И., Бурганинова Н.Н., Галицкая Е.С. ... Наилучших результатов в работе добились директора ... Малеева М.М. – школа № 2» [11, л. 7–9]. Учебную программу выполняет по географии учитель средней школы № 2: «...у таких мастеров своего дела, как учитель Бабина В.Г., учащиеся прекрасно владеют материалом свободно, образно передает свои знания. Хорошо ориентируются в вопросах связи теоретических сведений с практикой, с текущими событиями. Нельзя отметить тот факт, что учащиеся хорошо отвечают на уроках естествознания... Однако применить на практике из-за отсутствия оборудования было невозможно» [11, л. 12].

В долгожданное время изгнания захватчиков с родной земли восстановление курских школ продолжалось. По данным инженера ГорОНО Нарцевича на 5 августа 1944 г. «...большие работы провела школа № 2 Н. Мясницкая, 6 по восстановлению водопровода и канализации в четырех этажах с одной стороны здания... в школах 2, 6, 7 ведутся восстановительные работы по этажам ц-водяного отопления...» [11, л. 26, 27 об.]. Секретарь Курского городского комитета ВЛКСМ по школам Орлова в справке отмечала: «Хорошо работает комсомольская организация школы № 2, секретарь комитета комсомола тов. Шатовалова. В школе № 2 62 члена ВЛКСМ. Для ремонта школы было организовано четыре строительных бригады. Их бригадиры-комсомольцы Димьянова, Зубчук, Курбатова хорошо организовали коллективы своих бригад, они после каждого рабочего дня выпускали боевые листки, ежедневно в обеденный перерыв проводили читки “Комсомольской правды” и “Курской правды”. Эти бригады заготовили для ремонта глину, своими силами произвели штукатурку и побелку двух этажей школы. Комсомольцы-ученики седьмого класса Курбатов. Зубчук, Димьянов произвели починку крыши черепицей, за что от директора школы тов. Авдеевой получили благодарность. 16 человек комсомольцев школы № 2 на протяжении всего периода дежурят в детской комнате при отделении милиции, 40 учащихся работали в Артемьевском совхозе, из них 7 чел. комсомольцев. Комсомольцы принимали активное участие в заготовке дров для школы. Второй пионерский отряд и одна группа октябрят в

количестве 30 чел. работали на подсобном хозяйстве Горсовета, ими собрано 250 кг ягод. Помощь оказывали шефы. Две комсомольско-молодежные бригады Фармзавода во главе с секретарем комсомольской организации Позиной оказали помощь в заготовке стройматериала, ремонте и побелке школы. К новому 1944–1945 учебному году ремзавод восстанавливал в школе № 2 центральную отопительную систему» [11, л. 40]. Однако школы, по-прежнему, испытывали потребность в мебели из-за отсутствия на складе леса. Невозможно было обеспечить учебно-наглядными пособиями. Поэтому за время школьных каникул учителя школ 2, 3, 6, для кабинетов физики и биологии изготовили самостоятельно наглядные пособия.

Военное время ощущалось, но и жизнь продолжалась. «Мы не боялись тяжелого труда, и не ленились, потому что очень хотелось учиться. понимали, что в военное время помогаем Родине. Нас воспитывали дела, наполненные добром и патриотизмом. С открытия школы (на улице Советская, 40. – *А. М.*) возобновила работу и пионерская организация. Участвовали с энтузиазмом в пионерских сборах и слетах. Однако собирали для Родины металлом, содержали в чистоте школьную территорию, выполняли другие поручения – вроде ничего радостного, но энтузиазма было много. По-моему, в 1944 году состоялся городской пионерский праздник на стадионе “Динамо”, от которого осталось приличное спортивное здание между нынешним драмтеатром и Домом знаний. Впервые после фашистской оккупации мы надели пионерскую форму, импровизированные пионерские галстуки. Мы шли колоннами по угрюмым улицам через весь все еще полуразрушенный, отвыкший от ярких праздников город. Нас приветствовали жители, и сколько было радости и счастья в каждом из нас!

В 1943–1945 годах школа шефствовала над военным госпиталем, который располагался в здании нынешней школы № 7. Шефство заключалось в том, что учащиеся приезжали с концертными программами, а кроме этого просто приходили помочь раненым: подать воды, написать письмо, помочь выйти погулять на свежем воздухе. Директор школы Авдеева Елена Андреевна преподавала математику – требовательная и то же время добрая к детям. Проработала она не долго, так как оставалась на оккупированной территории» [11, л. 45–45 об., 48].

Учащиеся 9 класса Женской школы № 2 города Курска в своей подшефной палате одного из госпиталей к Новому году поставили елку, украсили ее и каждому раненному бойцу подготовили подарки. Другие школьники дежурили в госпиталях. Им была объявлена благодарность. К 23 февраля учителя и учащиеся с благодарностью за свое освобождение собрали одежду детям фронтовиков. В отчете об итогах работы школ города Курска за 1943–1944 гг. указано, что учащимися было собрано 84 919 рублей. Средняя школа № 2 собрала 22 700 рублей. 12 августа 1943 г. Сталинский РайОНО Курска сообщил о получении письма для

вручения по школам 3, 4, 7, 8, 11, 12, 15 копии письма товарищу Сталину и обращения учащихся. В том сообщении школа № 2 отсутствует. Однако в отчете по народному образованию города Курска от 15 марта 1944 г. заведующий ГорОНО Ламкова сообщает, что школа № 2, собравшая 23 тыс. рублей получила телеграмму с благодарностью от тов. Сталина. Этот факт подтверждает историк-краевед, директор музея народного образования Курской области А. С. Амоскин в книге «Курские учителя в военное лихолетье» [14, с. 151].

Доблестным трудом учителей, учеников, с помощью граждан города Курска в сложное военное время после освобождения Курска одна из главных задач была решена – школьные здания были восстановлены. Если в 1943 г. 19 школ, располагались в зданиях ГорОНО 11, коммунального хозяйства 5, в частных 3, то в 1944 г. были восстановлены еще три школы: 20 школ находились в зданиях ГорОНО, 2 помещениях коммунального хозяйства, итого 22 школы. В школьном образовании города Курска было в 1943 г. школ начальных 9, неполных средних 5, средних 5; в 1944 г. школ начальных 8, неполных средних 7, средних 7. На 1 сентября 1945 г. школьников приняли 21 школа Курска, из которых средних 7, неполных средних 6, начальных 8. Вновь открыты школы 5, 6, 12, 21 [11, л. 65]. В освобожденном Курске было возобновлено дело всеобщего народного образования.

Источники и литература

1. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. Р-2647. Оп. 5. Д. 1.
2. ГАКО. Ф. Р-770. Оп. 2. Д. 25.
3. ГАКО. Ф. Р-2647. Оп. 1-л. Д. 1.
4. Курская правда. 1958. 27 сент.
5. Воспоминания Д. Г. Мальцевой // Личный архив автора.
6. Курская правда. 1943. 21 мая.
7. ГАКО. Ф. Р-2647. Оп. 5. Д. 6.
8. Курская правда. 1943. 18 авг.
9. Курская правда. 1943. 11 июля.
10. Курская правда. 1943. 26 авг.
11. ГАКО. Ф. Р-2647. Оп. 5. Д. 4.
12. Курская правда. 1943. 2 сент.
13. Курская правда. 1943. 3 дек.
14. Амоскин А.С. Учителя в военное лихолетье. Курск, 2000.

И. И. Муравьева,
Государственный архив социально-политической истории
Тамбовской области

РАБОТА ТАМБОВСКИХ ГОСПИТАЛЕЙ В ПЕРИОД КУРСКОЙ БИТВЫ

Аннотация. На основе документов из фондов Государственного архива социально-политической истории Тамбовской области представлена специфика работы госпиталей, дислоцирующихся на территории Тамбовской области, в период Курской битвы. Статья содержит аналитический материал о движении эвакогоспиталей, организации в них лечебного процесса, об оказании шефской помощи, формах культурно-массовой работы.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Курская битва, госпитали Тамбовской области, эвакогоспитали, лечебный процесс в госпиталях.

По решению Главного санитарного управления Красной Армии к ноябрю 1941 г. в Тамбовской области была создана мощная госпитальная база для приема большого контингента раненых с фронта [1, с. 446]. В связи с наступлением Красной Армии началось перемещение госпиталей Народного комиссариата обороны (НКО) на Запад, ближе к фронту, а на их место в январе – марте 1943 г. прибыли госпитали из Новосибирской, Омской областей и Красноярского края [1, с. 468, 480]. О масштабах этих перемещений свидетельствуют следующие цифры: за период с января по август 1943 г. в Тамбовскую область прибыло 49 госпиталей, а выбыло за ее пределы 51 [2, л. 209]. Все прибывающие госпитали обеспечивались необходимыми помещениями и, быстро развертываясь, включались в работу. Под них выделялись лучшие здания в городах и районах: Дома отдыха, санатории, городские и районные больницы, Дома культуры, школы, техникумы.

Во время крупных сражений, одним из которых были бои на Курской дуге, госпитали Тамбовской области превращались в передовые прифронтовые и работали как приемно-сортировочные. Накануне Курской битвы (на 1 июля 1943 г.) в Тамбовской области насчитывалось 59 госпиталей. Из них: 37 госпиталей системы НКО на 21 500 коек (фактически развернуто 24 728); 10 госпиталей системы Народного комиссариата здравоохранения (НКЗ) на 6 тыс. коек; 8 госпиталей системы Всесоюзного Центрального Совета Профессиональных Союзов (ВЦСПС) на 2 800 коек (фактически развернуто 3 320); 2 госпиталя для военнопленных на 1 100 коек. Из 57 госпиталей имелось 4 госпиталя для легкораненых (ГЛР), 2 сортировочных. Загрузка коечного фонда (без учета

госпиталей для военнопленных) на 1 июля 1943 г. составляла всего 36 % (11 039 из 30 300 по штату) [2, л. 10 об., 11].

В начале июля началась передислокация 15 эвакогоспиталей (ЭГ) из Тамбовской области ближе к фронту (приказ управления эвакуопункта № 92 от 27 июня 1943 № 0014). В Курскую область на станцию (ст.) Старый Оскол следовали ЭГ № 1413, 1916, 1917, 3367 г. Моршанска; на ст. Новый Оскол – ЭГ № 2032, 2972 из г. Моршанска, ЭГ № 1915, 3480 из г. Тамбова, ЭГ № 3349 из райцентра Инжавино, ЭГ № 1240 со ст. Селезни Тамбовского района; в Воронежскую область на ст. Алексеевка – ЭГ № 1981 из г. Тамбова; на ст. Голофеевка – ЭГ № 1406 со ст. Мучкап, ЭГ № 2647 из г. Тамбова; на ст. Сомово – ЭГ № 1135 из г. Кирсанова; на ст. Хреновая – ЭГ № 2599 из г. Тамбова. Никакие ходатайства медицинского персонала о переводе или оставлении на местах не принимались, за исключением имеющих маленьких детей и тяжело заболевших [1, с. 489].

26 июля 1943 г. получен новый приказ № 0018 управления эвакуопункта № 92 о передислокации еще 8 эвакогоспиталей на ст. Солнцево Курской области: ЭГ № 385, 437, 1913 из г. Тамбова; ЭГ № 1980 из г. Котовска; ЭГ № 1585, 3614 из г. Рассказово; ЭГ № 2665, 2985 со ст. Кочетовка [4, л. 127]. Начальникам передислоцируемых госпиталей разрешалось забрать все санитарно-хозяйственное имущество и медицинское оборудование, транспорт, кровати с 25 % надбавкой по штату. Запрещалось увозить мебель (кроме медицинской), школьное и шефское имущество, снимать электропроводку, вывинчивать электролампы, забирать оборудование прачечных, дезкамер, санпропускников [4, л. 100–100 об.]. Выезжая на новое место дислокации, эвакогоспитали нередко увозили с собой весь твердый и мягкий инвентарь. Вновь прибывающие на их место госпитали находили «только голые стены и лежащих на полу более тысячи раненых, не было кроватей, постелей, костылей, света, посуды, предметов ухода, начиная термометром и кончая судном» [4, л. 94].

Количество штатных коек в госпиталях составляло 21 900. Фактически было развернуто к августу 1943 г. – 36 150 коек [3, л. 115 об.]. Раненые размещались в коридорах, красных уголках (ленинских комнатах), врачебных кабинетах. Вследствие перегрузки госпиталей допускалось размещение троих, иногда четверых раненых на двух койках (прежде всего с легкими ранениями). Перед тамбовскими заводами «Комсомолец», вагоноремонтным была поставлена задача в короткие сроки изготовить двухъярусные металлические кровати для размещения большого контингента раненых, поступавшего с фронта [5, л. 6 об., 7].

В начале августа 1943 г. МЭП-92 получил приказ о дополнительном развертывании в Тамбовской области 10 тыс. коек. Во исполнение приказа фактически развернули 10 800 коек, в т. ч. в госпиталях НКО – 9 850,

госпиталях ВЦСПС – 950, заняв для этой цели большинство госпитальных зданий области [3, л. 149].

Одновременно областными советскими и партийными органами проводилась работа по выполнению решения Государственного Комитета Оборона (ГКО) от 7 августа 1943 г. № 3889/сс о развертывании в Тамбовской области госпиталей НКЗ на 16 тыс. коек. Согласно постановлению Тамбовского облисполкома и бюро обкома ВКП(б) от 13 августа 1943 г. «О развертывании первой очереди госпиталей Наркомздрава на 6 000 коек» к 1 сентября необходимо было организовать: 4 госпиталя в г. Тамбове на 1 400 коек, 3 – в г. Моршанске на 900 коек, 2 – в г. Мичуринске на 800 коек, 2 – в г. Рассказово на 1 400 коек, 1 – в г. Котовске на 300 коек, а также в районных центрах: Инжавино (400 коек), Лысые Горы (200 коек), Мучкап (300 коек), Ржакса (300 коек) [6, л. 9 об.].

По состоянию на 1 сентября 1943 г. в Тамбовской области насчитывалось 37 госпиталей, из них: 19 – системы НКО (№№ 400, 428, 1006, 1067, 1106, 1108, 1111, 1112, 1404, 1414, 1600, 1846, 2583, 2675, 2676, 2688, 3482, 3502, 3611); 10 – системы НКЗ (№№ 5353, 5354, 5355, 5356, 5357, 5358, 5359, 5360, 5362, 5363); 8 – системы ВЦСПС (№№ 2615, 2627, 2636, 2674, 2679, 3226, 4041, 4989) [7, л. 9].

Госпитали НКЗ приняли первых раненых по г. Тамбову 10 июля; по районам – 14–15 июля 1943 г. В связи с нехваткой штатных врачей (обеспеченность 46 %) были мобилизованы врачи тамбовских больниц и поликлиник, аппарата облздравотдела. Большинство мобилизованных врачей были педиатрами, стоматологами, санитарными врачами, акушерами (4), терапевтами (2), офтальмологами (2), с малым опытом работы (выпуск 1941, 1942 гг.). До массового приема раненых с целью повышения квалификации были организованы курсы при облздравотделе с лекциями по травматологии, лечению ран и гипсовой технике. Для молодых врачей в госпиталях НКО проводились практические занятия по хирургической обработке ран, технике гипсовых повязок. В лекциях и практических занятиях участвовали московские врачи во главе с главным хирургом госпиталей НКЗ, профессором И. Г. Руфановым [2, л. 47, 49].

Всего за июль 1943 г. через госпитали, дислоцирующиеся в Тамбовской области, прошли 30 060 раненых (без больных и вне боевых травм), получивших квалифицированную помощь. За август 1943 г. количество раненых, получивших ранения непосредственно в боях, выросло до 35766 человек [2, л. 4].

Лечебный процесс в госпиталях был организован таким образом, чтобы поступающие раненые сразу же получали квалифицированное лечение. В Тамбове, Мичуринске и Моршанске имелись хорошо оборудованные эвакоприемники на железнодорожных станциях. В них размещались раненые с поездов и проводилась их сортировка. Здесь же они получали горячий чай с бутербродами и развозились по госпиталям в зависимости от характера ранения или заболевания [1, с. 446].

ЭГ № 400, находясь в г. Тамбове рядом с железной дорогой, выполнял роль крупного сортировочного госпиталя. Правильная сортировка и цветная маркировка прибывающих раненых обеспечивала быстрое оказание им квалифицированной хирургической помощи. Проводились все виды операций [8, с. 79]. В этот госпиталь поступали раненые с наиболее тяжелыми ранениями в череп, грудную клетку, живот, позвоночник, нижние конечности. С 1 января 1942 г. в госпитале было развернуто 850 коек: 150 нейрохирургических и 700 для костных травм. Поступало большое количество раненых осколками мин, авиабомб. Эти обширные, рваные, загрязненные раны давали большое количество осложнений. При госпитале был выделен специальный изолятор на 100 мест для больных с газовой флегмоной. Госпиталь был хорошо оборудован. Имелись 2 рентгеновских кабинета, 2 физиокабинета, 2 лаборатории, 2 зубокабинета, кабинет лечебной физкультуры [1, с. 444]. В наградном листе ведущего хирурга ЭГ № 400 М. П. Никотина от 28 июля 1943 г. значилось: «Ввел свою методику оперирования по удалению инородных тел из коленного сустава. Сделал 164 операции на кровеносных сосудах при их ранении, не получив ни одной смерти во время операций». [8, с. 85]. В 1943 г. орденами Красной Звезды были награждены начальник санитарной рампы Е. И. Макачук и начальник 3-го отделения С. Р. Леонюк. [8, с. 53].

Для эвакуационного госпиталя № 2675 в г. Мичуринске были предоставлены помещения школы № 49, железнодорожных детских яслей, детского сада и яслей фабрики «Конволос», магазина № 1 Трансторгпита (как резерв на случай большого поступления раненых) [9, л. 4, 11]. В конце июля 1943 г. госпиталю было передано освободившееся здание бывшего монастыря для размещения сборно-пересыльного пункта [4, л. 127 об.].

Основная масса госпиталей имела общехирургический профиль. В них размещались преимущественно раненые в нижние и верхние конечности. Такие раненые составляли 80 % от всех поступивших. Раненые в голову, грудь, живот проходили лечение в специализированных госпиталях или специализированных отделениях при общехирургических госпиталях.

Из общего количества штатных коек на 1 июля 1943 г. удельный вес хирургических составлял – 91 %, терапевтических – 6,5 %, кожно-венерических – 2,5 %. Из общего количества хирургических коек: торакоабдоминальных – 2,5 %, челюстно-лицевых – 2,1 %, нейрохирургических – 2,1 %, глазных – 1,4 %, оториноларингических – 0,7 %, урологических – 0,5 %, гинекологических – 0,25 % и общехирургических – 81,45 % [1, с. 503]. К июлю 1943 г. из общехирургических были выделены госпитали для раненых в бедро и большие суставы нижней конечности, как требующих высокой квалификации хирургов [2, л. 210].

Такая специализация давала возможность обслуживать раненых наиболее квалифицированно. В этих госпиталях срок лечения составлял не выше 2–3 месяцев. Раненые, требующие более длительного лечения, эвакуировались в тыл страны. Основную массу пациентов терапевтических отделений госпиталей составляли больные с заболеваниями органов дыхания: туберкулезом легких, пневмонией. Туберкулезное отделение было создано при госпитале № 5353 в здании школы № 17 г. Тамбова (ул. К. Маркса, 167). В период Великой Отечественной войны туберкулез легких отличался особой тяжестью течения и высокой смертностью [10, л. 45 об., 46]. Такие больные в армию почти не возвращались. Затем следовали заболевания органов пищеварения и сердца.

Одним из крупных госпиталей области являлся ЭГ № 5357 на 1 500 коек в здании школы № 51 г. Тамбова (ул. Советская, 87а). Фактически в нем находилось на лечение 1 600–1 800 раненых. Имел 9 медицинских отделений (в т. ч. женское), 90 палат. Личный состав состоял из 361 человека, в т. ч. 25 врачей (вместо 37 по штату) и 98 медсестер (по штату 133) [11, л. 1].

Благодаря высокому профессионализму врачей и средних медицинских работников, заботливому уходу обслуживающего персонала процент возвращения раненых в строй был наивысшим среди воюющих армий разных стран (около 93 %), а смертность составляла менее 1,5 %. [12, с. 89].

Из общего количества раненых, проходивших лечение, выписано в часть, батальоны выздоравливающих и признано ограниченно годными: в первом полугодии 1943 г. – 89,3 %, в июле 1943 г. – 86,7 %, в августе 1943 г. – 92,1 %. Смертность составила: в первой половине 1943 г. – 743 человека (1,3 %), в июле 1943 г. – 99 человек (0,33 %), в августе 1943 г. – 179 человек (0,5 %) [3, л. 115 об.].

При лечении раненых использовались все новейшие методы, широко применялись сульфаниламидные препараты, вторичные швы при ранении мягких тканей, внутривенное введение стрептоцида, алкогольный наркоз, кожная пластика, переливание как консервированной крови, так и свежей крови донора в экстренных случаях. Каждый госпиталь имел дежурных доноров из своего личного состава. Тамбовская областная станция переливания крови насчитывала в 1943 г. 14 тыс. активных доноров, из них 10 тыс. сдавали кровь в г. Тамбове. Быстрому восстановлению раненых способствовали занятия лечебной гимнастикой и лечебной физкультурой, которые применялись почти во всех госпиталях [2, л. 11 об., 12].

Средняя продолжительность лечения по отдельным видам ранений выражалась в следующих сроках (днях): бедро (с повреждением кости) – 133, кисть – 108, голень – 90, стопа – 83, плечо (с повреждением кости) – 64, мягкие ткани – 48, пальцы рук – 40 [2, л. 12–12 об.].

Раненые с ампутированными конечностями, лечение которых было закончено, переводились в специализированный госпиталь № 5358 в здании школы № 5 г. Тамбова (ул. Пензенская, 62), где проводилась их окончательная подготовка к протезированию [13, с. 67]. Все протезы изготовлялись исключительно в Тамбовской протезной мастерской. Сроки изготовления протеза составляли: нижней конечности – 3 недели, верхней – несколько больше [14, л. 25 об.].

Тысячи солдат и офицеров были возвращены к жизни не только благодаря умело проведенным операциям, но и заботливому уходу за ними медсестер и санитарок.

Ремонт и приспособление зданий под госпитали осуществлялись за счет внутренних ресурсов области. Предприятия местной промышленности изготовили кровати, топчаны, кушетки, столы, стулья, скамейки, шкафы, посуду для госпиталей [15, л. 81, 82].

Значительно возросла потребность в медикаментах, перевязочном материале, медицинском оборудовании и инструментах, предметах гигиены и ухода за больными. В связи с недостатком централизованного снабжения летом 1943 г. были приняты решительные меры для изыскания необходимых ресурсов на местах: увеличение сбора лекарственного сырья населением; максимальное увеличение изготовления на их основе доступных лекарственных средств (мазей, настоек, экстрактов, травяных чаев, сборов и проч.). Учитывая недостаточность зарослей дикорастущей валерианы, были дополнительно посеяны по два гектара валерианы в Инжавинском и Красивском районах. Артели промысловой кооперации организовали производство носилок, костылей, перевязочных столов, шкафов для медицинструментов, санитарных сумок, оправ и футляров для очков, кистей для бритвы, зубных щеток и зубного порошка. Из местных гончарных глин было организовано производство подкладных суден, плевательниц, мочеприемников, банок для мазей. Заводы «Комсомолец» и вагоноремонтный г. Тамбова снабжали госпитали кислородом [14, л. 20–20 об.].

Для успешного лечения раненых требовалось бесперебойно снабжать госпитали электроэнергией. Это достигалось за счет отключения от электроэнергии всего гражданского населения, большинства учреждений и сильного ограничения предприятий. Из-за недостатка электроэнергии многие механические прачечные госпиталей в 1943 г. не работали. Тонны белья стирались вручную.

Постановлением бюро Тамбовского горкома ВКП(б) от 24 июня 1941 г. об установлении шефства предприятий и учреждений г. Тамбова над госпиталями все партийные организации города были закреплены в качестве шефов [16, л. 30]. В целях улучшения медицинского и хозяйственного обслуживания раненых бойцов и командиров Красной Армии в октябре 1941 г. был создан комитет помощи раненым при Тамбовском обкоме ВКП(б). К шефской работе были привлечены все

категории населения – от воспитанников детсадов, школьников до домохозяек, рабочих и колхозников.

Студенты, служащие предприятий и учреждений после учебы и работы на общественных началах дежурили в госпиталях в палатах у тяжелораненых. Областное отделение Российского общества Красного Креста организовало добровольные санитарные дружины. Сандружинницы помогали разгружать военные санитарные поезда. Домохозяйки участвовали в пошивке и починке белья, его стирке, создавали уют в палатах. Учащиеся старших классов дежурили в отделениях, убирали палаты, помогали кормить тяжелораненых, читали художественную литературу в палатах, писали письма родным фронтовиков [2, л. 26–31].

Продовольственное обеспечение госпиталей с 1 апреля 1943 г. осуществлялось продовольственным складом НКО № 191 Приволжского ВО, дислоцированном в г. Тамбове и имеющим свои склады на периферии, что значительно улучшало их снабжение. Склад № 191 имел достаточный ассортимент круп, устойчивый запас муки, жиры, молочные продукты. В госпиталях появилась рыба, диетические продукты (манная крупа, рис, пшеничный хлеб) [2, л. 20 об.].

Все госпитали, помимо отпускаемых плановых продуктов по нормам НКО, получали значительное количество продуктов из колхозов области. Шефствующие колхозы обеспечивали госпитали прежде всего свежим мясом, овощами и молочными продуктами. Проводилась значительная работа по организации при госпиталях подсобных хозяйств. В 1943 г. урожай подсобных хозяйств на 45 % обеспечивал потребность госпиталей НКО и ВЦСПС в овощах и картофеле [3, л. 115 об.].

Традиционными формами культурно-массовой работы в госпиталях являлись: лекции, литературные вечера, концерты, киносеансы, чтение художественной литературы, оформление стенгазет, выставок, плакатов, лозунгов. Ежедневно в госпиталях проводились политинформации. Студенты музыкального училища, артисты областного драматического театра и участники художественной самодеятельности предприятий и учреждений регулярно организовывали литературно-музыкальные вечера. В каждом госпитале была создана художественная самодеятельность из обслуживающего медицинского персонала, раненых и шефов [2, л. 52–52 об.].

Особенно активное участие в организации госпитальной художественной самодеятельности принимали преподаватель Тамбовского музыкального училища, композитор Г. А. Сметанин, актер Тамбовского областного драматического театра И. З. Шер. В отчетах тамбовских госпиталей отмечалось не только активное участие И. З. Шера в проведении шефских концертов, но и использование его медиками в качестве психотерапевта. «У раненого Иванова Сергея была ампутирована нога, он очень тяжело переживал это, был замкнут, угрюм, молчалив. После нескольких бесед т. Шера настроение резко изменилось. Таких

примеров очень много. Для того чтобы поднять настроение тяжелораненых врачи обращались за помощью к т. Шеру, и его слово неизменно находило отклик в сердце раненого» [11, л. 4 об.].

Художественная самодеятельность госпиталей пользовалась успехом не только среди раненых, но и среди жителей области. Неслучайно, установилась традиция: после областных торжественных заседаний показывать концертные номера артистов госпиталей. О художественной самодеятельности ЭГ № 1913 (размещался в зданиях школ № 6 и № 7 г. Тамбова), где лечились бойцы гвардейских частей, было много хороших отзывов. В ЭГ № 5358 были организованы кружки: хоровой, балетный, драматический [10, л. 42]. Особые чувства у раненых вызывали выступления воспитанников детских садов. «Когда дети приходят к нам, – писал раненый красноармеец Поздняков, – вспоминаются и свои ребятишки и на глазах навертываются слезы. Хочется быстрее излечиться и пойти еще крепче бить поганых немцев, вернуться домой с победой, увидеть и расцеловать своих ребятишек» [17].

Большинство госпиталей имели свою киноаппаратуру, регулярно 2–3 раза в неделю демонстрировались кинокартины. Работники библиотек приносили книги, читали художественную литературу, газеты в палатах у тяжелораненых. В госпиталях проводились шахматные и шашечные турниры, соревнования по игре в бильярд.

Всего за годы войны госпитали Тамбовской области приняли около 600 тыс. раненых и больных. Около 176 тыс. были эвакуированы в тыл, остальные проходили лечение в госпиталях Тамбовской области [1, с. 12].

Источники и литература

1. Тамбовская область в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Сб. док-тов. Тамбов, 2008. Т. 2.
2. Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области (далее – ГАСПИТО). Ф. П-1045. Оп. 1. Д. 3842.
3. ГАСПИТО. Ф. П-1045. Оп. 1. Д. 3425.
4. ГАСПИТО. Ф. П-1045. Оп. 1. Д. 3845.
5. ГАСПИТО. Ф. П-1045. Оп. 1. Д. 3252л.
6. ГАСПИТО. Ф. П-1045. Оп. 1. Д. 3314.
7. ГАСПИТО. Ф. П-1045. Оп. 1. Д. 3318.
8. Пятибратов С.А. Страницы истории тамбовских госпиталей. Тамбов, 2018.
9. ГАСПИТО. Ф. П-513. Оп. 1. Д. 3190.
10. ГАСПИТО. Ф. П-1045. Оп. 1. Д. 3832.
11. ГАСПИТО. Ф. П-1045. Оп. 1. Д. 3839.
12. Тамбовская энциклопедия. Тамбов, 2004.
13. Быкова В.И., Щукин Ю.К. Медицинская помощь в Тамбовской области в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Тамбов, 2010.
14. ГАСПИТО. Ф. П-1045. Оп. 1. Д. 3431.
15. ГАСПИТО. Ф. П-1045. Оп. 1. Д. 3434.
16. ГАСПИТО. Ф. П-735. Оп. 1. Д. 823.
17. Тамбовская правда. 1943. 24 окт.

С.А. Никифоров,
кандидат исторических наук
Юго-Западный государственный университет

**ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ СПЕЦСЛУЖБ, ВЕРМАХТА
И КОЛЛАБОРАЦИОНИСТОВ В ОТНОШЕНИИ МИРНОГО
НАСЕЛЕНИЯ ОККУПИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЙ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА**

Аннотация. В статье затронут вопрос ответственности немецко-фашистских спецслужб, войск и их союзников, советских коллаборационистов за гибель граждан Советского Союза, оказавшихся в оккупации. Сделан вывод о том, что значительное количество жертв было следствием целенаправленной преступной политики руководства фашистской Германии, многочисленных военных преступлений, совершенных оккупантами и их пособниками. Автор указывает на существенные проблемы, связанные с точным учетом жертв.

Ключевые слова: военные преступления, оккупация, истребление мирного населения, геноцид, фашизм, Великая Отечественная война.

Потери сторон в войне фашистской Германии против Советского Союза беспрецедентны и колоссальны. Советский Союз понес наибольшие потери среди стран-участников этой войны.

Согласно официальным сведениям, из числа погибших граждан Советского Союза только 8 млн 668 тыс. 400 человек были военнослужащими [1, с. 129–131]. Число гражданских лиц, не доживших до окончания войны, превышает 17 млн 900 тысяч человек. Из этого числа 4,4 млн смертей необходимо отнести на естественную убыль населения. Около 4,1 млн человек умерло от жестокого обращения захватчиков с населением оккупированных регионов СССР (голод, инфекционные болезни, отсутствие медицинской помощи и т. п.), более 2,1 млн погибло на принудительных работах в Германии, 7,4 млн советских граждан было преднамеренно истреблено захватчиками (в том числе 1,8 млн россиян) [2, с. 406, 407].

Приведенные данные существенно расходятся со сведениями, приведенными в документах Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников от 1946 г. ЧГК было установлено, что в результате прямого физического истребления мирного населения на оккупированной территории СССР погибло 6 млн 390,8 тыс. человек, РСФСР – 706 тыс. чел.

Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их

сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (ЧГК) была образована указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 ноября 1942 г. Указом предусматривалось, что в ее задачу входит «полный учёт злодейских преступлений нацистов и причинённого ими ущерба советским гражданам и социалистическому государству, установление личности немецко-фашистских преступников с целью предания их суду и суровому наказанию; объединение и согласование уже проводимой советскими государственными органами работы в этой области». Возглавил работу по учету секретарь ВЦСПС Николай Шверник. Комиссией было собрано более 250 тыс. свидетельств о преступлениях оккупантов, составлено 56 тысяч актов о совершенных ими злодеяниях на территории СССР. Акты и сообщения ЧГК стали одним из важнейших доказательств обвинения на Нюрнбергском процессе против нацистских преступников. Документы ЧГК хранятся в Государственном архиве Российской Федерации (фонд Р-7021).

Гибель огромного числа мирных граждан не была случайной. Уничтожение мирного населения на оккупированной территории было планомерной реализацией стратегических планов Германии. «Генеральный План Ост», принятый руководством фашистской Германии предусматривал депортацию 31 млн человек с захваченных территорий на востоке. Однако, нацистам это представлялось недостаточным: в «Замечаниях и предложениях Восточного министерства по генеральному плану «Ост» говорится, что *«...число людей, согласно плану подлежащих переселению должно быть еще более увеличено»* [3, с. 31] (до 46–51 млн человек). Министерство оккупированных восточных территорий требовало, чтобы еще до депортации были бы «ликвидированы 5–6 млн евреев». После всех «мероприятий» на захваченных территориях должно было остаться *не более 14 млн местных жителей*. Необходимо отметить, что, судя по планомерному уничтожению мирного населения и военнопленных, проводившихся фашистами на оккупированных восточных территориях, речь шла не столько о депортации, сколько об истреблении населения СССР, уничтожении целых народов.

В ходе битвы за Москву под Калинин был захвачен приказ командующего 6-й немецкой армией генерал-фельдмаршала В. фон Рейхенау «О поведении войск на Востоке» от 10 октября 1941 г. В нем германский военачальник требовал распространить репрессии не только на партизан, но и на все мужское население оккупированных территорий. Рейхенау приказал применить «решительные и жестокие меры» против тех лиц, которые не нанесли никакого вреда немцам, а лишь заподозрены в возможных с их стороны покушениях. Генерал-фельдмаршал требовал отбросить соображения гуманности, отказаться от ликвидации пожаров зданий, уничтожать художественные и исторические ценности на оккупированной территории [4, с. 5, 6, 7].

Командующий группой армий «Юг» генерал-фельдмаршал фон Рундштедт 12 октября 1941 г. продублировал приказ Рейхенау в зоне своей ответственности. Главное командование сухопутных войск довело его в конце октября 1941 г. до всех групп армий и просило отдать соответствующие распоряжения [5, с. 88].

Немцы известны своей аккуратностью при ведении документации. Однако, во многих случаях мы не можем из трофейных документов узнать имена погибших от рук оккупантов и их пособников. В отчетах и рапортах указано только число убитых и казненных. Это, вероятно, связано с реализацией целевой установки: 7 декабря 1941 г. ставка верховного главного командования вооруженных сил Германии издала директиву об усилении мер наказания за выступления против оккупационных властей, ставшую широко известной под названием «Мрак и туман». Ее суть состояла в том, чтобы запугать местных жителей, вселить в их сердца страх и ужас, широко применяя такой метод, как неожиданный арест даже ни в чем неповинного человека, обрекаемого, однако на смерть. Арестованный исчезал бесследно, члены его семьи не знали, что с ним происходит и где он. В препроводительном письме к этой директиве Кейтель писал: «Действенное и последовательное устрашение может быть достигнуто только смертными казнями или же мероприятиями, оставляющими в неведении о судьбе преступника членов его семьи и население» [5, с. 88]. Кто именно был расстрелян или повешен оккупантов не интересовало вообще.

Истребление немцами гражданского населения невозможно списать на подавление движения сопротивления на оккупированной территории. Дело в том, что, несмотря на широкий размах, движение партизан и подпольщиков в годы Великой Отечественной войны, по оценкам советских источников, насчитывало в своих рядах около 1 млн человек [6, с. 231]. Западные исследователи за трехлетний период оккупации территории СССР насчитывают от 400 000 до 500 000 участников партизанского движения с учетом текучести [7, с. 194]. Общие потери советских партизан за годы войны определены лишь ориентировочно. По различным оценкам погибло от 100 тыс. [8, с. 96; 9] до 650 тыс. [10; 11, с. 184] участников партизанского движения.

Борьба с партизанами входила в обязанности целого ряда немецких военных, полицейских органов и спецслужб. Наряду с другими задачами, выявлением и уничтожением партизан и подпольщиков занимались полевые и местные комендатуры. Для этого в распоряжении каждой комендатуры имелась своя агентурная сеть, помещение для арестованных и команда по охране [12, с. 159]. Борьба с партизанами также была важной задачей отделов 1Ц при штабах немецких войсковых соединений (от дивизии и выше), немецкой военной разведки – Абвера, службы безопасности (СД), тайной военной полиции – ГФП, полевой жандармерии.

Отделы 1Ц санкционировали расстрелы и другие меры наказания в отношении гражданского населения и военнослужащих, принимали участие в организации карательных отрядов для борьбы с партизанами. Сотрудники Абвера принимали непосредственное участие в проведении репрессий лишь в исключительных случаях. Военная разведка предпочитала использовать в карательных акциях так называемые отряды особого назначения. Например, в распоряжении начальника абвергруппы 107 (г. Орел) имелся отряд особого назначения – ЦБФ (от немецкого «Zum besondere Verfügung») численностью 400 человек, сформированный в январе 1942 г. из военнопленных красноармейцев [13, с. 159]. Важнейшей задачей ЦБФ была борьба с партизанами. Отряды особого назначения были постоянно готовы к проведению карательных акций и операций против партизан.

ГФП (GFP – «Гехайме фельдполицай»), по сути, являлась армейской службой безопасности, она исполняла функции гестапо в зоне боевых действий, во фронтовых и армейских тылах. Действовавшая на оккупированной советской территории в 1941–1943 гг. тайная военная полиция часто фигурирует под наименованием «гестапо». Именно тайная военная полиция, как правило, организовывала и координировала карательные акции против партизан и гражданского населения. Зачастую именно по распоряжениям и под руководством офицеров ГФП приданные им армейские части, части войск СС и полицейские формирования сжигали целые деревни, безжалостно уничтожая их жителей. Функции ГФП во многом пересекались с задачами, возложенными на СД. Однако, в отличие от тайной военной полиции, нацеленной на выявление агентов, оставленных советскими спецслужбами, задачей СД был, преимущественно, контроль гражданского населения. Для работы на оккупированной территории СССР были созданы айнзатцгруппы – оперативные группы. Было организовано 4 айнзатцгруппы. В каждой из айнзатцгрупп имелся штаб, специальные команды (зондеркоманды), действовавшие в боевой зоне, и оперативные команды (айнзатцкоманды), действовавшие в армейских тылах [14, с. 200–201]. Подразделения СД принимали активное участие в проведении операций против партизан и карательных акций в отношении мирного населения. Считается, что жертвами всех четырех айнзатцгрупп на территории СССР стали около 750 тыс. человек [15, с. 331]. Оперативным группам оказывали значительную помощь немецкие солдаты, солдаты армий союзников Германии, местные коллаборационисты, а также другие отряды СС [16, с. 23–25; 17, с. 374–376]. Полевая жандармерия (Feldgendarme) действовала только в боевой зоне, занималась обнаружением и задержанием дезертирующих солдат, контролем над передвижением транспортных средств и самолётов, выполнением функций гражданской полиции, выявлением партизан, скрывающихся военнослужащих, также принимала

участие в массовых арестах, расстрелах, особенно евреев, отправке людей в концентрационные лагеря.

Жертвами фашистской политики геноцида стали более 1 млн советских евреев [18] и несколько десятков тысяч цыган (зарубежные исследователи считают, что на оккупированной территории Советского Союза было убито не менее тридцати тысяч цыган). Цыган, как и евреев, уничтожали только за национальную принадлежность. Известно, что основная ответственность за гибель евреев и цыган лежит на айнзатцкомандах – эта «деятельность» была их прямой служебной обязанностью (значительной роли в борьбе с партизанами они не играли) [19, с. 263].

Серьезной ошибкой является возложение ответственности за гибель мирных советских граждан только на гестапо (ГФП), СД и полицию. Эти организации, безусловно, являются преступными, что подтверждено материалами и приговором Нюрнбергского трибунала. Однако, сотрудников названных служб было физически недостаточно для уничтожения столь значительное количество людей.

По официальным данным на территории Курской области захватчики и их сообщники убили 18 099 мирных граждан. Убийства мирных граждан часто сопровождалось уничтожением жилых домов и целых населенных пунктов. В области оккупантами было полностью сожжено 157 сел [20, с. 43].

Гитлеровцы начали злодеяния сразу же после занятия населенных пунктов Курской области для устрашения населения. Примеров зверств и убийств мирных граждан фашистскими захватчиками и их пособниками чрезвычайно много, приведем лишь некоторые из них.

В Курске уже 5 ноября 1941 г. на Московской улице (ул. Ленина) были расстреляны 15 человек. 7 ноября 1941 г. комендант Курска Штаумпфельд издал приказ о расстреле 10 заложников из числа жителей города в ответ на то, что кто-то из гражданских лиц тяжело ранил немецкого солдата [20, с. 41, 42]. Около мединститута немцы расстреляли 19 человек за то, что кем-то был перерезан телефонный провод [21, с. 5].

В декабре 1941 г. немцы заняли с. Куськино Мантуровского района и с разрешения своего коменданта произвели поголовный грабеж населения, сопровождавшийся издевательствами и убийствами. Так, Е. С. Филмонову немцы схватили с двумя малолетними детьми, после пыток и издевательства, бросили в погреб и сожгли [22, с. 75, 76].

4 декабря 1941 г. в селе Прилепы Мантуровского района немцы расстреляли колхозника Ивана Николаевича Хмелевского за то, что он скрывал у себя двух красноармейцев. Имущество Хмелевского забрали.

В хуторе Криволаповка Мантуровского района немцы расстреляли колхозницу Криволапову за отказ поднять руки. В селе Готище Воловского района 3 декабря 1941 г. были расстреляны 3 человека (в том числе учитель Ревякин) за высказывания против немцев [21, л. 13, 14].

Ворвавшись в с. Плоское Пристенского района захватчики начали грабить население, попутно убивая жителей села. У Печереевой Ольги на руках был грудной ребенок. Застрелив мать, фашистский офицер кинжалом проткнул грудь ребенка. Второй сын женщины убежал, но через час немцы поймали его и расстреляли [22, с. 76].

В селе Панино Медвенского района 6 декабря 1941 г. немцы расстреляли одну колхозницу за то, что она высказала свое недовольство немецким солдатам, занимавшихся грабежом [21, л. 19, 20].

4 декабря 1941 г. в селе Погожее Тимского района немцы расстреляли семью колхозника из 5 человек за то, что напротив его дома диверсионной группой был заминирован и взорван мост [21, л. 24]. Этот расстрел является ярким примером воплощения в жизнь призывов Гитлера: «Местные жители должны знать, что будет расстрелян всякий, кто проявит бездействие, и что они будут привлекаться к ответственности за всякий поступок» [Цит. по: 23, с. 583]. Таким образом была введена круговая порука. За действия партизан должны были отвечать ни в чем неповинные люди. Гитлер говорил: «Партизанская война имеет свои преимущества: она дает возможность истреблять все, что восстает против нас» [Цит. по: 23, с. 582].

В селе Бутово (Томаровский район) немцы расстреляли 200 человек местных жителей и проходивших без документов. В Казацкой слободе города Курска было отравлено 8 немецких офицеров, за это немцы расстреляли около 60 человек. В декабре 1941 г. на станции Курск взорвалось железнодорожное депо, за это немцы расстреляли 10 человек, схваченных ими около этого здания.

Еще в начале ноября 1941 г., сразу после захвата Курска, немецкая комендатура и старший врач немецкого гарнизона Керн приказали назначенному ими директору областной Сапоговской психиатрической больницы Краснопольскому и врачу больницы Сухареву произвести своими силами массовое умерщвление больных. В результате было отравлено около 650 человек. Трупы были зарыты на территории больницы в щелях бомбоубежища [24, л. 16–19]. После выполнения распоряжения немецкой комендатуры в больнице осталось не более 250 пациентов (200 человек были выписаны до эвакуации) [24, л. 26].

Сразу после Курска гитлеровцы согнали все мужское население города призывного возраста, объявили мужчин в возрасте от 16 до 65 лет военнопленными и разместили в лагерях, организованных в сараях в районе Дальних парков, в трамвайном парке, в помещении кинотеатра им. Щепкина, в ряде пустующих домов на ул. Советской, Интернациональной и в других местах. «Никакого питания в лагере (в районе Дальних парков) не выдается. Заключенные питаются только тем, что передают родственники», – указывали 12 ноября 1941 г. в докладной записке УНКВД по Курской области обкому партии начальник УНКВД капитан госбезопасности П. М. Аксенов и зам. начальника капитан ГБ

В. Т. Аленцев [25, с. 40]. Осенью 1997 – весной 1998 гг. при строительстве гаражей на улице Кавказской в Курске (района Дальних парков) были обнаружены останки более 130 человек [25, с. 44]. Поисковики, начав раскопки и подъем останков, не ожидали найти в этом останки тысяч погибших. Жертв оказалось более двенадцати тысячи. Были обнаружены останки тысяч военнопленных, ополченцев и мирных жителей (в том числе не менее 750 евреев), казненных оккупантами в Знаменской роще Курска. Жертвами стали в том числе дети. В одной из ям были найдены останки более ста детей. Судя по расположению останков, обнаруженных в одной из ям, неизвестная женщина пыталась закрыть своих детей. Под ее телом курские поисковики нашли скелеты троих малышей, в том числе грудного ребенка.

Значительная доля ответственности за уничтожение мирных граждан Советского Союза лежит на немецкой армии. В российских архивах сохранились материалы, которые однозначно свидетельствуют о причастности немецких военнослужащих к убийствам не только военнопленных, но и мирных жителей оккупированных территорий. Так, 31 декабря 1942 г. на окраине с. Банищи Льговского района Курской области пятеро солдат саперной роты № 355 по распоряжению командира роты лейтенанта Эвальда Вайнерта расстреляли пятерых жителей д. Кожановка Хомутовского района. Казнь непосредственно руководил фельдфебель по имени Ганс. 30 декабря военнослужащими этого же подразделения были расстреляны двое пленных красноармейцев [26, л. 57, 58, 771]. Подробности преступления ужасают, однако, их необходимо привести. Пятеро селян – старик, двое мужчин среднего возраста, женщина и ее двенадцатилетний сын – в декабре 1942 г. отправились в с. Пристен для покупки коров (ранее коровы были отобраны у них немцами). 29 декабря в Пристени местным старостой, его заместителем и сельским полицейским были задержаны двое красноармейцев-окруженцев. В этот же день, преодолев около 30 км, в Пристен явились жители Кожановки. Представители местной администрации заподозрили их в связях с задержанными красноармейцами и партизанами (а возможно, решили попросту ограбить – у людей, пришедших купить такую дорогую и ценную живность, как корова, должны были быть с собой соответствующие средства) и взяли под стражу. На следующий день, 30 декабря, о происшествии было доложено руководству ближайшей немецкой воинской части, которая располагалась в с. Банищи (2–3 км от Пристени). Несколько немецких солдат были немедленно отправлены в Пристен. Сразу по прибытии на место они расстреляли пленных красноармейцев. Пятеро жителей Кожановки были арестованы и доставлены в Банищи. Арестованных продержали под стражей ночь. Очевидно, в это время и была решена их судьба. 31 декабря пятеро солдат саперной роты во главе в фельдфебелем вывели арестованных на окраину села – к дороге, ведущей в с. Густомой. Там ребенок, женщина, двое мужчин и старик по приказу

командира роты были расстреляны в затылок. Для принятия решения о расстреле арестованных немцам хватило лишь подозрения о связях селян с партизанами. Один из приговоренных мужчин был ранен первым выстрелом, он приподнялся и был добит следующей пулей. После казни собрались жители с. Пристенъ. Собравшиеся хотели подойти к убитым и похоронить их, но немцы пригрозили расстрелом. Только когда селян собралось около пятисот, им разрешили подойти. Оказалось, что мальчик жив. Пристенцы хотели забрать его, но солдаты запретили это сделать, пригрозив расстрелом всем, кто нарушит приказ. Собравшиеся жители, сняв одежду с убитых, завернули в нее ребенка и оставили на морозе. Вечером 31 декабря оккупанты разрешили похоронить казненных. Трое жителей села вырыли братскую могилу рядом с местом казни. В яму рядами сложили взрослых. Тут выяснилось, что мальчик, пролежав на лютом морозе 12 часов, еще жив. Селяне умоляли сохранить жизнь ребенка. В ответ немцы заявили, что похоронят в могиле их самих. Под прицелом автоматов жители села закопали живого ребёнка всеми с убитыми, среди которых была и мать мальчика. Они положили его рядом с мамой, накрыв обоих шалью матери [26, л. 58–58 об.].

Почему же саперная рота, вопреки своему наименованию, занималась не инженерными работами, а расстрелами мирных жителей? Данное воинское подразделение к моменту описанной казни неоднократно принимало участие в облавах на партизан, проводившихся в окрестных лесах [26, л. 56 об.]. Очевидно, 355-я саперная рота, дислоцировавшаяся в 1942 г. в с. Банищи, входила в состав одной из охранных дивизий вермахта (Sicherungs Division), которые представляли собой главную силу по поддержанию общественного порядка в зоне ответственности военной администрации. Создание охранных дивизий началось в январе 1941 г. В соответствии с приказом командующего армией резерва генерал-полковника Ф. Фромма от 3 марта 1941 г. из 3 пехотных дивизий были сформированы 9 охранных (новые соединения значительно уступали обычным пехотным в численности и вооружении), которые должны были обеспечивать «новый порядок» в тыловых районах групп армий (по 3 дивизии в каждом). Охранные дивизии, наряду с подразделениями военной разведки (Абвера), ГФП и полевой жандармерией, находились в подчинении командующих соответствующими тыловыми районами. В тылу группы армий «Центр» в 1941–1942 гг. действовали 213, 286 и 403-я охранные дивизии. В состав 286-й охранной дивизии входили: 354-й пехотный полк (три пехотных батальона), 61-й охранный полк, 213-й артполк, 704-й охранный (караульный) батальон и 354-я саперная рота. Примерно таким же был состав других охранных дивизий [27, с. 23]. Вероятно, 355-я саперная рота находилась в составе 213-й либо 403-й охранной дивизии. Отметим, что военнослужащие саперной роты № 355 в декабре 1942 г. расстреляли военнопленных и мирных жителей в тыловом

районе той самой 2-й танковой армии, от командования которой годом ранее был отстранен Г. Гудериан.

Поражает чрезвычайно большое несоответствие между числом убитых «партизан», указанным в оперативных докладах немецких частей о текущем положении, и потерями самих карателей. Отметим, что в ходе контрпартизанских акций встреченные карателями советские солдаты, отрезанные от основных сил своей армии и не представшие перед немецкими властями в определенный срок, объявлялись партизанами и подлежали расстрелу. В немецком сообщении об итогах операции под кодовым названием «Кугельблицц» («Шаровая молния» – осуществлена в период с 22 февраля по 8 марта 1943 г. в районе Витебска), проводившейся силами 201-й охранной дивизии при поддержке подразделений ГФП и СД, указывалось, что было убито 2 783 партизана и 260 взято в плен. Потери немецких войск при этом составили 117 человек убитыми, 334 человека ранеными и 21 пропавший без вести [28, с. 73–75]. С середины мая по 21 июня 1943 г. в районе Борисов-Лепель немецкие силы и подразделения коллаборационистов, общей численностью 16 662 человека, в ходе операции «Котбус» уничтожили 13 тысяч «партизан», кроме того на заминированных дорогах в зоне операции погибло около 3-х тыс. местных жителей. В ходе операции ее руководитель бригаденфюрер СС и генерал-майор полиции фон Готберг применил новый метод преодоления минных полей. Подводя итоги операции, он отметил: «После артиллерийско-зенитной подготовки проникновение в болотистую местность стало возможным только потому, что подозреваемых в связях с партизанами местных жителей гнали впереди войск по сильно заминированным участкам территории». Примечательно, что каратели захватили лишь 950 винтовок [28, л. 78–79].

К выводу о том, что в 1941–1942 гг. под прикрытием «действий против партизан», «карательных акций против бандитов» или «ликвидации партизанских лагерей» происходили массовые убийства гражданских лиц и сожжение мирных сел, пришли и современные немецкие ученые. Это заключение сделано ими на основе анализа документов, хранящихся в германских, российских и белорусских архивах. «Антипартизанские экспедиции» вермахта представляли, по оценке Г. Геера, «фикцию войны, дававшую максимум возможностей убивать и минимум возможностей быть убитыми» [Цит. по: 29, с. 78].

При изучении вопроса о жертвах нацистских военных преступников и их пособников среди мирного населения возникает целый ряд вопросов, которые только предстоит решить: как учитывать мирных жителей, погибших в результате огневого воздействия вермахта на территориях, не подвергавшихся оккупации; как учитывать мирных жителей, погибших в результате преднамеренно организованного голода на территориях, не подвергавшихся оккупации, (например, в Ленинграде), как учесть людей, умерших от жестокого обращения захватчиков с населением

оккупированных регионов СССР (голод, инфекционные болезни, отсутствие медицинской помощи и т. п.), как отделить этих людей от тех, кто умер по естественным причинам; учитывать ли казненных участников движения сопротивления, не бравших в руки оружие; как учесть многих казненных, фамилии которых установить невозможно. Эти и другие важнейшие вопросы требуют пристального внимания историков и поисковиков.

Источники и литература

1. Гриф секретности снят. Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование / под общ. ред. Г. Ф. Кривошеева. М., 1993.
2. Всероссийская Книга памяти, 1941–1945: Обзорный том. М., 1995.
3. Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки. Документы и материалы. Т. 2. Агрессия против СССР. Падение «Третьей империи». 1941–1945. М., 1973.
4. Не забудем, не простим. Материалы о зверствах немецких оккупантов во временно занятых советских районах. Политотдел армии, январь 1942.
5. Партизанское движение (По опыту Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.). Жуковский-М., 2001.
6. Партизанское движение в Великой Отечественной войне // Советская военная энциклопедия / ред. Н. В. Огарков. М., 1978. Т. 6.
7. Зимке Э. Состав и моральное состояние партизанского движения // Армстронг Д. Советские партизаны. Легенда и действительность. 1941–1944 / пер. с англ. О. А. Федяева. М., 2007.
8. Соколов Б.В. Оккупация. Правда и мифы. М., 2002.
9. Кузнецов И.Н. Партизанское движение: правда и мифы // Военно-политическое обозрение. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.belvpo.com/9364.html>. (дата обращения: 15.01.2020).
10. Анчуков С. Книга памяти и потерь // Литературная Россия. 2000. 1 сент.
11. Неизвестная война / авт.-сост. А. С. Бернацкий. М., 2010.
12. Ковалев Б.Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России, 1941–1944. М., 2004.
13. Органы государственной безопасности в Великой Отечественной Войне. Сборник документов. Т. 3. Кн. 1. Крушение блицкрига (1 января – 30 июня 1942). М., 2003.
14. Болтромаюк В. С кем мы сражались? // Игра на чужом поле: Сборник. Автор и исполнитель проекта В. Ставицкий. М., 2001.
15. Деларю Ж. История гестапо / пер. с фр. Ю. А. Немешаев, В. А. Павлов, Ю. А. Школенко. Смоленск, 1998.
16. Чуев С.Г. Спецслужбы Третьего Рейха. Кн. 2. М., 2003.
17. Органы государственной безопасности в Великой Отечественной Войне. Сб. доктов. Т. 4. Кн. 1. Секреты операции «Цитадель» (1 января – 30 июня 1943). М., 2008.
18. Энциклопедия холокоста // Мемориальный музей Холокоста США. [Электронный ресурс] //URL: <http://www.ushmm.org/wlc/ru/article.php?ModuleId=10005143>. (дата обращения: 15.01.2020).
19. Нюрнбергский процесс. Сборник материалов в 8-ми томах. М., 1991. Т. 5.
20. Гришков И.Г. Курская область в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. 2-е изд. Дополненное. Курск, 1999.
21. Архив управления Федеральной службы безопасности РФ по Курской области (далее – АУФСБ РФ КО). Ф. 4-го отдела УНКВД. Д. 132.

22. Курдюев С.В. Дни Великой Отечественной войны в Курской области // Родной край. Курск, 1946.
23. Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. М., 1958. Т. 2.
24. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 7021. Оп. 29. Д. 22.
25. Научно-исторический журнал «Курский край». № 4 (7). Курск, 1999.
26. АУФСБ РФ КО. Ф. 4-го отдела УНКВД. Д. 237. Т. 2.
27. Романько О.В. Немецкая оккупационная группировка и силовые структуры на территории Белоруссии // Военно-исторический журнал. 2008. № 6.
28. Хессе Э. Главы из книги «Советско-русская партизанская война 1941–1944 гг.» // Антипартизанская война в 1941–1945 гг. / под общ. ред. А. Е. Тараса. – М., 2005.
29. Ветте В. Война на уничтожение: Вермахт и Холокост // Новая и новейшая история. 1999. № 3.

Н. А. Пугачева,

Государственный архив Астраханской области

РАБОТА АСТРАХАНСКОГО ГОРОДСКОГО КОМИТЕТА ОБОРОНЫ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. Одним из органов управления в годы войны в Астраханском округе становится Астраханский Городской комитет обороны. Астраханский городской комитет обороны был создан постановлением государственного комитета обороны № 830-сс от 22 октября 1941 г. Возглавлял Городской комитет обороны первый секретарь окружкома ВКП(б) В. А. Голышев. Астраханский городской комитет обороны в своем лице объединял гражданскую, военную и правоохранительную власть в городе Астрахань и Астраханском округе.

Благодаря оперативной работе Астраханского Городского комитета обороны, его своевременным решениям и полному контролю за всеми отраслями жизнедеятельности города, Астрахань пережила тяжелые моменты 1941–1943 гг. Астраханский Городской комитет обороны действовал до ноября 1943 г. и прекратил свою деятельность в связи с отменой военного положения в Астраханском округе.

Ключевые слова: Астраханский городской комитет обороны, Астраханский округ, оборонительный рубеж, война, госпитали.

Война пришла в наш край внезапно, и потребовала незамедлительной перестройки всех отраслей хозяйства и управления.

Одним из органов управления в годы войны в Астраханском округе становится Астраханский Городской комитет обороны.

Астраханский городской комитет обороны был создан постановлением Государственного Комитета Обороны № 830-сс от 22 октября 1941 г.

В выписке из протокола № 94 § 28 заседания бюро Астраханского окружкома и исполкома окрсовета депутатов трудящихся ВКП(б) от 23 октября 1941 г. говорится: «В соответствии с постановлением Государственного Комитета Обороны, в интересах сосредоточения всей гражданской и военной власти, установления строжайшего порядка в городе и прилегающих к нему районах, представляющих ближайший тыловой фронт, создать в городе Астрахани – городской комитет обороны.

Утвердить комендантом города тов. Корначева М.Т., в распоряжение которого передать войска НКВД, милицию и добровольческие отряды» [1, л. 27].

Возглавил Городской комитет обороны первый секретарь окружкома ВКП(б) В. А. Голышев.

Астраханский городской комитет обороны в своем лице объединял гражданскую, военную и правоохранительную власть в городе Астрахань и Астраханском округе.

Первым документом, который принимается АГКО было постановление № 1 от 2 октября 1941 года «О строительстве астраханского оборонительного рубежа»: «В связи с тем, что Астрахань с прилегающими к ней районами представляют ближайшим тыловым районом фронта, считать необходимым срочно построить астраханский оборонительный рубеж» [2, л. 3].

Для строительства оборонительного рубежа привлекаются трудящиеся города и округа в порядке трудовой повинности. Для выполнения строительных работ привлекаются строительные организации города. Строительству астраханского оборонительного рубежа придается исключительно огромное значение. В целях быстрее окончания этого строительства городской комитет обороны постановил: «Мобилизовать потребные, материальные и людские резервы предприятий, организаций, учреждений и из числа населения Астраханского округа и передать их в распоряжение начальника «армейского строительного управления» [2, л. 7].

Строительство оборонительных рубежей будет продолжаться, вплоть до 1943 г.

Помимо строительства, принимаются меры по охране и восстановлению оборонительных обводов.

Так, в 1942 г. на правом берегу Волги вокруг Астрахани широкой полосой проходили два оборонительных обвода. Первый фланг оборонительного обвода пересекал севернее Астрахани с запада на восток Волу и упирался в железную дорогу южнее села Сеитовка, левый фланг обвода юго-западнее Астрахани упирался в правый берег Волги ниже населенного пункта Оранжевый.

На строительстве работали в основном женщины, и подростки так как большинство мужского населения было мобилизовано в действующую армию. Труд рабочих был очень тяжелым. Строительство осложнялось

сыпучестью грунта и требовало дополнительных укреплений. Затрудняло строительство и наступившее похолодание. Постановлением № 22 от 7 ноября 1941 г. поручалось: «В 2-х дневный срок выявить наличие на складах всех организаций и предприятий теплой одежды и обуви и оформить ее передачу на строительство рубежа» [2, л. 34].

Но строительство продвигалось не достаточными темпами.

Постановлением № 63 от 10 декабря 1941 г. принимается решение: «Провести мобилизацию мужчин в возрасте от 40 до 55 лет и 1924–1925 годов рождения, в целях быстреего окончания работ по строительству оборонительного рубежа» [2, л. 36]. В целях поддержания боевого настроя у рабочих утверждается текст письма к строителям астраханского оборонительного рубежа.

«Дорогие товарищи!

Исторические дни переживает наша великая родина. На огромном фронте протяжением до 4-х тысяч километров, идет смертельная борьба народов Советского Союза с германо-фашистскими захватчиками. Враг силен, жесток и коварен. Он имеет сильную технику и превосходство в танках и авиации. Борьба с ним требует напряжения всех сил нашей страны. Существует только одно средство, необходимое для того, чтобы свести к нулю превосходство немцев в танках и тем коренным образом улучшить положение нашей армии. Оно, это средство, состоит не только в том, чтобы увеличить в несколько раз производство танков в нашей стране, но и строить побольше противотанковых рвов и всякого рода других противотанковых препятствий.

В этом теперь наша задача» [2, л. 64].

В феврале 1942 г. работы по сооружению оборонительного рубежа были приостановлены, так как силы были направлены на предприятия города и рубежи только охранялись, но уже в мае городской комитет обороны постановляет: «Поручить председателю исполкома окружного совета депутатов, трудящихся тов. Заплетохину организовать работу по составлению технических расчетов на восстановительные работы на рубеже, на материалы и рабочую силу». [3, л. 19].

Помимо укреплений вокруг города, принимались меры безопасности и в городе. Постановлением № 50 от 3 декабря 1941 г. в городе Астрахань устанавливается более строгий общественный порядок, предлагается усилить ночное патрулирование в городе, установить круглосуточные контрольные посты на всех въезжих дорогах, органам милиции проводить строго паспортный режим, органам здравоохранения строго следить за санитарным состоянием города.

Большое внимание уделяется противовоздушной обороне города, соблюдению светомаскировки. Так, в ряде постановлений городского комитета обороны зимой 1942 г. отмечаются факты нарушения

светомаскировки, за что ответственные лица получили серьезное предупреждение о недопустимости подобных случаев.

В городе строились так же и бомбо-газоубежища. Так, в целях обеспечения быстрого строительства бомбо-газоубежищ и других объектов МПВО и обеспечения их технической документацией, стройматериалами и рабочей силой, постановлением № 133 от 27 февраля 1942 г. Астраханский городской комитет обороны постановляет: «В пятидневный срок закончить оформление технической документации на отобранные объекты под бомбо-газоубежища. Выделить из резерва городского комитета обороны на строительство бомбо-газоубежищ, санитарно-обмывочного пункта, санитарно-перевязочного пункта – леса в количестве 1150 куб.м.» [2, л. 41].

Большое внимание уделяется вопросам военного обучения населения. Так, постановлением № 102 от 13 февраля 1942 г. Астраханский городской комитет обороны, требует 100 % явки на занятия истребительных батальонов и распоряжается: «Командирам и комиссарам истребительных батальонов организовать систематическое проведение командирской учебы со всеми группами начсостава, наладить учет посещаемости занятий и усвоения проходимого материала бойцами и командирами» [3, л. 54].

А постановлением № 103 от 13 февраля 1942 г. Астраханский городской комитет обороны, обращает внимание на неудовлетворительное обучение населения по ПВХО, в связи с чем постановляет: «Обязать начальников МПВО районов, директоров предприятий и руководителей учреждений, школ, председателей сельсоветов и колхозов провести тщательный учет необученных по программе ПВХО и не позже 20 февраля организовать кружки по обучению населения, с расчетом окончания занятий всем составом рабочих, служащих и колхозников к установленному правительством сроку – 1 апреля 1942 года» [3, л. 56].

Особенно важные решения приходится принимать Городскому комитету обороны в тревожные дни августа 1942 г.

В связи с приближением фронта к территории Астраханского округа, а также участвовавшими налетами вражеской авиации на город, учитывая возможное наступление врага на Астрахань, постановлением № 208 от 25 августа 1942 г. Астраханский городской комитет обороны постановляет: «Для вооруженной защиты Астрахани, создать боевые народные полки из трудящихся города, всех коммунистов и комсомольцев в Астрахани считать мобилизованными в боевые народные полки и их резервы, женщин привлечь в сандружины, а наиболее здоровых, по желанию, разрешается зачислять в подразделения народных полков» [4, л. 32].

Как видно из документа, ситуация в городе сложилась очень напряженная. Это требовало дополнительного сплочения. Необходимо было не допустить паники и Астраханский городской комитет обороны

постановляет: «Разъяснить населению города, что в ответ на бомбежку, задача всех трудящихся отомстить, быть готовыми с оружием в руках защищать Астрахань, истреблять фашистских извергов, быстро ликвидировать очаги поражений, обратить внимание на бесперебойную работу всех предприятий, работающих для фронта. Не должно быть никакой паники, дисциплина должна быть, как никогда крепкой» [4, л. 48].

А между тем фронт приближался к Астрахани и необходимо было позаботиться о мирном населении, обеспечить ему полную безопасность. Как говорится в постановлении № 206 от 25 августа 1942 г.: «В связи с приближением фронта комитет обороны постановляет: эвакуировать из Астрахани и районов правого берега реки Волги частично детские дома в намеченные пункты Молотовской области. Принять энергичные меры к быстрейшему вывозу из г. Астрахани намеченных к эвакуации госпиталей в Казахстан. Просить совет по эвакуации разрешить произвести частичную эвакуацию населения Астрахани в первую очередь женщин с детьми, детских учреждений, ремесленных и учебных заведений» [4, л. 67].

Те организации, которые находились в городе, необходимо было обезопасить от налетов вражеской авиации. Поэтому постановлением № 218 от 21 сентября 1942 г. принимается решение о рассредоточении учреждений: «в пятидневный срок рассредоточить находящиеся в центре города центральные учреждения, переселив их в другие части города, в ближайшие дни обеспечить коллективы учреждений бомбоубежищами» [4, л. 79].

Бои уже шли на подступах к Астрахани. Город становится тыловым районом. Открытые степные пространства не позволяли размещать хотя бы часть армейских тылов. Астраханский городской комитет обороны обращал особое внимание на соблюдение противоэпидемических мероприятий и обязал органы здравоохранения, навести должный санитарный порядок в округе, в связи со значительным скоплением населения в городе. В этот период через Астрахань шла эвакуация населения в районы Казахстана и среднюю Азию, и соблюдение санитарного состояния города имело исключительное значение.

Так, постановлением № 193 от 11 августа 1942 г. Астраханский городской комитет обороны рекомендует принять к сведению соблюдение противоэпидемических мероприятий: «Начальникам гарнизонов и командирам частей привести в должное санитарное состояние подразделения. Обратить особое внимание на ранее выявленные желудочно-кишечные заболевания и обеспечить бойцов кипяченой водой. Всех студентов 2 и 3-го курсов Мединститута считать мобилизованными на проведение противоэпидемических мероприятий» [4, л. 19].

Даются четкие указания начальникам пристани и железнодорожной станции для поддержания в надлежащем санитарном состоянии вокзала и пристани и обеспечить пассажиров достаточным количеством кипяченой воды. В протоколе заседаний Астраханского городского комитета обороны

с 13 по 27 февраля 1942 г. предлагается: «Создать окружную чрезвычайную полномочную противоэпидемическую комиссию. Обязать исполком горсовета депутатов, пустить в эксплуатацию бани. Не реже 2-х раз в неделю производить дезинфекцию мусорных ящиков. Обеспечить действующие питьевые водопроводы запасом хлора и коагулянта, не допуская перебоев в хлорировании воды. Предложить Окрздравотделу организовать 5 эпидемических отрядов в составе каждого по одному врачу, одному среднему медработнику и 2 дезинфекторов, провести иммунизацию против острых желудочно-кишечных заболеваний всех работников общественного питания, продуктовых магазинов, водопроводов, канализации, ассенизационных обозов и призывных контингентов местного и эвакуированного населения» [4, л. 25].

Между тем в Астрахань поступали большие потоки раненых. Это требовало развертывания новых госпиталей, расширения имеющихся и комплектование их всем необходимым.

Так, в ответ на постановление Государственного комитета обороны об увеличении коечного фонда в госпиталях астраханского округа на 40 %, Астраханский городской комитет обороны постановляет выделить строительный лес и возлагает поделку топчанов на ряд предприятий города, с требованием выполнить задания в пятидневный срок. Постановлением № 126 от 23 марта 1942 г. Астраханский городской комитет обороны постановляет: «В целях разгрузки существующих госпиталей от переуплотнённости и развертывании дополнительных госпиталей отвести следующие здания:

1. Школу № 65
2. детский дом № 11
3. общежитие школы ФЗО № 1
4. ВКтрест

Обязать руководителей учреждений, расположенных в указанных выше зданиях, в двухдневный срок освободить помещения.

Обязать горплан выделить Горздраву для госпиталей из имеющегося наличия ложки, миски и организовать производство этих предметов для полного обеспечения госпиталей.

Потребовать от начальников и военкомов эвакуогоспиталей немедленно привести территорию госпиталей в образцовое санитарное состояние и установить строгий санитарный режим внутри госпиталей» [5, л. 38].

Также АГКО приходилось решать вопросы о разгрузке госпиталей в связи со значительной задержкой бойцов, подлежащих выписке в батальоны выздоравливающих. Постановлением № 140 от 15 апреля 1942 г. Астраханский городской комитет обороны приказывает: «Принять к сведению заявление нач. КЭЧ гарнизона, что к 18 апреля будет закончена полностью подготовка помещений и пищеблоков на курорте “Тинаки” для размещения батальона выздоравливающих. Обязать начальника местного

флота установить специальные рейсы пароходов по доставке бойцов из госпиталей в батальон выздоравливающих» [5, л. 44].

Астраханский городской комитет обороны, за время своего существования, осуществлял контроль за работой предприятий города. В те сложные для города дни, предприятия трудились на благо фронта, выполняя военные спецзаказы.

Задачей Астраханского городского комитета обороны, было не допустить срыва выполнения спецзаказов, так как это могло снизить боеспособность армии, защищавшей город. В ряде документов отражено как осуществлялся контроль за выполнением заданий. Так, постановлением № 72 от 16 декабря 1941 г. Астраханский городской комитет обороны обязывает руководство рыбокомбината имени Микояна, немедленно приступить к освоению и изготовлению ружейно-противотанковой гранаты [6, л. 17].

Постановлением № 75 от 16 декабря 1941 г. для увеличения выпуска выделанной овчины и пошива шубной продукции для Красной Армии на астраханском овчино-шубном заводе, Астраханский городской комитет обороны предлагает: «директору овчино-шубного завода в течение месячного срока установить дополнительное оборудование (баркасы, швейные конвейеры, раскройные столы и т. д.) и увеличить выпуск овчины до 2000 штук в день» [7, л. 12].

Астраханский городской комитет обороны был высшим органом руководства на территории округа в 1941–1943 гг., использовал оперативные формы деятельности и приказные методы работ, направлял свои действия на решение самых неотложных оборонных военно-организационных проблем.

Подобные меры, были продиктованы серьезным положением того времени. Враг на подступах к городу, огромные толпы эвакуированных, ждущих своей оправки на пристанях и вокзалах, бомбежки судов на Воге. И при этом всем нельзя допустить паники, остановки предприятий. Необходимо было слаженно организовать жизнедеятельность города и округа. Все это требовало незамедлительных решений, какими бы жесткими они порой и не казались.

Благодаря оперативной работе Астраханского городского комитета обороны, его своевременным решениям и полному контролю за всеми отраслями жизнедеятельности города, Астрахань пережила тяжелые моменты 1941–1943 гг. Люди трудились на благо фронта, сохраняли патриотический настрой. Астраханский городской комитет обороны действовал до ноября 1943 г. и прекратил свою деятельность в связи с отменой военного положения в Астраханском округе.

Работа Астраханского городского комитета обороны может служить примером хорошо отлаженной системы управления городом в моменты чрезвычайных ситуаций.

Источники и литература

1. Государственный архив Астраханской области (далее – ГААО). Ф. П-6. Оп. 1. Д. 527.
2. ГААО. Ф. П-10. Оп. 1. Д. 2.
3. ГААО. Ф. П-10. Оп. 1. Д. 3.
4. ГААО. Ф. П-10. Оп. 1. Д. 6.
5. ГААО. Ф. П-10. Оп. 1. Д. 7.
6. ГААО. Ф. П-10. Оп. 1. Д. 8.
7. ГААО. Ф. П-10. Оп. 1. Д. 12.
8. ГААО. Ф. П-10. Оп. 1. Д. 17.
9. ГААО. Ф. П-10. Оп. 1. Д. 21.

А. А. Пчелинов-Образумов,
кандидат исторических наук
Государственный архив Белгородской области

РАЙОННЫЕ ЦЕНТРЫ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ ПОСЛЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ ГИТЛЕРОВСКОЙ ОККУПАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ БЕЛГОРОДА И ШЕБЕКИНО)

Аннотация. В статье освещаются проблемы налаживания мирной жизни и восстановления хозяйства после освобождения от гитлеровской оккупации в районных центрах Курской области (в границах 1941 г.) – городах Шебекино и Белгород (с 1954 г. в составе Белгородской области). Применительно к г. Шебекино рассматривается период с февраля по декабрь 1943 г., для Белгорода – преимущественно август–декабрь 1943 г.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, гитлеровская оккупация, Курская битва, Курская область, Белгород, Шебекино, восстановление хозяйства.

В ходе изучения данной темы были привлечены материалы фонда Р-81 Государственного архива Белгородской области – «Администрация города Шебекино», Белгородской районной газеты «Белгородская правда», а также документы, опубликованные в сборнике «Хроника основных событий Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. на Белгородчине» (Белгород, 2008).

Хронологические рамки охватывают февраль – декабрь 1943 г. Однако для рассматриваемых населённых пунктов временные границы существенно отличаются по причине повторной оккупации Белгорода немецкими войсками (18 марта – 5 августа 1943 г.).

2 февраля 1943 г. войска Воронежского и Юго-Западного фронтов начали Харьковскую наступательную операцию, в ходе которой от гитлеровцев была освобождена значительная часть тогдашней Курской области. 9 февраля 1943 г. части 40-й армии Воронежского фронта

освободили города Белгород и Шебекино, а вскоре и территорию Белгородского и Шебекинского районов [1, с. 46–47, 258]. С 1954 г. вышеупомянутые города и районы входят в состав Белгородской области.

Вскоре после освобождения от оккупации возобновили свою работу органы власти. Так, 23 февраля 1943 г. состоялось первое заседание исполнительного комитета Шебекинского городского Совета депутатов трудящихся. Оно было посвящено утверждению списков на получение молока семьями красноармейцев и лицам, пострадавшим во время оккупации. В итоге было отклонено 63 и удовлетворено 292 заявления граждан. Горисполком решил выделять молоко только детям до 14 лет в семьях, которые не имели собственных коров [2, л. 1].

В течение 1943 г. в Шебекинский горсовет было подано 34 заявления о получении молока, возвращении и изъятии коров. Решением горсовета от 10 апреля были изъяты коровы у 12 жителей города, которые сотрудничали с оккупантами, либо состояли в родстве с лицами, служившими оккупационным властям. В их числе оказались: двое полицаев, уполномоченный по улице Будённого, землеустроитель, писарь сельской управы, жена директора мельницы [2, л. 7–8].

На заседаниях 2 и 6 марта 1943 г. Шебекинский горисполком постановил привести город «в культурный вид» к 8 марта. Для этого предполагалось силами местных жителей организовать уборку улиц от мусора, нечистот и трупов павших животных, отремонтировать колодцы, вода в которых была пригодна к употреблению, другие засыпать землей или забить. Был запрещен убой скота в городе, население обязали в трехдневный срок зарегистрировать животных в ветеринарной лечебнице по ул. Будённого (современная улица Ленина). К горожанам обратились с просьбой приносить в городской Совет сохранившиеся портреты В. И. Ленина и И. В. Сталина, партийных и государственных деятелей [2, л. 5–8].

Помимо социальной поддержки населения и решения чисто хозяйственных проблем, одним из важных вопросов стало оказание помощи действующей армии. Вскоре после освобождения среди населения был развернут сбор средств на строительство танковой колонны «Курский колхозник». По 7 улицам города Шебекино (из имевшихся 15-и) по состоянию на 4 марта 1943 г. по данным, приведённым в «Материале по сбору денежных средств на постройку танковой колонны «Курский колхозник»», было собрано 3 505 рублей наличными и 3 415 рублей облигациями [3, л. 1–18]. По состоянию на 7 марта 1943 г. по Шебекинскому району было собрано 175 000 рублей на строительство танковой колонны «Курский колхозник» [4, с. 147].

Обстановка на фронте была тревожной, в марте 1943 г. гитлеровские армии перешли в контрнаступление. 17 марта 1943 г. на Шебекино был совершен авианалет, в ходе которого городу были причинены новые разрушения, в частности, пострадали 3 жилых дома машиностроительного

завода, а один был полностью уничтожен [5, л. 1, 3]. 18 марта советские войска оставили Белгород, город снова оказался в зоне немецкой оккупации. Из-за военных событий были утрачены и документы органов власти Белгорода периода первого освобождения (9 февраля – 17 марта 1943 г.).

В конце марта 1943 г. линия фронта стабилизировалась. Но, несмотря на относительное затишье на фронте, в Шебекино сохранялась тревожная обстановка. 15 июня 1943 г. на заседании горсовета обсуждалось постановление райисполкома «О целях обеспечения установленного режима [в] прифронтовой полосе и поддержания строжайшего государственного порядка в тылу действующей армии». Передвижение граждан в пределах города разрешалось только с 5 часов утра до 21 часа вечера, самовольное перемещение в другие населенные пункты запрещалось. Все приезжающие и уезжающие должны были иметь при себе пропуска или справки и в течение 24 часов явиться в городской Совет для регистрации. Горожане не имели права предоставлять ночлег и принимать на постой военнослужащих без разрешения начальника гарнизона, командиров частей, либо председателя горсовета. Обо всех лицах, как гражданских, так и военных, которые скрывались, либо незаконно проживали в городе, необходимо было сообщать в милицию или воинские части. Строго соблюдались меры светомаскировки, в частности, запрещалось разводить костры в ночное время [2, л. 9–10].

Уделялось внимание и восстановлению жилищного фонда. На вышеупомянутом заседании 15 июня 1943 г. членов уличных комитетов обязали разбить свои участки на десятидворки. Уполномоченные от десяти дворов должны были следить за постройкой жилых домов и нежилых строений [2, л. 10]. Следующее заседание Шебекинского горсовета состоялось лишь 21 августа 1943 г., поскольку во время Курской битвы вблизи города шли боевые действия.

5 августа 1943 г. немецкие захватчики были окончательно изгнаны из Белгорода. Но город очень сильно пострадал от разрушений. Из имевшихся в Белгороде 3 520 жилых домов и общественных зданий 1 560 были совершенно разрушены и не подлежали восстановлению, свыше 1 200 требовали капитального ремонта, только немногим более 500 строений могли быть отремонтированы относительно быстро. В городе почти не осталось зеленых насаждений. Разрушены железнодорожный вокзал, водопровод, электростанция, мосты через реки Северский Донец и Везелку. Из 20 школ ни одна не была пригодна для проведения занятий. Ущерб, нанесенный городу, оценивался в сумму свыше 200 млн рублей. От населения численностью свыше 34 тыс. в городе к моменту его освобождения оставалось только около 150 человек [4, с. 208].

6 августа в город возвратились из эвакуации советские и партийные работники, рабочие и специалисты железнодорожного узла. Они возглавили работы по восстановлению городского хозяйства. 9 августа на

центральных улицах города трудилась молодежь и домохозяйки. Они очищали город от мусора и хлама. В добровольные строительные бригады вступило в общей сложности более 5 000 человек. Позже, 2 ноября, горисполком принял решение об организации курсов по подготовке строителей разных квалификаций для строительной конторы горжилуправления. Предполагалось открыть 3 отделения для обучения 200 человек в течение 3 месяцев: кровельщиков – 50 человек, плотников-столяров – 75 человек, каменщиков-печников – 75 человек [6, л. 1 об.].

10 августа в Белгороде начали работать аптека и почта. При помощи железнодорожных частей Советской Армии и специалистов Наркомата путей сообщения шли восстановительные работы на железнодорожном узле, 10 августа на станцию Белгород прибыл первый поезд, а к 18 августа были восстановлены три железнодорожных моста по направлению к Харькову и Волчанску. 25 августа в Белгород стали прибывать товарные поезда. В октябре был приспособлен к временной работе вокзал [4, с. 210; 8, с. 3].

К 1 сентября 1943 г. в Белгороде уже насчитывалось 8,5 тыс. жителей, их число возрастало с каждым днем. 15 августа все жители города вышли на свой первый воскресник по приведению в порядок улиц и площадей, а 12 сентября прошел второй массовый воскресник по восстановлению города и железнодорожного узла. Горсовет и горком ВКП(б) наметили план работ. 22 августа было принято постановление «О первоочередных мероприятиях по восстановлению хозяйства города». 21 августа восстановили городской водопровод, хотя с 25-го числа водокачка не работала из-за отсутствия горючего. 25 августа в городе установили временную телефонную станцию (коммутатор) на шесть аппаратов [7, с. 157–158].

18 августа начал действовать горпищекомбинат, 25-го августа – хлебокомбинат. 25 августа по инициативе коллектива горпищекомбината в городе развернулось социалистическое соревнование. На первом заседании 28 августа горисполком первым решением передал хлебокомбинату дополнительные производственные площади и предложил новому директору Машонину «приступить к производству ремонта пекарен и незамедлительно развернуть выпечку хлеба» [8, л. 1].

В сентябре белгородские предприятия стали давать продукцию. Мясокомбинат оборудовал колбасный и убойный цеха. Начал выпускать продукцию гормолокозавод. К концу осени 1943 г. в его цехах ежедневно перерабатывалось 1 500–2 000 литров молока, выпускалось 400–500 килограммов творога и других молочных продуктов [4, с. 211, 220].

Решением горисполкома от 12 сентября «в целях быстрой организации выпуска товаров широкого потребления» для организации швейной фабрики в Белгороде Управлению легкой промышленности было передано двухэтажное здание по улице Будённого, 33 (ныне проспект Славы) полностью со двором и надворными постройками. При швейной

фабрике предписывалось также создать сапожный цех для починки обуви [9, л. 2].

В Шебекино 21 августа 1943 г. горисполком принял решение об образовании комиссии по определению ущерба, причиненного немецкими оккупантами и их сообщниками. Были избраны комиссии почти по всем улицам города (за исключением улицы Ленина (ныне переулок Коммунальный) [2, л. 11 об.].

11 сентября Шебекинский горсовет рассмотрел на заседании Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) 21 августа 1943 г. «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации». В этой связи было решено: составить планы по восстановлению жилищно-коммунального хозяйства, а также разрушенных домов рабочих, служащих и колхозников; провести мероприятия по благоустройству города (ремонт колодцев, тротуаров, дорог, засыпка траншей и окопов, очистка улиц от мусора) [2, л. 12].

С 25 сентября начали рассматриваться заявления жителей Шебекино о выделении средств для ремонта или строительства домов, а также помощи в восстановлении жилья, в том числе распределении стройматериалов. Горисполком решил отремонтировать клуб сахарного завода «Профинтерн», для участия в этом каждый уличный комитет должен был выделить людей [2, л. 13–14 об., 17–19].

Большую помощь населению Белгорода в те дни оказала областная парторганизация. Курский обком ВКП(б) принял специальное постановление о восстановлении жилищно-коммунального хозяйства Белгорода. По его решению в город была направлена большая группа строительных рабочих. В 1943 г. Курский облисполком и обком партии выделили Белгороду ссуду в размере 75 тыс. рублей [4, с. 231].

28 августа 1943 г. Белгородский горисполком обязал горздравотдел в целях улучшения медицинского обслуживания детей, усиления питания нуждающихся детей восстановить участковую систему обслуживания детей в детском кабинете поликлиники с полным медицинским обслуживанием больных детей на дому. Укомплектовать в месячный срок детский кабинет врачами из расчета – 1 врач и 2 патронажных сестры на 1 000–1 200 детей младше 3 лет. Не позже 1 октября ввести в горздравотдел должность педиатра. Ввести в рацион питания детей в детских учреждениях витамин С в виде настоя шиповника или хвои, а также с 1 сентября организовать пищевую станцию на 100 человек для ослабленных детей в возрасте от 1 до 3 лет. В этот же день было выделено здание для размещения поликлиники по улице Новомосковской (ныне проспект Б. Хмельницкого) [10, л. 1–1 об.].

Уже 7 августа началось восстановление школ. Через 25 дней после освобождения 4 школы города были подготовлены к началу учебного года. Как позже вспоминал работник образования И. Везенцев (впоследствии заведующий ГорОНО) занятия в 1943 г. начинались в непростых условиях,

классные комнаты были еще недостаточно оборудованы, не хватало парт, учебников, школьных принадлежностей. К 8.00 часам 1 сентября начались занятия: в школу № 1 явились 151 учащийся, в школу № 2 – 167 учащихся, в школу № 3 – 98 учащихся, в школу № 4 – 67 учащихся. Всего на занятия пришли 483 учащихся. 4 сентября начались занятия в 35 железнодорожной школе. Стулья ученики принесли из дома. Школе были выделены учебники и пособия. 27 сентября состоялась районная конференция учителей. К 1 октября в школах города обучалось уже 1 500 детей (из них 980 в начальных, 524 человека в 5–10 классах) [4, с. 207; 11, с. 2].

28 сентября горисполком принял решение об организации в Белгороде больницы на 325 коек. Ввиду того, что прежнее здание больницы было разрушено и не могло быть восстановлено в текущем году, временно для ее размещения было предоставлено бывшее помещение Белгородского райсовета по улице Красина, 31. Горкоммуналделу предписывалось в трёхдневный срок составить и предоставить для утверждения смету на ремонт здания и приступить к ремонту, чтобы закончить его к 20 октября. Горсовет также постановил просить облисполком выделить для новой больницы 11 врачей, в том числе 2 квалифицированных хирурга и гинеколога; 20 человек среднего медперсонала [12, л. 1 об.]

В этот же день горисполком распорядился на 10 дней мобилизовать 200 человек из числа неработающего трудоспособного населения Белгорода для заготовки топлива для больниц, детских домов, яслей и школ [12, л. 2 об.].

К началу ноября 1943 г. в городе были восстановлены основные административные здания, работала временная электростанция на 125 киловатт, водопровод, больница на 150 коек, поликлиника, городская баня, детские ясли и ряд других учреждений. Одновременно с этим было восстановлено 372 и вновь построено 9 коммунальных жилых домов. Жители города восстановили 896 домов. По линии торговли в Белгороде были восстановлены 7 столовых, 6 магазинов, 3 пекарни, горпромкомбинат, и 4 промысловые артели. А всего к концу 1943 г. в городе имелось 29 торговых точек [13, л. 1 об.; 7, с. 239].

10 декабря Белгородский горисполком предписал директору Горпищекомбината Нестеренко:

1) в срок до 1 января закончить постройку простейших видов построек под свинарники, птичники, коровники и т. д.

2) в срок до 25 декабря организовать рыболовецкую бригаду, обеспечив её оснащением и приступить к вылову рыбы. В этот же срок определить водоёмы, соответствующим образом оформив их закрепление за Пищекомбинатом.

3) Немедленно приступить к организации парниково-тепличного хозяйства, имея ввиду обеспечение рассадой не только собственных нужд, но и нужд населения города.

4) Приступить к заготовке необходимого количества семян, имея ввиду заготовку вершущек картофеля, через сеть столовых Горторга и население города.

За период с августа по декабрь 1943 г. коллективы промышленных предприятий города выпустили продукции почти на 870 000 рублей товаров народного потребления, превысив плановое задание более чем в 2 раза [14, л. 1–1 об., 3].

3 ноября 1943 г. Шебекинский городской Совет постановил принять меры к подготовке города к празднованию 7 ноября – Дня Октябрьской революции. Предполагалось побелить все здания, в том числе жилые дома, произвести уборку улиц, зарыть оставшиеся окопы, блиндажи, ходы сообщения, а также украсить город флагами. Членов уличных комитетов и иных лиц, уклоняющихся от выполнения решения, предложили штрафовать. Решено было начать сбор мебели (в частности стульев) для образовательных и медицинских учреждений, клуба сахарного завода «Профинтерн». По предложению заведующего городским отделом коммунального хозяйства (горкомхозом) М. Ф. Литвинова с каждого участка должны были быть выделены 3–4 подводы для подвоза топлива школам и больнице, а также для доставки муки к пекарне. Позже было решено ежедневно высылать подводы с каждого участка до тех пор, пока не будут полностью удовлетворены потребности школ и больницы в топливе [2, л. 15 об. – 17, 19–20 об.].

9 ноября на очередном заседании Шебекинский горисполком решил увеличить численность строительных бригад, работавших над восстановлением домов и объектов жилищно-коммунального хозяйства. Для этого уличным комитетам было поручено предоставить списки печников и столяров. Кроме того, было заявлено о необходимости организовать в городе пожарные дружины [2, л. 17 об.].

Тем не менее, 20 ноября горсовет отметил, что работа по восстановлению жилищно-коммунального хозяйства шла неудовлетворительно. Заведующему горкомхозом было предложено: в трёхдневный срок пустить в эксплуатацию городскую баню, составить смету на израсходованные средства, собрать квартирную и арендную плату, а также предложить организовать контору по приёму на работу рабочих для строительства объектов жилищно-коммунального хозяйства. В начале декабря на данные нужды городу было отпущено 103 000 рублей [2, л. 20, 22 об.].

27 декабря горсовет обязал председателей колхозов «Прогресс» и «8 Марта» к 1 января 1944 г. собрать весь имеющийся сельскохозяйственный инвентарь и приступить к его ремонту, а также заняться очисткой семенного фонда и завершить эту работу к 1 февраля [2, л. 23 об.].

Несмотря на все трудности к концу 1943 г. в деле восстановления г. Шебекино наметились значительные успехи. Были пущены в

эксплуатацию: машиностроительный, кожевенный и маслодельный заводы, промкомбинат, мастерские завода «Профинтерн». Началось восстановление спиртзавода, кирпичного завода и райпромкомбината. Были оборудованы и приспособлены помещения под Дом Советов, городской радиоузел, восстановлена городская баня с пропускной способностью 300 человек в сутки, клуб сахзавода «Профинтерн» и 76 жилых домов, приспособлено под больницу помещение роддома, отремонтирована амбулатория для приёма больных. Начала работу школа на 400 учащихся. Был оборудован городской радиоузел. Было восстановлено колхозное хозяйство города: отремонтирован сельхозинвентарь, укомплектованы бригады и звенья [2, л. 30 об.].

Таким образом, после освобождения городов Шебекино и Белгорода от гитлеровской оккупации первоочередными стали вопросы социального обеспечения населения, хозяйственной деятельности (восстановлении жилфонда, транспорта, промышленных объектов и пр.), а также помощи фронту (сбор средств на постройку танковой колонны «Курский колхозник» и др. мероприятия). За послеоккупационный период (10,5 месяцев для Шебекино, неполные 5 месяцев для Белгорода) был достигнут прогресс в деле восстановления экономики: промышленности, коммунального хозяйства. Курская битва ускорила данный процесс в г. Шебекино и послужила отправной точкой для восстановления Белгорода.

Источники и литература

1. Освобождение городов. Справочник по освобождению городов в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1985. 598 с.
2. Государственный архив Белгородской области (далее – ГАБО). Ф. Р-81. Оп. 1. Д. 2.
3. ГАБО. Ф. Р-81. Оп. 1. Д. 1.
4. Хроника основных событий Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. на Белгородчине. Белгород, 2008.
5. ГАБО. Ф. Р-83. Оп. 1. Д. 1.
6. ГАБО. Ф. Р-68. Оп. 1. Д. 8.
7. Белгородская область. Воронеж, 1974.
8. ГАБО. Ф. Р-68. Оп. 1. Д. 1.
9. ГАБО. Ф. Р-68. Оп. 1. Д. 4.
10. ГАБО. Ф. Р-68. Оп. 1. Д. 3.
11. Белгородская Правда. 1943. 12 сент.
12. ГАБО. Ф. Р-68. Оп. 1. Д. 5.
13. ГАБО. Ф. Р-68. Оп. 1. Д. 7.
14. ГАБО. Ф. Р-68. Оп. 1. Д. 10.

В.В. Раков,
кандидат исторических наук
Государственный архив Курской области

ГОРОД ОСВОБОЖДЕННЫЙ: КУРСК В ФЕВРАЛЕ – МАРТЕ 1943 ГОДА

Аннотация. В статье на основе архивных документов, периодической печати и мемуаров дана характеристика состояния Курска после освобождения города от оккупации, анализируются основные мероприятия советских и партийных органов по восстановлению городского хозяйства и нормализации жизни и быта горожан зимой-весной 1943 г.

Ключевые слова. 1943. Освобождение Курска. Городское хозяйство. Быт горожан.

9 февраля 1943 г. на первой полосе газеты «Курская правда» под рубрикой «В последний час» появилась краткая, но столь ожидаемая миллионами советских людей информация: «Освобожден гор. Курск. 8 февраля наши войска овладели городом Курск. Взяты большие трофеи, которые подсчитываются» [1, 9 февр.]. Этот номер газеты был напечатан ещё в Старом Осколе, где в период оккупации большей части Курской области находились областные партийные и советские органы, а также редакция и типография «Курской правды». Но уже на информационном бюллетене газеты, датированным 13 февраля 1943 г., будет значиться другая информация о месте выхода газеты: «Типография и издательство газеты «Курская правда», гор. Курск» [1, 13 февр.]. Редакция «Курской правды» разместилась по адресу: ул. Ленина, 67, а с 20 февраля 1943 г. газета стала выходить ежедневно.

За период оккупации Курска, продолжавшийся со 2 ноября 1941 г. по 8 февраля 1943 г., [1, с. 841; 2, с. 86] городскому хозяйству был нанесен огромный ущерб. Фашистские войска при отступлении разрушили большинство крупных предприятий области, сожгли и уничтожили значительное количество социально-культурных учреждений и жилых домов. Не избежал Курск и некоторых разрушений в период отступления Красной армии в 1941 г., последующих боев за Курск при освобождении города в 1943 г., а также налетов немецкой и советской авиации, особенно на район железнодорожного узла в Ямской.

В докладной записке Курского облисполкома, адресованной зам. председателя СНК РСФСР К. Д. Памфилову и датированной не ранее 10 февраля 1943 г., указывалось: «По городу Курску. Население уменьшилось более чем на 100 тыс. человек, осталось всего 58,5 тыс. Из города вывезено в Германию 9 тыс. человек. Истреблено все еврейское

население. По предварительным данным общее число жертв достигает до 3 тыс. человек.

Разрушено и выведено из строя 30 крупных промышленных предприятий (кожзавод, ликероводочный завод, табачная фабрика, гречзавод и др.). Разрушено более 100 наиболее крупных зданий города, занимавшихся советскими, партийными и общественными организациями (Дом Красной Армии, НКВД, обком, облисполком, пединститут, мединститут, цирк, кондитерская, мебельная, швейная фабрики, хлебозавод и др.).

Выведены из строя водопровод, частично электростанция, разрушено трамвайное хозяйство, 2 бани, взорваны 2 крупных моста через реки Сейм и Тускарь. Сожжено и подорвано 10 школьных зданий.

Городской жилищно-коммунальный фонд разрушен более чем на 70 %. Придется восстанавливать и капитально ремонтировать: по обобществленному жилфонду – 1 735 тыс. кв. м, по частному – 1 210 тыс. кв. м. Общий убыток от разрушений по жилищному хозяйству по предварительным подсчетам составляет 55 млн руб.» [3, с. 340].

Организаторская работа по восстановлению коммунального хозяйства областного центра возлагалась, прежде всего, на городской и районный советы депутатов трудящихся. На начало марта 1943 г. только четыре члена исполкома Горсовета находились в городе. Все отделы исполкома Горсовета, коммунальные предприятия, промкомбинат, гортоп и исполкомы райсоветов не имели руководящего состава. Только в апреле – мае 1943 г. началось укомплектование аппарата Горсовета.

Исполком Горсовета ходатайствовал перед Курским обкомом и горкомом партии об отзыве с новых мест службы и направлении в его распоряжение следующих лиц: на должность заместителя председателя исполкома Горсовета по промышленности и промкооперации тов. Клепацкого; на должность заместителя председателя исполкома Горсовета по обслуживанию семей, призванных в РККА тов. Брунейера (работал в Орловском обкоме ВКП(б)); на должность заведующего Горфинотделом тов. Паташника (работал в Главном управлении Гострудсберкасс); на должность заведующего Горторготделом тов. Кривчикова (работал на Кировской базе Главлегпромснабсбыта). Всего на руководящую советскую и хозяйственную работу города требовалось 25 человек, не считая мелких предприятий и отделов райсоветов [4, л. 109].

В середине марта был решен вопрос о размещении Горсовета. Для его нужд отводился дом № 19 по Садовой улице [4, л. 17].

В целях оптимизации оргресурсов 15 марта 1943 г. Курский горисполком принял решение о некоторых изменениях границ Сталинского района, установив для него следующие границы (с востока на запад): «Река Кривец, река Тускарь, северная сторона территории ГЭС, ул. Володарского (от ГЭС до ул. Бебеля), ул. Бебеля, ул. Почтовая, река

Кур, Барнышевская площадь, ул. Пионеров, ул. Энгельса до дороги на Мокву и далее по дороге на Мокву») [5, л. 6].

В обращении к населению секретаря Курского обкома ВКП(б) П. И. Доронина говорилось: «Трудящиеся городов! Наведём твёрдый революционный порядок в своих рядах. Выявляйте предателей и изменников. Быстрее восстановим промышленные предприятия, коммунальные и культурные учреждения... Полностью сдадим трофейное и взятое на сохранение государственное и общественное имущество. Поможем и окружим большевистской, сталинской заботой население, пострадавшее от зверств немецких оккупантов. Быстрее восстановим работу школ, больниц, социально-бытовых предприятий» [1, 13 февр.].

В письме, принятом на общем городском митинге трудящихся города Курска, направленном на известный всему Советскому Союзу адрес «Москва, Кремль, Товарищу Сталину», содержались яркие, искренние строки: «Мы клянемся Вам, Иосиф Виссарионович, что не покладая рук будем работать над восстановлением нашего любимого города. Клянемся, что без усталости будем трудиться каждый на своём посту. Мы отстроим дома, пустим в ход предприятия, школы, больницы» [1, 20 февр.].

Свое обещание куряне сдержали. Практически сразу же после освобождения города они активно включились в патриотическую акцию по сбору средств на строительство военной техники. Только население районов, освобождённых от оккупации, уже к 20 февраля собрало 247 тыс. рублей личных средств на строительство эскадрилий самолетов «Курский патриот», а всего по области на эти цели было собрано 633 тыс. рублей. Значительная доля этих средств была внесена горожанами.

Кроме того, партизаны Курской области переслали через линию фронта 50 тыс. рублей на строительство самолетов и танковой колонны «Народный мститель» [1, 20 февр.]. А сбор средств все продолжался: к акции подключились жены железнодорожников Курского узла (за один день собрали 30 тыс. рублей) [1, 22 февр.].

Военный Совет Н-ской армии постановлением от 8 января 1943 г. обязал всех граждан немедленно сдавать все подобранное или брошенное, или оставленное противником военное и прочее трофейное имущество и продовольствие. Первым решением возвратившегося в Курск Исполкома Курского городского Совета депутатов трудящихся от 14 февраля 1943 г. стало решение о возврате имущества предприятий, учреждений и частных лиц населением г. Курска [5, л. 1].

Но не все куряне отнеслись должным образом к вопросу исполнения решений военных и гражданских властей. Житель Курска Золоторев Михаил и Сошников Леонид, пользуясь сложной обстановкой в первые дни освобождения города, похитили из немецких военных складов большое количество разного имущества: простыни, одеяла, обувь, снаряжение и продовольствие. Законное требование военных властей о

сдаче этого трофейного имущества они не выполнили. При обыске все похищенное имущество и оборудование было изъято. Военной прокуратурой граждане Золоторев и Сошников были арестованы и преданы суду. Военный трибунал приговорил Золоторева к высшей мере наказания – расстрелу, Сошникова к десяти годам лишения свободы, с конфискацией всего принадлежащего им имущества [1, 16 февр.].

Ещё до создания Курской областной чрезвычайной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям (образована в мае 1943 г. на основании указа Президиума Верховного Совета СССР от 2 ноября 1942 г.) начался сбор соответствующих материалов, о чем сообщала областная газета: «Редакция просит граждан г. Курска, очевидцев немецких зверств, зайти в редакцию (ул. Ленина, 77, 1 этаж) или письменно сообщить об известных им фашистских злодеяниях, а также переслать имеющиеся у них документы (распоряжения, приказы, объявления оккупантов и т. д.) [1, 18 февр.].

Вопросы, которые предстояло решить для возобновления мирной жизни, требовали поистине титанических усилий и власти, и населения. И. о. председателя Исполкома Курского горсовета депутатов трудящихся Р. Ф. Ансон в беседе с корреспондентом «Курской правды» сказал: «Пятнадцать месяцев хозяйничали немцы в нашем городе. И теперь, после освобождения Красной Армией, повсюду – на каждой улице, почти в каждом доме видим следы фашистского зверя. Взорваны корпуса фабрик, разрушены почти все лучшие дома города, уничтожены места культурного отдыха и учебные заведения; до невозможности загажены все места общественного пользования, улицы, дворы» [1, 20 февр.].

Снежная зима и отсутствие снегоочистительных работ в период боевых действий и первых дней освобождения города привели к осложнению в деле перевозки военных грузов, передвижения воинских подразделений, подвозу топлива и продовольствия для гражданского населения. Сложный ландшафт в центральной части Курска (холмистая местность, наличие лишь трёх сквозных транспортных маршрутов), а также брошенная на улицах поврежденная техника и кирпичные завалы обрушившихся зданий, воронки еще более усложняли движение транспорта по городу. В связи с этим 18 февраля 1943 г. Исполком Курского горсовета принял решение о мобилизации населения Курска на очистку дорог от снежных заносов. Мобилизации на работы подлежало все трудовое население города, кроме лиц, занятых на работе в предприятиях и учреждениях. За проведение мобилизации отвечали районные советы, в помощь которым привлекались органы милиции и квартальные уполномоченные. Для наказания уклоняющихся от работ устанавливались достаточно суровые меры наказания: штраф до 3 тыс. рублей или тюремное заключение на срок до 6 месяцев [1, 19 февр.].

На работы по восстановлению городского хозяйства решением Исполкомом Курского горсовета депутатов трудящихся № 6 от 19 февраля 1943 г. был мобилизован весь гужевой транспорт частных лиц и хозяйственных организаций. Гужевой транспорт регистрировался и получал номерные знаки в управлении уполномоченного горсовета по мобилизации гужтранспорта, располагавшейся по ул. Золотаревской, 22. Нарушение этого требования, а также работа без наличия соответствующего разрешения влекли за собой привлечение к административной и уголовной ответственности – штрафу до 3 тыс. рублей или тюремное заключение на срок до 6 месяцев [1, 21 февр.].

Строго пресекались и попытки уклонения от обязательных общественных работ. Так, например, 1-е отделение милиции г. Курска привлекло к уголовной ответственности ряд лиц за уклонение от оборонных работ. Гражданки А. С. Хализова и М. И. Грязнова были в итоге осуждены к 6-месячному тюремному заключению. За уклонение и несвоевременный выход на оборонные работы гражданки У. М. Иванова и М. П. Родионова были оштрафованы на 1 тыс. рублей, а гражданка К. В. Кравченко – на 3 тыс. рублей. Дела Г. Н. Богдановой, Г. Г. Машошина и П. Я. Овчинникова, злостно уклонявшихся и саботировавших оборонные работы, а также скрывавших у себя трофейное имущество, были переданы в военный трибунал [1, 12 марта].

С первых дней освобождения города органы здравоохранения приняли ряд срочных мер к восстановлению нормальной работы лечебных учреждений. Первыми открыли приём больных поликлиники №№ 1 и 2, 2-я хирургическая, инфекционная больница на 150 коек каждая, родильный дом, тубдиспансер со стационаром на 50 коек, вендиспансер и психоприемник [1, 21 февр.].

После освобождения Курска от оккупантов, параллельно с развёртыванием больниц и госпиталей и расширением в них хирургической практики, возник вопрос о воссоздании станции переливания крови, как фронтовой базы, необходимой для снабжения кровью медицинско-санитарных учреждений. В соответствии с требованиями фронта санотделом 60-й Армии Воронежского (с 23 марта – Курского, с 26 марта – Центрального) фронта и Курским облздравотделом 1 марта 1943 г. был отдан приказ об организации станции переливания крови. Приказом предписывалось «...первую продукцию дать 10 марта...», что и было выполнено в установленные сроки [5, л. 5].

Возобновление работы станции переливания крови в столь короткие сроки в тяжелейших условиях прифронтового города стало возможным благодаря совместным усилиям ряда организаций и учреждений (военный отдел обкома ВКП(б), горком ВКП(б), облисполком, горисполком, обком РОКК, обком ВЛКСМ и др.) и их руководителей (представителя Санотдела 60-й Армии О. И. Виноградовой, заведующего облздравотделом И. Я. Олимпиева и его заместителей М. М. Чумак и В. В. Цариченко,

председателя исполкома Горсовета Н. А. Масленниковой, начальника типографии издательства «Курская правда» А. В. Толстикова) и др. [5, л. 5].

1943 г. стал самым тяжелым для станции переливания крови. Помещение, отведенное для станции переливания крови, было не приспособлено и требовало капитального ремонта. Сотрудники станции своими силами провели мелкий ремонт помещений, оборудовали операционную, и в середине марта 1943 г. была сделана первая заготовка крови, осуществлено её консервирование и началась поставка крови на фронт [5, л. 50].

Организм города – достаточно сложная вещь: дорожные, водные коммуникации, электросети, топливные терминалы, медицинские, образовательные и культурно-просветительные учреждения и многое другое. Почти ежедневно «Курская правда» сообщала о возобновлении работы жизненно важных объектов и служб. Но есть объекты, от которых напрямую зависит жизнеобеспечение города: тепло, свет, вода. При отступлении фашисты попытались нанести невосполнимый урон курскому водопроводу. Разрушили и разграбили водопроводную станцию, заминировали водопроводные сети, вывели из строя все восемь моторов, три из которых затопили в воде, побили все электрощиты, сорвали проводку. Но уже на второй день после освобождения начались работы по разминированию и расчистке площадки для строительства нового здания водопроводной станции. 18 февраля к работе приступили 13 плотников (бригадир Н. Н. Бороздин), которым из-за нехватки строительных материалов одновременно приходилось разбирать завалы, извлекая из них сохранившиеся кирпичи, доски и даже – гвозди. За десять дней было полностью закончено строительством здание компрессорной в 1 200 куб. м., за следующие 10 дней – здание насосной в 1 900 куб. м. Даже при нормальном снабжении строительными материалами и самом напряженном графике на эти работы в мирных условиях было бы затрачено не менее 45–50 рабочих дней.

Монтаж машин шел параллельно со строительством. Под открытым небом, на морозе бригада механиков (старший механик Н. Ф. Мальцев) смонтировала два компрессора и один мотор. 15 марта все работы по наладке электрооборудования были закончены. Одновременно осуществлялись работы по проверке и ремонту водоразводящих сетей в центральной и закуровой частях города [1, 11 марта].

20 февраля 1943 г. Курская контора связи (ул. Радищева, 24) объявила о начале приема простых и заказных писем, в том числе – в трех открытых в городе отделениях связи по ул. Дзержинского, 64, Интернациональной, 2 и Раздельной, 5. Радиоузел (Красная площадь, 6) открыл прием заявок от организаций и населения на установку радиоточек [1, 20 февр.]. Для жителей Курска и области возобновление почтового сообщения означало восстановление связи, потерянной за период

оккупации, с друзьями и родственниками по всей стране, а главное – с теми, кто был на фронте: «В Курск пришла почта. Вчера в редакцию явился почтальон и как ни в чем не бывало вручил нам пачку писем с четко выведенным адресом: город Курск, улица Ленина, 77, редакция “Курской правды”. Снова Курск связан с Родиной. Снова идут письма из Москвы и Тбилиси, из Новосибирска и Ташкента. Приятно читать первое письмо, пришедшее в Курск. Смотришь на конверт и чувствуешь, с каким волнением наш земляк выводил родное короткое слово Курск. Сколько долгих ночей, лёжа в окопе под Сталинградом или под Нальчиком, под завывание бомб и скрежетание мин он мечтал о том дне, когда сможет послать первое письмо в родной город» [1, 6 марта].

А с 9 марта возобновил приём всех видов телеграмм (кроме перевода денег) Курский центральный телеграф, разместившийся в здании почтамта (ул. Радищева, 24) [1, 10 марта].

Хроника восстановления города динамична и насыщена событиями:

– с 1 марта возобновила свою работу Курская областная контора «Главнефтесбыта»;

– с 4 марта началась регистрация студентов курского пединститута и педучилища;

– с 7 по 12 марта организована регистрация всех сандружинниц города;

– в начале марта открыл два магазина по продаже военно-политической, сельскохозяйственной, научно-технической и детской литературы курский КОГИЗ (ул. Ленина, 13);

– с 12 марта открылись двери кинотеатров – им. Щепкина (ул. Дзержинского, 51) и «Смена» (ул. Кирова, 5). Первыми картинами, которые увидели куряне после освобождения города были новый художественный фильм режиссера Александра Файнциммера «Котовский» (1942) с Николаем Мордвиновым, Василием Ваниным, Николаем Крючковым, Верой Марецкой и документально-художественный фильм режиссёров Леонида Варламова и Ильи Копалина «Разгром немецких войск под Москвой» (1942). Фильм получил от Национального совета кинокритиков США премию за лучший документальный фильм в 1942 г., а в 1943 г. – первый в СССР «Оскар» в номинации «Лучший документальный фильм»;

– 13 марта «Курская правда» опубликовала объявление, что при областной библиотеке (ул. Ленина, 18) открыт читальный газетных изданий.

Настроения населения первые дни и недели освобождения характеризовались сочетанием настоящей радости и пониманием сложнейших проблем, решать которые нужно было здесь и сейчас. Но потребуются месяцы и годы, пока город встанет из руин и начнет обретать те послевоенные черты, которые, во многом, сохранились до нашего времени.

Источники и литература

1. Курская правда. 1943.
2. «Поклонимся великим тем годам...»: Курская область в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Хроника военных лет. Курск, 2010.
3. Суровая правда войны. 1943–1945 на Курской земле в документах архивов. Ч. III. Курск, 2007.
4. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. Р-770. Оп. 2. Д. 16.
5. ГАКО. Ф. Р-770. Оп. 2. Д. 11.
6. ГАКО. Ф. Р-402. Оп. 1. Д. 2.
7. ГАКО. Ф. Р-402. Оп. 1. Д. 3.

Г. А. Салтык,
доктор исторических наук
Курский государственный университет

Л. С. Холтобина,
кандидат исторических наук
Музей «Юные защитники Родины»

УЧАСТНИКИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ В ИСТОРИИ МИКРОРАЙОНА «КЗТЗ» г. КУРСКА

Аннотация. В статье представлены материалы о ветеранах Великой Отечественной войны, имеющих отношение к одному из микрорайонов г. Курска – КЗТЗ. Среди них – архитекторы Д. И. Гаркуша и М. Л. Теплицкий, Герой Советского Союза С. А. Неустроев, младший лейтенант отдела контрразведки «СМЕРШ» К. А. Рябова, руководитель Курского областного Совнархоза Г. Н. Телеш.

Ключевые слова: микрорайон, Великая Отечественная война, подвиг, герой, мемориал, победа.

В первое послевоенное десятилетие в г. Курске был построен и введен в эксплуатацию Курский завод тракторных запчастей. Тогда же началось строительство жилого микрорайона с одноименным названием – «КЗТЗ». Одним из авторов проекта его застройки был архитектор Д. И. Гаркуша. В 1948–1951 гг. он возглавлял архитектурно-проектную мастерскую при управлении Главного архитектора г. Курска. В годы Великой Отечественной войны Дмитрий Ильич был среди тех, кто с оружием в руках защищали свою Родину – воевал в боях под Москвой, Сталинградом, на Курской дуге, а также освобождал многие города Молдавии, Румынии, Венгрии, Чехословакии. За проявленное мужество и героизм был награжден орденом Отечественной войны I степени, двумя орденами Отечественной войны II степени, орденом Красной Звезды. Среди его многочисленных работ – планировка жилых районов г. Курска

(в том числе и поселка КЗТЗ) и парка завода тракторных запасных частей в соавторстве с А. Н. Ивановым (1958 г.). Им также осуществлены проекты в Курской области: памятник героям-саперам на Курской дуге в Поныровском районе в соавторстве со скульптором Ф. В. Супоневым (1967 г.); музей «Штаба Центрального фронта» в м. Свобода Золотухинского района в соавторстве с архитектором И. Н. Гулиным (1974 г.) и др. Дмитрий Ильич был также награжден орденом «Знак Почета», медалями [2, с. 44–46].

Существенную лепту в строительство микрорайона внес и архитектор Марк Львович Теплицкий, которому по предложению Курскоблпроект в 1959 г. было поручено разработать систематизированный план застройки первого в Курске спального микрорайона. Уже существующие кварталы микрорайона «КЗТЗ» были включены в новый проект планировки территории юго-западного жилого района.

Тогда в СССР образцовым спальным районом считался московский микрорайон «Черемушки» – по тем временам одно из самых прогрессивных градостроительных решений. М. Л. Теплицкий отправился в командировку в Москву для его изучения. В своем новом проекте, названном «курскими черемушками» Теплицкий постарался воплотить лучшее из того, что он увидел, самое важное, из того, что он умел...

Война ворвалась в его жизнь летом 1941 г., прервав учебу студента архитектурного факультета Харьковского института коммунального хозяйства.

В 1942 г. Марка направили в Гомельское военно-пехотное училище (эвакуированное в Алма-Ату) по окончании которого в мае 1943 г. младшего лейтенанта М. Л. Теплицкого направили в запасной стрелковый полк, потом в стрелковую бригаду командиром взвода 30-го отдельного штрафного батальона. В 1944 г. принимал участие в ожесточенных боях в Бессарабии, на Румынской границе. Дальше в составе 2-го Украинского фронта воевал на линии Яссы – Дубосары – Тирасполь. В боях за г. Яссы погибли практически все штрафники его батальона. Сам М. Л. Теплицкий был ранен в голову и левую ногу.

Потом госпиталь, после которого он был отправлен на 1-й Белорусский фронт в состав 237-й гвардейского стрелкового полка 76-й стрелковой дивизии. В это время она находилась на границе с Польшей. Здесь Марк Львович приказом командира дивизии был назначен командиром по подготовке снайперов. Неоднократно участвовал в боевых смелых вылазках, о чем рассказывали военные корреспонденты во фронтовой газете (к сожалению, газета не сохранилась) [1, с. 12, 15].

Вскоре Теплицкий получил приказ о назначении его командиром взвода полковой разведки. Однажды при выполнении задания разведчики наткнулись на большую группировку фашистов из 50-ти человек. Во время

схватки группа разведчиков в главе с Марком Львовичем одержала Победу.

В семейном архиве Теплицких до сих пор хранится его письмо с фронта от 10 января 1945 г., в котором Марк писал родным: «...Враг, который под натиском наших войск беспорядочно отступает в свою берлогу, в 1945 г. найдет гибель в своем логове. И мы водрузим знамя Победы над Берлином. А вы, герои тыла, ждите нас с победой...» [1, с. 19].

В одном из боев снова был ранен. Опять госпиталь, несколько сложных операций. 23 января 1945 г. он писал жене: «...Близок час расплаты с врагом. Но вражеская пуля не дала мне дойти до Берлина ...» [1, с. 20].

Отказался от ампутации руки. Думал о том, как он будет учиться, как потом работать архитектором без руки.... Его направили в военный госпиталь Серпухова, где, как выяснилось позже, находился и курский писатель Е. И. Носов. Затем Теплицкого перевели в эвакуационный госпиталь, находящийся в Щетинке (Курская область). Помнит 9 мая 1945 г., когда в госпиталь приехали шефы-железнодорожники. Тогда все вместе они праздновали Победу [1, с. 21].

Вскоре М. Л. Теплицкий узнал о награждении его орденом Красного Знамени, медалями «За освобождение Варшавы», «за Победу над Германией в 1941–1945 гг.». Будучи инвалидом второй группы многие годы продолжал работать на благо своего родного города. Немало сил он вложил в увековечивание памяти советских солдат, погибших в боях за освобождение своей Родины. Он – автор стелы «Героям-курянам» на Красной площади Курска (1966 г.), мемориала «Памяти павших в годы Великой Отечественной войны» 1941–1945 гг. на Никитском кладбище Курска (1982–1984 гг.), памятника артиллеристам на Тепловских высотах в Поныровском районе (скульптор Ф. В. Супонев, 1968 г.), мемориального комплекса «Командный пункт Воронежского фронта» в п. Кировский Пристенского района и др. медалями [2, с. 209–214].

Среди жителей микрорайона было много участников Великой Отечественной войны. Один из них – Герой Советского Союза Степан Андреевич Неустроев. Он проживал в доме № 12 с 1961 по 1966 г. на улице Пигорева. В ноябре 1941 г. Степан Неустроев окончил Черкасское военное пехотное училище (в то время оно было эвакуировано в Свердловск) и в звании лейтенанта был направлен в 423-й стрелковый полк 166-й стрелковой дивизии Северо-Западного фронта. Сначала был командиром взвода пешей разведки. В лесу под Селигером был ранен. После нескольких месяцев лечения в госпитале вернулся в свою дивизию и был назначен командиром стрелковой роты 517-го стрелкового полка. И снова ранение, госпиталь... Их впереди будет еще три – в феврале 1943 г., в июне, октябре и ноябре 1944 г.

С апреля 1943 г. по май 1945 г. воевал в составе 756-го стрелкового полка 150-й стрелковой дивизии, командовал 1-м стрелковым батальоном.

К тому времени он уже был капитаном. Участвовал в ряде наступательных операций: Прибалтийской, Висло-Одерской, Восточно-Померанской.

В апреле 1945 года ему было поручено командовать батальоном 150-й Идрицко-Берлинской стрелковой дивизии, которая приняла участие в штурме Берлина. «Жестокий, изнурительный бой, пожары, горела мебель, шкафы, ковры, повсюду распространялся едкий дым, от которого слезились глаза. Наш батальон овладел «домом Гимmlера», – вспоминал позже С. А. Неустроев.

Особенно запомнилось Степану Андреевичу утро 30 апреля 1945 г.: «Перед глазами изрытое, перепаханное снарядами огромное поле, метров триста, кое-где стояли изуродованные деревья. Площадь рассекал канал, это линия немецкой обороны: траншеи, дзоты, зенитные орудия, фашисты. Впереди был виден рейхстаг (он раньше казался огромным, необыкновенным, черным, страшным) шли к нему четыре года, долга была дорога..., а это серое трёхэтажное здание... Не поверили, что это рейхстаг...» [3, с. 128].

Разведчикам его батальона – младшему сержанту Кантария и сержанту Егорову под руководством младшего лейтенанта А. П. Береста, удалось водрузить Знамя Победы над Рейхстагом.

Вот как об этом вспоминал С. А. Неустроев: «Командир поставил задачу, обойти левее это серое здание и окопаться. Батальон готовился к атаке. Взвилась серия красных ракет – сигнал к атаке. Роты с криком “Ура!” бросились вперед. Внешне рейхстаг выглядел неказистым, три этажа вместе с цокольным, четыре башни. В центре купол, а на куполе шпиль. Окна и двери замурованы красным кирпичом, оставлены только амбразуры – это я отчетливо видел, стволы пулеметов, насчитал двадцать стволов – настоящая крепость. В середине дня была третья атака, но безуспешная, противник усилил ружейно-пулеметный огонь, отрыв артиллерийский и миномётный огонь. Казалось, все смешалось: и земля и небо... Ничего не было видно.

Чуть огонь прекратился, как в воздухе распространилась пороховая гарь, от которой спирало дыхание и першило в горле. Около трех часов полковник Зинченко сообщил о том, что есть приказ маршала Г. К. Жукова, а котором объявляет благодарность войскам, сержантам, офицерам и генералам 171 и 150 стрелковой дивизий.

Я сказал, знамя над рейхстагом еще нет, а благодарность объявили, задумались может кто-то уже водрузил знамя.

Прозвучал телефонный звонок и слышу, любой ценой, любой ценой водрузить флаг или хотя бы флажок на колонне парадного подъезда, любой ценой...» [3, с. 132].

Так имя Степана Неустроева навсегда вошло в историю Второй мировой. В ночь с 30 апреля на первое мая 1945 г. разведчики его батальона – Михаил Егоров и Мелитон Кантария – установили на здании

Рейхстага Красное знамя, ставшее символом победы в Великой Отечественной войне.

24 июня 1945 г. должен был во время парада в Москве нести Знамя Победы, но в связи с ранением в ногу и хромотой не мог этого сделать. Поэтому по приказу Г. К. Жукова передал Знамя Победы в Центральный музей Вооруженных Сил.

За успешную операцию по водружению Знамени Победы на куполе рейхстага Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 мая 1946 г. капитану Неустроеву Степану Андреевичу присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

Он является Почетным гражданином города Сухуми. Его именем названа улица в Краснодаре, а также площадь в Севастополе. Капитан Неустроев – один из героев киноэпопеи «Освобождение». Его роль исполнил Владимир Коренев. Неустроева помнят ученики школа № 39, где учился его сын Юрий и где Герой Советского Союза, ветеран Великой Отечественной войны рассказывал о героизме советских солдат на многочисленных Уроках мужества. В Курске сегодня живут его внуки Виктор, Олег, Наталья и правнуки.

Любопытная история связана с полковничьим мундиром Неустроева. В 1966 г. у тех, кто участвовал в штурме Рейхстага, пригласили на торжества в Москву по случаю Дня Победы, – поясняет Рунов. – Их было семеро. Утром сообщили, что с ними хочет встретиться Брежнев. Они все в военной форме собрались в Центральном Доме Советской Армии, выстроились. Заходит генсек, с каждым здоровается за руку. “Подполковник Неустроев”, – представляется Степан Андреевич. “Здравствуйте, полковник”, – говорит Брежнев. Вернувшись в гостиницу, Неустроев увидел висящий на спинке стула полковничий мундир, а на столе лежало удостоверение. Когда на торжественном заседании по случаю Дня Победы они снова встретились с Л. И. Брежневым, тот подошел со словами: “Ну, что, полковник, вы теперь убедились, что я не ошибся?”» [3, с.196]

«Комбат Победы» С. А. Неустроев ушел из жизни в 26 февраля 1998 г. Похоронен на Аллее Героев в Севастополе. В Краснодаре его имя носит улица, на доме, где он жил, установлена мемориальная доска...

В микрорайоне КЗТЗ проживала и легендарная семья Рябовых – подполковника Клары Александровны и полковника Льва Васильевича.

В начале войны Клара Александровна (в девичестве Глухих) ушла добровольцем на фронт. Первый бой, в котором она была контужена, произошел 19 августа 1941 г. в Запорожье. В боях при обороне Москвы Клара Александровна получила несколько ранений. Одно из них – разрыв легкого – было тяжелым, но отважную девушку это не остановило. Через два месяца – снова на фронт. Клару определили в отдел контрразведки СМЕРШа 159-й стрелковой дивизии. В ее составе Клара Александровна воевала на Калининском и 3-м Белорусском фронтах. Там же получила

звание младшего лейтенанта. И там же встретила свою первую любовь – Льва Васильевича Рябова. Поженились...

Победу над Германией молодые встретили в Восточной Пруссии. Но война для них не закончилась – супругов отправили на Дальний Восток, где они участвовали в разгроме японских милитаристов [4, с. 15].

В музее «Юные защитники Родины» хранится наградной лист на представление к ордену Красной Звезды К. А. Рябову, в котором говорится о том, что «... Глухих Клара Александровна, 1915 г. р., младший лейтенант, делопроизводитель-машинистка ОКР (отдела контрразведки) “СМЕРШ” 159 стрелковой дивизии кн. в члены ВКП(б), в боевых действиях с 1942 г. на Калининском фронте и 3-м Белорусском фронте. Контужена 19 августа 1941 г. в г. Запорожье УССР. С марта 1942 г. – сотрудник НКГБ».

И далее: «Тов. Глухих добросовестно относится к порученному делу. Находясь в обстановке боевых действий неоднократно под обстрелом артиллерии противника своевременно готовила оперативные документы на вражеские элементы, задержанных, тем самым способствовала командованию в укреплении дисциплины и повышении боевой деятельности части в разгроме немецкого фашизма». Документ был подписан 16 февраля 1945 г. начальником отдела контрразведки «СМЕРШ» Витебской Краснознамённой ордена Суворова дивизии майором Морозовым [5].

В приказе от имени Президиума Верховного Союза ССР от 21 февраля 1945 г. за № 028/н отмечалось следующее: «За образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество ...наградить орденом Красной Звезды младшего лейтенанта Глухих Клару Александровну – делопроизводителя-машинистку ОКР (отдела контрразведки) “СМЕРШ” Подписан приказ: Командир 159 стр. Витебской Краснознамённой ордена Суворова дивизии генерал-майор Калинин» [5].

Среди ее боевых наград – орден Отечественной войны I степени, медаль «За взятие Кенигсберга», «За Победу над Германией в годы Великой Ответственной войны 1941–1945 гг.», «За Победу над Японией». Лев Васильевич Рябов был награжден медалью «За боевые заслуги», орденами Красного Знамени и Красной Звезды.

После войны уже в Курске, К. А. Рябова организовала библиотеку на общественных началах и детский клуб «Алые паруса» при ней. Библиотеке было выделено подвальное помещение по улице Подшипниковая (ныне ул. Пигорева, дом № 2/8) при шестом домоуправлении. Жители дома – работники Управления внутренних дел помогли библиотеке с приобретением мебели. Комсомольцы курского завода тракторных запчастей сделали стеллажи для книг и журналов.

Вся патриотическая работа координировалась Курской секцией ветеранов Великой Отечественной войны во главе с Героем Советского

Союза М. А. Булатовым. Духовным наставником, другом в работе с ребятами в микрорайоне КЗТЗ был Герой Советского Союза С. А. Неустроев и его сын Юрий.

Разрабатывая программу работы клуба, Рябова выдвинула идею поиска и сбора материалов о судьбах сыновей полков времён Великой Отечественной войны. Учитывая большую поисковую работу, проведенную детьми под руководством Рябовой, 23 февраля 1977 г. клуб «Алые паруса» был преобразован в общественный музей «Юные защитники Родины». Так, бывшая разведчица руководить всей военно-патриотической работой не только на заводе КЗТЗ, но и во всем микрорайоне.

Еще один его житель – участник Великой Отечественной войны – ветеран Курского завода тракторных запчастей Михаил Иванович Горбунов воевал в составе 295-го артиллерийского полка 138-й стрелковой Карпатской Краснознаменной дивизии на Южном (Крым), Воронежском, Степном, 2-м и 1-м Украинских фронтах. Был командиром взвода, командиром 3-го дивизиона. Победу встретил в Чехословакии командиром артдивизиона 4-го Украинского фронта. После войны служил в группе Советских войск в Германии. Награжден орденами Красного Знамени, Красной Звезды, Александра Невского, медалью «За боевые заслуги». За выдающиеся достижения в области развития народного хозяйства награжден орденом Октябрьской Революции [6, л. 5].

Медалями «За Победу над Германией в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.», «За Победу над Японией», орденом Отечественной войны II степени награжден ветеран войны и завода КЗТЗ Григорий Никитович Телеш [7, л. 10]. Он – участник разгрома японской Квантунской армии в августе – сентябре 1945 г. После войны был направлен по комсомольской путевке на строительство Комсомольска-на-Амуре. Закончил институт, был избран Первым секретарем райкома партии Комсомольска-на-Амуре. Позже работал главным бухгалтером на авиационный завод имени Ю. А. Гагарина (ныне филиал публичного акционерного общества «Авиационная холдинговая компания «Сухой» «Комсомольский-на-Амуре авиационный завод имени Ю. А. Гагарина»). В 1960–1965 гг. – руководил Курским областным Совнархозом. С 1965 г. – главный бухгалтер завода КЗТЗ [8, с. 179].

Среди 50-тысячного населения микрорайона «КЗТЗ» г. Курска – сотни участников Великой Отечественной войны, сотни тружеников тыла. И каждый из них внес свою лепту в великую Победу. Задача их внуков и правнуков – сохранить память об этом и передать подрастающему поколению. Чтобы помнили...

Источники и литература

1. Теплицкий М.Д. Выросли мы в пламени, в пороховом дыму // Автографы в камне. Воспоминания архитектора. Курск, 1999.

2. Холодова Е.В. Зодчие Курского края XVII–XXI веков: Иллюстрированный биографический словарь. Курск, 2003.
3. Неустроев С.А. Русский солдат: на пути к рейхстагу (мемуары). Краснодар, 1997.
4. Мусалов А. Дети Мамы Клары // Ветеран границы. 2017. № 1.
5. Рябова К.А. Личное дело // Научный архив музея «Юные защитники Родины». Оп. 10.
6. Горбунов М.И. Личное дело // Научный архив музея «Юные защитники Родины». Оп. 5.
7. Телеш Г.Н. Личное дело // Научный архив музея «Юные защитники Родины». Оп. 15.
8. Курский завод тракторных запасных частей: факты, события, люди / под общ. ред. Г. А. Салтык. Курск, 2017.

Е. О. Токмакова,
Музей «Юные защитники Родины»

ВСЁ ДЛЯ ФРОНТА, ВСЁ ДЛЯ ПОБЕДЫ!

Аннотация. В статье рассказывается о детях – тружениках тыла. Война заставила их повзрослеть раньше времени и навсегда забыть о детстве. Они стояли у станков, работали на полях вместо отцов, ушедших на фронт. Мальчишки и девчонки, многим из которых было по 14–15 лет. Как могли, приближали день Победы.

Ключевые слова: фронт, труженики тыла, «Дорога Мужества», токарь, колхозы, медсестра.

Когда советские солдаты проявляли чудеса героизма на фронте, труженики тыла в годы Великой Отечественной войны создавали фундамент Победы. И тот факт, что большинство из них не слышало взрывов снарядов и над ними не свистели пули, ни в коей мере не преуменьшает их заслуг.

Всё для фронта, всё для Победы! Этот лозунг военного времени требовал полной отдачи сил от каждого.

В сложное военное время было закономерным то, что не ушедшие на фронт, работали в тылу. Однако, видя на фотографиях военного времени детей, стоящих у станков, поражаешься стойкости и мужеству маленьких тружеников. По сегодняшним меркам мальчишки и девчонки 12–16 лет ещё считаются детьми. Но в то страшное время, в годы войны, не делали скидок на возраст. Дети, которых не брали на фронт, тоже хотели быть полезными. Они боролись с врагом, прикладывая не меньше усилий, чем взрослые. Они работали на полях и заводах, участвовали в сооружении оборонительных рубежей, восстанавливали железные дороги, дежурили в госпиталях. Всё ради общего дела, одной идеи – Победы!

В курском музее «Юные защитники Родины» собраны материалы о детях и подростках, которые работали в тылу. Их жизнь и подвиги достойны восхищения.

Клевцову Евгению Петровичу (1929 г. р.), когда началась Великая Отечественная война, было всего 12 лет. Он, как и все юные обоянцы, вносил личный вклад в общее дело Победы. Мальчишки рыли окопы и траншеи, помогали в уборке урожая. Женя работал за токарным станком. После освобождения Обояни 18 февраля 1943 г. Евгений работал слесарем в МТС [1]. Первой его наградой стала медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Кто бы тогда мог подумать, что этот трудолюбивый и выносливый юноша в будущем станет многократным чемпионом СССР по велогонкам и завоюет много медалей? Его имя известно не только в Обояни, о нем узнал весь мир.

Деревянко Людмиле Георгиевне (1927 г. р.) в начале войны было 13 лет. Когда фашисты стали подходить к Москве, кругом запылали пожары. «Мы – пионеры – собрались в большой отряд и пошли по колхозам помогать убирать хлеб. И все-таки этого нам было мало – все рвались на фронт», – вспоминала ветеран.

В 14 лет уже служила в полевом госпитале. Как могли, девчонки старались помогать взрослым: делали светомаскировку на окнах госпиталя, рыли окопы, дежурили ночами возле тяжелораненых. Стирали и катали бинты, свежих бинтов не было. Приходилось выполнять и тяжёлую физическую работу. Они пилили дрова, таскали тяжелые бревна к дороге по глубокому снегу. А сапоги девочке выдали 42-го размера, в них засыпался снег. Но нужно всё равно идти, ведь раненые замерзали, топить нечем [2].

Научились управлять лошадьми. Возили раненых на станцию к санитарному поезду для отправки в тыл. Не раз попадали под бомбёжки. Пока санитарный поезд стоял пустой – фашисты не трогали. Но как только обоз подъезжал и начинали грузить раненых, враг бомбил. «Расстреливали нас, безоружных девчонок и раненых, фашистские мессеры, хотя видели на каждых саях большой красный крест, нарисованный на простыне», – писала Людмила Георгиевна.

Потом окончила курсы медсестер, выучилась на фармацевта. Делала стерильные растворы для операций, мази и эмульсии для перевязок. А вечером на всю ночь – в перевязочную, раненых везли беспрерывно. Обработывали раны, перевязывали и отправляли в тыл. Очень часто не выходили из перевязочной по 3 суток, это 9 смен подряд, без сна и отдыха. Но девочки старались ни в чём не отставать от взрослых.

В 14 лет Людмила была награждена медалью «За оборону Москвы». Когда закончилась война, ей было 17 лет. Она также награждена орденом Отечественной войны II степени, медалями: «За оборону Москвы», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [3].

Елинский Евгений Ильич (1929 г. р.) до войны закончил 4 класса общеобразовательной и 1-й класс музыкальной школы. Во время оккупации проживал в Курске. Во время подготовки Курской битвы участвовал в строительстве железной дороги Старый Оскол – Ржава. В июле 1944 г. Евгений Елинский был зачислен в Курское Суворовское училище. Он играл в духовом оркестре. В составе оркестра участвовал в торжественной передаче истребителей на фронт, в проводах лётчиков эскадрильи «Курский колхозник» [4].

В 1945 г. Евгений по состоянию здоровья был отчислен из Суворовского училища. Поступил на учебу в Курский железнодорожный техникум, который окончил в 1949 г. Позже окончил железнодорожный институт.

Евгений Ильич Елинский 50 лет отдал железнодорожному транспорту. Евгений Ильич имеет звание «Ветеран труда». Он автор слов и музыки гимна Курского Суворовского училища, песен о Курском крае, о Курской битве. Евгений Ильич охотно встречается с молодежью и школьниками, делится воспоминаниями о Великой Отечественной войне, исполняет свои песни.

Литвинов Иван Сергеевич (1928 г. р.) летом 1943 г. находился в составе 5-й железнодорожной бригады железнодорожных войск. Принимал участие в строительстве «Дороги Мужества» – железнодорожной линии Старый Оскол – Сараевка.

«Работали по 18 часов в сутки», – писал в своих воспоминаниях Иван Сергеевич. 14-летний мальчишка вместе со своими сёстрами рыл траншеи, таскал носилки с землёй, укладывал шпалы. Было очень тяжело, до крови стёртые руки, болело всё тело.

Фашисты пытались сорвать строительство и устраивали воздушные налёты. Дорога находилась под постоянным обстрелом. Вначале при появлении вражеских самолётов женщины и подростки прятались по щелям, а потом привыкли и не прекращали работы [5; 6, с. 124].

Иван Литвинов и его сёстры были награждены медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Давыдов Георгий Яковлевич (1929 г. р.) с апреля 1943 г. работал слесарем на военно-ремонтной базе № 6, где срочно ремонтировали танки и отправляли на Курскую дугу. Он с такими же ребятами сутками не отходил от станка. Обогрившись у бочки, перекусив «краюхой» чёрного хлеба, вытачивали детали, ремонтировали поршни и цилиндры для танков. Порой стояли у станков до тех пор, пока отяжелевшие веки закрывали глаза, и только тогда, тут же немного передремав, вновь приступали к работе [7, 8, 9].

Эти дети внесли свой весомый вклад в разгром немецко-фашистских войск, вклад в Великую Победу. Их имена должны знать и помнить все люди, кому дорога память о ветеранах, приближавших светлый День Победы не только на фронте, но и в тылу.

Источники и литература

1. Воробьёв В. Обоянский самородок // Курская спортивная серия. Курск, 2009.
2. Личное дело Л. Деревянко МЮЗР 883/1–13 ОФ.
3. Личное дело Л. Деревянко МЮЗР 1809/1–2 ОФ.
4. Личное дело Е. Елинского МЮЗР 3620-3626 ОФ.
5. Панченко В. Взрослели мальчишки // Молодая гвардия. 1985. 31 окт.
6. Грива Т.А. О народном подвиге – журналистским пером // История Великой Отечественной в документах и судьбах, под редакцией А. Ю. Друговской. Курск, 1995.
7. Солдаты тыла // За новую технику. 1968. 18 июля.
8. Защитникам Родины Слава // Молодая гвардия. 1983. 23 июня.
9. Они сражались за Родину // Молодая гвардия. 1992. 22 февр.

Л. С. Холтобина,
кандидат исторических наук
Музей «Юные защитники Родины»

МАЛЕНЬКИЕ ГЕРОИ БОЛЬШОЙ ВОЙНЫ В ДОКУМЕНТАХ АРХИВОВ

Аннотация. В статье предпринята попытка обобщить опыт деятельности музея «Юные защитники Родины» по комплектованию фондов о подвигах детей и подростков в годы войны.

Ключевые слова: феномен «юные защитники Родины», подвиг, музей.

**«Я считаю, что молодежь принесла главную жертву войне»
Маршал Советского Союза Г. К. Жуков**

Курский военно-исторический музей «Юные защитники Родины», является центром по сохранению и научному исследованию историко-культурного наследия детей и подростков военной поры. Скомплектованы уникальные фонды о юношах и девушках, которые по зову юных сердец оказались в гуще событий Великой Отечественной войны, храбро сражались на фронтах, в подполье и в партизанских отрядах, мужественно трудились на заводах и фабриках, в сельском хозяйстве, помогали лечить раненых, оказывали сопротивление на временно оккупированной территории, стойко переносили все тяготы и лишения в фашистских концлагерях [1, с.1].

В современной научной литературе нет единого термина, называющего детей, воевавших на фронтах и флотах в годы войны. В научный оборот введены более семидесяти терминов, но чаще всего применяется термин «юные герои войны». В государственных документах, прессе, интернет-пространстве используются термины «воспитанник воинской части», «сын полка», «юный партизан», «юнга флота», «юные

защитники страны», «бессмертный батальон юных защитников Отечества» [2, с. 6].

В последние годы модно писать «микроистории», «обыденные истории», появилось множество документальных изданий о военном детстве [3, с. 12]. Растет желание показать повседневную жизнь обычных, детей войны, используя воспоминания, дневники, где каждая страница – это личная трагедия, история спасения на фоне страшного военного времени. Маленькие герои выжили в оккупации, в эвакуации, плену, в партизанских отрядах, в блокаду [4, с. 10].

Редкие документы государственных Центральных архивов, архивов Курской области, введены в научный оборот учеными документальные факты о помощи фронту школьников. Например, В. В. Коровин представил материалы о 15–16-летних разведчиках и связных партизанских отрядах, А. Н. Манжосов опубликовал фотодокументы о юных железнодорожниках, В. А. Бондарев – о малолетних тружениках полей в годы войны» [5, с. 121–123; 6; 7, с. 20].

Интересные архивные документы других регионов представляют материалы об участии несовершеннолетних в боевых действиях на суше и на море, тылу в годы Великой Отечественной войны. Они содержат информацию о привлечении более двадцати тысяч подростков допризывного возраста по приказу Государственного Комитета Обороны для обезвреживания минных полей под урожай весной 1944 г., о мобилизациях более двух с половиной миллионов 16–17-летних призывников в ряды Красной Армии («последний призыв»), о миллионах юных тружениках тыла, о десяти тысячах 12–14-летних юнг, призванных на флот в 1942 г. в соответствии с приказом наркома Морфлота СССР и призывом ВЛКСМ. Так, воспитанниками Соловецкой школы юнг были: писатель В. Пикуль, народный артист СССР Б. Штоколов, киносценарист В. Гузанов, куряне В. Краснов, М. Попов, бывший радист на линкоре «Архангельск», доктор физико-математических наук, профессор, Ю. Лебедев, М. Кузнецов, И. Марков, А. Волков и др. В соответствии с постановлением ЦК ВЛКСМ 1943 г. «О мобилизации комсомольцев и молодежи на суда дальнего и заграничного плавания», в ходе отбора «из числа физически здоровой молодежи мужского пола в возрасте до 17 лет» в экипажи судов Дальневосточного морского пароходства прибыло более 3 000 подростков. Юнгами «огненных рейсов», морских «конвоев» были 12–14-летние мальчишки, проявлявшие настоящий героизм во время больших переходов» [8, с. 119].

Фронтные газеты: Краснофлотская «Товсь!» 1942–1944 гг. и детская «Пионерская правда» 1942–1944 гг. периодически публиковали материал об отваге и мужестве школьников в годы войны.

В условиях военного времени дети совершали подвиги, за что более 60 тыс. подростков были награждены орденами и медалями. Более десяти – стали Героями Советского Союза, четверо – посмертно такие как, юнга

В. Г. Моисеенко. 820 подростков награждены медалью «Партизану Великой Отечественной войны», 15 428 детей-солдат – «За оборону Ленинграда», свыше 20 тысяч москвичей подростков – воспитанников воинских частей, юных тружеников тыла, юных пионеров» [9, с. 601].

Юные солдаты «содержались в действующей армии за счет основного состава, и сведения о них, как правило, не отражались в учетной документации» [10, с. 68].

Необходимые списки воспитанников воинских частей в годы войны начали собираться с января 1944 г.» [11], так, от Ворошиловградской области в конце войны были найдены имена 160 детей – юных фронтовиков» [12], 56 – от Харьковской» [13, с. 78; 14, л. 23], более 100 воевавших детей в Смоленской области» [15, л. 5; 16, л. 12; 17, л. 48; 18, л. 4, 11, 17, 21, 28, 30, 34; 19, л. 29–30; 20, 12; 21, л. 2; 22; 23].

Сотни воспитанников дивизий, освобождавших в 1943 г. Курск, участвовали в Курской битве. Так, 14-летнему Аркадию Каманину в июле 1943 г. отец-генерал Каманин лично вручил официальный допуск на самостоятельные полеты на У-2. Наряду со взрослыми пилотами юноше приходилось ежедневно рисковать жизнью, выполняя задания командования» [24]. В 121-й СД воевали девять юных курян: Нина Букреева, Валя Пономарёва, Вова Карачевцев, Коля Алфёров, Гриша Сидоренко, Саша Панченко, Юрий Аникеев, Слава Иванов, Коля Пылёв. Отважной была «девушка, подбившая танк» – наводчица 45-миллиметровой пушки, противотанкового орудия 209-го противотанкового дивизиона Нина Букреева (ныне Луценко)» [25, с. 314]. В 13-й СД было 18 воспитанников, в том числе юный разведчик Алексей Воднев» [26, с. 219]. Коля Букин, сын полка 293-й СД, был ранен под Сталинградом. После выздоровления он с частью освобождал родные Курские земли: Касторное, Тим. В 1943 г. участвовал в Курской битве. После ожесточенного боя под Яковлево Николаю вручили заслуженную награду – медаль «За отвагу». В сражении под Прохоровкой Коля Букин в критический момент боя забросал гранатами вражеский дзот, что облегчило продвижение вперед бойцов. За этот подвиг юный герой был награжден орденом «Боевого Красного Знамени» [27]. Сергей Анненков, 14-летний сын полка 65-й армии, – «Курский орленок огненной дуги», чудом оставшийся в живых после боя, инвалид 1-й группы, посадивший рощу Памяти в Москве (где он учился и жил после войны) в 2,5 тыс. деревьев разных пород в память о каждом погибшем артиллеристе-истребителе танков под Севском на Курской дуге, из которых он один остался в живых» [28, с.119]. Ваня Суржиков, «Курский соловей» из с. Романовка Дмитриевского района, с 1943 года стал воспитанником 709-го СП 65-й Армии П. И. Батова. Суржиков служил вместе с бойцами, делил тяготы военной службы да еще пел солдатские песни. Бойцы берегли своего соловья, однако юный солдат с полной ответственностью и ясным пониманием шел в бой наравне со взрослыми» [29, с. 116].

Несмотря на возраст, раны, недуги, не покидают бойцы строй воспитателей молодежи, чтобы не забывался подвиг народный и павшие ради жизни на Земле. Стараются донести до молодежи слова правды о войне, о Победе Мария Кузьминична Федорко (Рист). В 1943 г. в составе 66-й гвардейской стрелковой дивизии (17-го гвардейского стрелкового корпуса, 60-го танкового полка) телефонистка роты связи попала на фронт на Курскую дугу» [30; 31]. Ирина Яворская родилась в Воронеже в семье работников искусства. Бабушка пела в Воронежском народном хоре, отец был режиссером театра, мама – актрисой театра. После оккупации Воронежа попала в концлагерь, потом в трудовой лагерь в Фатеже; удалось при захоронении узников бежать. Под Ельцом помогала ухаживать за ранеными, прибавила себе год рождения, окончила курсы, в 15 лет приняла присягу, получила военный билет, стала санинструктором 109-го гвардейского стрелкового полка. Боевое крещение получила на Курской дуге. Проявляя мужество и отвагу под непрекращающимся огнем, рискуя жизнью, спасала раненых, выносила с поля боя солдат и офицеров. У Ирины чудесный голос, она пела песни, читала стихи на передовых позициях». Сегодня Ирина Владимировна живет в Санкт-Петербурге, инвалид первой группы, пишет стихи, выступает перед школьниками, студентами, издает книги [32, с. 121; 33].

В текущем архиве музея «Юные защитники Родины» хранятся списки: список воспитанников частей и соединений армии за период войны 1941–1945 гг.» (3 800 человек), сведения о детях-подростках, воевавших в годы Великой Отечественной войны в различных войсковых частях действующих общевойсковых фронтов, собранные экспедициями «Моя Родина СССР», в походах по местам боев; список детей-партизан; юнг, документы которых состоят на государственном учете в музее «ЮЗР» (648 человек); список ЮЗР, находящихся в поиске (900 человек); список ЮЗР, погибших в годы войны, умерших в н. в. (600 человек); списки: юных участников Курской битвы (85 человек), бывших юных партизан на 880 человек; юнг Пермской области (86 человек), юнг Ленинградской области (750 человек), юнг – дальневосточников – участников конвоев (300 человек); юнг Соловецкой школы на 1500 человек (за три военных набора Соловецкая школа юнг ВМФ подготовила 1500 корабельных специалистов, которые направлялись на корабли Северного (980 юнг), Балтийского (1210 юнг), Черноморского (858 юнг), Тихоокеанского (455 юнг) флотов, военные флотилии (608 юнг), в т. ч. радистов – 946, рулевых – 35, боцманов наводных кораблей – 411, мотористов торпедный катеров – 717, электриков надводных кораблей – 534, артиллерийских электриков – 30, торпедных электриков – 139, боцманов торпедных катеров – 166, мотористов–дизелистов – 124, штурманских электриков – 50 человек); юных минеров (550 человек) – участников разминирования территории Курской области 1943–1945 гг.; юных партизан Белоруссии «Белорусские орлята» (более 1000 человек); списки юных защитников

родины по регионам: г. Курска (92 человек) и Курской области (120 человек), Белгородской области (28 человек), Ленинградской области (360 человек), г. Москвы и Московской области (650 человек), Ростовской области (80 человек), Воронежской области (76 чел.), Ульяновской области (35 человек), Рязанской области (37 человек), Краснодарского края (125 человек), Ставропольского края (300 человек), г. Сочи (18 человек), г. Минеральные Воды (22 человек), г. Бийск (16 человек), г. Ессентуки (26 человек), г. Пятигорска (52 человек), г. Обнинска (32 человек), Украины (1 010 человек), Донецкой области (220 человек), Днепропетровской обл. (68 человек), г. Киева (142 человек); молодых партизан Курской области (61 человек), узников канц. лагерей (26 человек); информация о подростках-диверсантах (больных, слаборазвитых, голодных) завербовавших немецкой разведкой.

О подвигах курских орлят рассказывают десятки очерков журналистки «Курской правды» Т. А. Гривы, о К. А. Рябовой, основателе музея «Юные защитники Родины» (32 статьи); фотоальбомы (40 единиц хранения, более 5 000 фотографий героев экспозиций и выставок); воспоминания бывших маленьких солдат, собранных в 1970–2015 гг. (более 15 000 писем); материалы научных исследований (более 200 публикаций), экспедиций по сбору документации о воевавших подростках Великой Отечественной войны; любительские фильмы, снятые А. И. Богомолковым в 1970–1980 гг. и профессиональные сюжеты о детях 40-х годов (более 130 фильмов); звукозаписи бывших юных свидетелей событий войны (1970–2005 гг.); видеофильмы (более 300) с воспоминаниями бывших юных участников войны, мероприятий, встреч, слетов, конференций /более 12 тысяч минут видеофильмов об уникальных событиях из жизни, которые сегодня необходимо оцифровывать [34, с. 169] др.

Малоизученные архивы о помощи школьников, пионеров и комсомольцев фронту в годы Великой Отечественной войны. Очерки газеты «Курская правда» за 1941–1945 гг., свидетельствуют, что практически с первых дней войны вся страна начала оказывать безвозмездную помощь фронту, множество очерков о работе школьников. Ковали великую Победу всей страной. Включились в эту борьбу за победу дети и молодежь. Организующим центром помощи фронту среди комсомольцев стал Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз молодежи (ВЛКСМ). Организацией помощи среди пионеров и школьников занимались пионерские организации и школы. Уже 25 июня 1941 г. в статье «Ко всем пионерам и школьникам Курской области» обозначены основные направления помощи фронту в области сельского хозяйства: «Сейчас, когда наши отцы и братья с оружием в руках защищают священную советскую землю, защищают нашу счастливую, радостную жизнь, мы, пионеры и школьники, можем делать ещё больше, чем делали до сих пор. Для нас найдется много дел. Мы можем пропалывать сахарную

свеклу, косить траву, заготавливать силос для животных, ворошить и собирать в скирды зерно, возить снопы, убирать солому, собирать колосья» [35].

6 ноября 1943 г. исполком Курского облсовета депутатов трудящихся принял решение «О создании команд по разминированию полей и участков от вражеских мин». Во всех районах необходимо было сформировать команды минеров из числа наиболее грамотных и развитых призывников 1927–1928 годов рождения, а также, по болезни, демобилизованных бойцов Красной Армии в возрасте до 55 лет [36, л. 2]. Команды формировались из местного населения – «рабочих, служащих, колхозников и учащихся, преимущественно членов Осоавиахима обоего пола в возрасте не моложе 15 лет». Для этих целей в 1944 г. было сформировано 67 команд численностью 4 777 человек. Обучено было 319 инструкторов и 4458 бойцов-минеров. В 1943–1945 гг. в основном 15–17-летние минеры-допризывники разминировали в области 998 минных полей площадью 259 563 га, обезвредили 1 983 429 взрывоопасных предметов: уничтожили 365 827 противотанковых, 342 220 противопехотных мин, 1 005 485 артиллерийских снарядов, 229 687 авиабомб [37, л. 54 об., 97]

С 1 декабря 1943 г. начались занятия в Курском суворовском военном училище, куда принимались мальчишки 8–14 лет – дети бойцов и командиров Красной Армии, партизан Великой Отечественной войны, партийных и советских работников, погибших от рук немецко-фашистских захватчиков, некоторые уже имели правительственные награды. Так, например, Николай Михайлов, разведчик Ленинградского партизанского отряда, Илья Рубцов, Иван Здобников, Николай Руженцев награждены медалью «За боевые заслуги», Сергей Меркулов, награжденный тремя медалями и орденом Красной Звезды. Учебно-методическую работу в училище возглавил полковник С. Н. Мясоедов [38, с. 375].

«...Импульсивный детский героизм поднимался в ряде случаев до глубоко осознанной и даже духовно и нравственно обоснованной жертвенности, и хотя сопротивление малолеток гитлеровскому режиму не имело столь массового характера. Все же с полным основанием можно говорить о вполне оформившемся в годы войны детском антифашистском сопротивлении по долгу и убеждению» [39, с. 127].

Сегодня бывшие защитники страны в 1941–1945 гг., остаются одними из главных носителей и ретрансляторов (хотя уже немногочисленных) высоких образцов поведения человека, несмотря на пережитые ими ужасы Великой Отечественной войны, они сохранили вечные общечеловеческие и национальные ценности и качества (совесть, честь, долг, любовь к Отечеству и малой Родине).

До сих пор продолжается дискуссия об участии детей в боевых действиях в годы войны. Одни исследователи утверждали и утверждают, что не стоит писать об участии детей в войне, а их подвиги не были

значительными. Другая часть ученых, продолжая работать с документами архивов, считает, что спастись и выжить на войне, уже подвиг, а дети ещё и воевали. Третьи, ставят под сомнение необходимость существования музея юных защитников Родины. Сотрудники музея уверены, что на подвигах детей в годы войны будут учиться мужеству, отваге, стойкости, смелости, честности, порядочности, преданности Родине следующие поколения молодых.

Источники и литература

1. Отчет 8НК за 2019 г.: МЮЗР ОФ 1–17550, МЮЗР НВ 1–10630.
2. Никонов А.В. «Маленькие герои большой войны» в 3 кн. М., 2016. Кн. 2.
3. Детство, опаленное войной / под ред. проф. А. Ю. Друговской в 3 кн. Курск, 2005. Кн. 1
4. Дети войны. Народная книга памяти. М., 2015.
5. Коровин В.В. О подвигах юных курян – помощников партизан и подпольщиков в период оккупации 1941–1943 гг. // Книга памяти. В 15 т. Курск, 1997. Т. 11.
6. Манжосов А.Н. Вклад юных железнодорожников Центрально-Черноземного региона РСФСР в достижение Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. // Война и дети: им память – высшая награда. Курск, 2005
7. Бондарев В.А. Российское крестьянство в годы Великой Отечественной войны (на материалах Ростовской области, Краснодарского и Ставропольского краев): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новочеркасск, 2001.
8. Холтобина Л.С. Судьба детей военной поры: документы, воспоминания, историография // Великая Отечественная. К 70-летию народной Победы / отв. ред. Е. И. Пивовар, сост. И. А. Анфертьев. М., 2015.
9. Дети военной Москвы / Москва военная 1941–1945. Мемуары и архивные документы. М., 1995.
10. Лукьянец-Бородько Ж.В. Детский фронт в Великой Отечественной войне // Преподавание истории в школе. 2012. № 3.
11. Центральный архив Министерства обороны РФ (далее – ЦАМО РФ). Ф. 214. Оп. 1441. Д. 273.
12. Ворошиловградская правда. 1984. 14 авг.
13. История Ленинского Коммунистического Союза Украины. Киев, 1978.
14. Партийный архив Института Истории партии при ЦК Компартии Украины. Ф. 1. Оп. 32. Д. 155.
15. Центр документации новейшей истории Смоленской области (далее – ЦДНИСО). Ф. 8. Оп. 1. Д. 179.
16. ЦДНИСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 233.
17. ЦДНИСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 289а.
18. ЦДНИСО. Ф. 8. Оп. 5. Д. 103.
19. ЦДНИСО. Ф. 8. Оп. 5. Д. 560.
20. ЦДНИСО. Ф. 8. Оп. 7. Д. 170.
21. ЦДНИСО. Ф. 1717. Оп. 1. Д. 1.
22. Сын полка / ред. сост. А. П. Глазков. Смоленск, 2002.
23. Дети войны / ред. сост. А. П. Глазков. Смоленск, 2000.
24. ЦАМО РФ. Ф: 33. Оп. 690155. Д. 7404.
25. Холтобина Л.С. Орлята огненной дуги – юные бойцы 121-й стрелковой дивизии // История Курской битвы: проблемы и перспективы исследования и сохранения памяти / ред. кол. В. В. Коровин (гл. ред.) [и др.]. Курск, 2018.

26. Шляев И. Дети и война: юные бойцы // Судьба детей военной поры: документы, воспоминания, историография / науч. ред. А. В. Третьяков; отв. ред. Л. С. Холтобина. Курск, 2015.
27. Личное дело: Букин Н.Ф. МЮЗР. ОФ. 4124–4226.
28. Хромова К.И. Сережа Анненков. Три дня и вся жизнь // Тысяча сыновей. Воронеж, 1990.
29. Суржиков Иван // История, рассказанная народом / под ред. В. А. Золотарева. Ч. 4. М., 2018.
30. Личное дело Рист М.К. МЮЗР ОФ 2558/1–5, НВ 1145/1–10.
31. Бабин А. Орден Славы для дочери полка // Комсомольская правда. 2010. 12 мая.
32. Яворская И. Песня – друг фронтовой. Рассказы о песнях, рожденных войной. СПб., 2012.
33. Тюменева Т. Во время войны Ирина Яворская не оставила на поле боя ни одного раненого // Вечерний Санкт-Петербург. 2015. 12 окт.
34. Холтобина Л.С. Опыт организации патриотического воспитания на примере деятельности музея «Юные защитники Родины». Курск, 2005.
35. Курская правда. 1941. 25 июня.
36. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. Р-734. Оп. 2. Д. 2.
37. ГАКО. Ф. Р-3349. Оп 1. Д. 7.
38. Михин П.А., Лотарев В.К. Курское суворовское училище / Бугров Ю.А. Краеведческий словарь-справочник «Курск». Курск, 1997.
39. Ленская В.В. Истоки детского героизма в годы Великой Отечественной войны. Киев, 1990.

Л. С. Холтобина,
Кандидат исторических наук
Музей «Юные защитники Родины»

В. М. Кузьмина,
кандидат исторических наук
Юго-Западный государственный университет

«ФАШИЗМ НЕ ПРОЙДЕТ!»: СОЦИО-КУЛЬТУРНАЯ ПРАКТИКА ГРАЖДАНСКОГО И ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ НА ПРИМЕРЕ МУЗЕЯ «ЮНЫЕ ЗАЩИТНИКИ РОДИНЫ»

Аннотация. В статье говорится о том, что музей – один из инструментов идеологии. В этом смысле музеям всегда отводилась важная роль в патриотическом воспитании, хотя понимание того, что такое патриотизм, все время менялось в зависимости от идеологических установок.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, дети войны, подвиг молодежи.

События Великой Отечественной войны не могли оставить в стороне деятелей культуры и искусства. Не явились исключением и представители

творческой интеллигенции Центрального Черноземья. Сегодня, проанализировав значительный пласт литературных и архивных источников, можно с уверенностью говорить о вкладе писателей, художников, артистов в индустриальную модернизацию страны на этапе ведения боевых действий, восстановления разрушенных территорий после оккупации. Впервые в работах А. С. Ахиезера во всей полноте зазвучала идея о взаимосвязи нравственного и экономического в развитии общества. Для автора очевидно, что существует тесная взаимосвязь между культурой и социумом, социумом и экономикой и т. д. [1, с. 281].

Музеи занимают особое место в системе патриотического воспитания молодежи России. Музей по своей социальной сути – явление патриотическое, его миссия устремлена в будущее... Развитие Российской Федерации на современном этапе характеризуется повышенным вниманием общества к культуре. Развитие музея как актуального, востребованного обществом феномена культуры и образования происходит параллельно с теоретическим осмыслением его деятельности. Сегодня музей – это один из институтов культуры, который хранит, изучает, популяризирует культурное наследие, создает возможности наглядного, эмоционального постижения культуры людьми, раскрывает многообразие творческой деятельности человека. Значительную роль в выборе теоретических основ сыграли научные работы отечественных ученых по проблемам: музей и дети, музей и образование, музей и школа, музей и власть, музей и храм, культура и воспитание. Движение в сторону музейной педагогики особенно очевидно в последние два десятилетия вселяет уверенность в появлении новых интересных форм музейной работы, дальнейшего совершенствования музейно–педагогических традиций. Музей стал рассматриваться в системе современной культуры, образования и воспитания как сложный и многофункциональный процесс. Историко-культурное просвещение, которое осуществляется в стенах музея, основывается на включении ценностей прошлого в современную жизнь и является мощным фактором формирования нравственности, гражданской позиции, чувства патриотизма.

Курский музей «Юные защитники Родины» с начала 1960–х гг. проводил большую организаторскую работу по созданию подобных музеев в школах СССР и России. Главная задача экспозиции музея – стремление увековечить детей из поколения, которое не знало юности. Показать трагедию военного детства, личности ребёнка в военные годы.

В указанный период некоторые издания о героизме юных участников ВОВ, военно-патриотическом воспитании молодежи переиздавались несколько раз. Мемуары ветеранов войны – бывших юных участников войны являются источником особой важности. Ни все мемуары равноценны по глубине содержания, литературному стилю. В некоторых из них имеются разночтения, вызванные давностью описаний событий и субъективностью восприятия (детские воспоминания, переживания).

Воспоминания ветеранов, воспоминания в значительной мере способствуют росту интереса историков к изучению вклада подростков в дело разгрома немецко-фашистских захватчиков и поиска новых подвигов, сохранению памяти о них. Изучение не потеряло своей актуальности на современном этапе. Ежегодные конференция проводится с целью подведения итогов научно-исследовательской, поисковой деятельности, собирательской, массовой работы учеников и педагогов по изучению истории войны, сохранению исторической памяти. В настоящее время имеются научные исследования, курсовые, дипломные работы, рефераты сочинения, статьи, публикации активистов, поисковиков, посвященные юным защитникам Родины, музею «ЮЗР» [2].

Основная проблема экспозиции – «дети и война». Основное содержание экспозиции – память детства, опаленного Великой Отечественной войной (1941–1945 гг.); трудные, полные трагизма судьбы детей и подростков, волею судьбы оказавшиеся на огненных дорогах войны. Музей «Юные защитники Родины» посвящен тем подросткам, для которых в годы Великой Отечественной войны жизнь стала подвигом, а подвиг – нормой жизни. Основные принципы создания экспозиции: полное, многоплановое раскрытие детского героизма и трагизма в годы ВОВ; максимальное насыщение информацией о конкретных «носителях истории», раскрытие их образов, нравственной силы, духовности; представление первоисточников, использование технических средств и сочетание эмоционального воздействия с «доказательностью подлинников», образное раскрытие содержания экспозиции; создание авторской экспозиции писателям, учителям, журналистам, артистам т. д.

Импульсивный детский героизм в ряде случаев поднимался до глубоко осознанной и даже духовно и нравственно обоснованной жертвенности. Об этом свидетельствуют дела и документы юных участников войны, представленные в экспозиции музея. Многие из них были удостоены высоких правительственных наград. В экспозиции музея последовательно, по периодам военно-исторических событий показано участие юных фронтовиков в разгроме врага, начиная от героической обороны Брестской крепости и заканчивая победой советского народа в Отечественной войне.

С первых дней войны добровольцы-подростки в составе Красной Армии внесли посильный вклад в дело разгрома врага. О героизме детей в годы Великой Отечественной войны написаны произведения, сняты фильмы.

В тематическом комплексе «Начало войны» представлены фотодокументальные материалы о первых жертвах фашизма: фото бегущих в бомбоубежище детей, «У пепелища родного дома», «Раненые дети в лазарете», «С папой на передовую»... [2].

Самым страшным страницам войны посвящены материалы о малолетних узниках фашистских концлагерей: фотодокументальные

материалы, башмак деревянный бывшего военнопленного Володи Яцентюка, коробочка с пеплом сожженных в Хатыни детей.

Юным партизанам посвящен тематический комплекс «Партизанскими тропами». В данном комплексе представлены предметы партизанского быта: фонарь – копилка, лампы – коптилки, посуда, личные вещи юных партизан. Немыслимо передать даже тысячную долю того, что пережил в годы войны Николай Фомич Печененко, человек необыкновенной судьбы, в годы войны – разведчик партизанского отряда им. Сталина леса Холодный Яр Черкасской обл. Николай встретил войну в пионерском лагере под Каменкой Черкасской обл. Перед тем как попасть в артиллерийскую бригаду, был во вражеском тылу партизанским разведчиком. Трижды подвергался имитации публичной казни через повешение, прошел все круги ада. Спустя 14 лет после окончания войны, в 1959 г., Николая Фомича парализовало – сказалась контузия и фронтовые раны, дали о себе знать пытки в гестаповских застенках. Чтобы наполнить жизнь смыслом, будучи прикованным к постели, Николай Фомич работал над своими воспоминаниями об увиденном и пережитом в годы войны. По его воспоминаниям вышла книга – повесть «Опаленная судьба» в Киеве, в 1984 г. Свои воспоминания о войне Николай Фомич писал ручкой, зажатой зубами [2].

В виде обособленных тематических комплексов в различных частях экспозиции представлены материалы, посвященные юнгам, юным минерам.

Основанная на научной концепции, состоящей из системы тематических комплексов, экспозиция музея раскрывает роль молодежи в разгроме врага, бессмертный подвиг юных защитников Отечества.

Дети на войне... Что более противоестественного можно себе представить? Они были лишены самого дорогого – прекрасного мира детства, мирного неба над головой, радости и смеха. Экспозиция зала «В боях отстояли Отчизну свою» представляет собой атмосферу боевых действий, выраженную художественными средствами, начиная от героической обороны Сталинграда до боевых действий на территории Германии.

Например, очень трогает история Сережи Пятовского.

Сережа Пятовский, родился в 1935 г. в г. Архангельске. В 1937 г. вместе с родителями приехал в Курск, поэтому считал себя коренным Курянином. С ноября 1943 г. по 12 августа 1945 г. его жизнь была связана с фронтовым эвакогоспиталем № 1394. Ранее это был военно-полевой госпиталь и формировался в г. Курске. Отец Сережи был заместителем начальника этого госпиталя, мама тоже была на фронте. Поэтому Петру Петровичу пришлось взять мальчика с собой. Так и прошагали они вдвоем по фронтовым дорогам, на Волховском, потом Ленинградском 3-м Прибалтийском, а затем на 2-м Белорусском фронтах до Берлина. Сережа оказывал посильную помощь раненым бойцам, помогал санитаркам, читал

раненым письма от родных, исполнял поручения при штабе, трудился на хоздворе. Особенно ему нравилось ухаживать за лошадьми.

Эвакогоспиталь двигался вслед за линией фронта, принимая раненых от полевых госпиталей. Раненых оперировали и подлечивали раны, чтобы бойцов можно было транспортировать в тыл. Когда госпиталь дислоцировался в г. Тихвин под Ленинградом, немцы жестоко, и днем и ночью, бомбили его. Отец Сережи часто во время бомбежек брал мальчика с собой. Его присутствие, видимо дисциплинировало и успокаивало раненых. Для того, чтобы победить страх, Сережа крепко сжимал руку и пытался петь «Гибель Варяга».

Весной 1944г. госпиталь передислоцировался из г. Тихвина в г. Лугу Ленинградской области. В это время уже шли жестокие бои за освобождение Пскова, было очень много раненых. И школа в г. Луге, используема немцами во время оккупации под конюшню за трое суток, была превращена в отличное, стерильно чистое помещение для приема раненых бойцов.

Затем была Польша. В небольшом польском городке Кёнаце раненых размещали прямо в костеле. Госпиталь подвергался сильному артобстрелу. Удалось Сереже увидеть и столицу Польши Варшаву. Первым немецким городом, где разместился госпиталь, был Бромберг. Он был чистый, уютный и совершенно целый.

Однажды Сережа помог обнаружить спрятавшихся в погребе гитлеровцев. В это время шли бои на подступах к р. Одер. На берегу этой реки Сережа едва не подорвался на mine. Когда шел штурм Берлина, госпиталь находился под г. Арнцвальдом. Здесь шли жестокие бои. Разрозненные немецкие части скрывались в лесу, госпиталь находился в усиленном боевом охранении. Однажды Сережа проснулся от грохота залпов зенитной батареи, которая располагалась неподалеку. Когда мальчик выскочил на крыльцо, он увидел наших солдат, они стреляли в небо, кричали и обнимались. Так в госпиталь пришла весть о Победе. Утром следующего дня состоялся митинг. В мае 1945 г. Сережа Пятовский с офицерами госпиталя побывал в Берлине. В обгоревшем рейхстаге мальчик поднялся в рыцарский зал и химическим карандашом написал на стене «Сережа из Курска. 10 лет».

После войны Сергей Пертович Пятовский стал профессиональным военным, служил в милиции и КГБ. С 1964 г. он член союза журналистов СССР. К сожалению, 1 февраля 2010 г., ветеран Вооруженных Сил и труда, Сергей Петрович Пятовский, ушел из жизни

Глубокое чувство восхищения вызывают у ребят героические подвиги их сверстников, не знавших страха перед врагом. В тематико–экспозиционном комплексе, посвященном юным участникам Курской битвы, представлено художественное панно с изображением фрагмента танкового сражения под Прохоровкой 12 июля 1943 г. Дополняет картину предметный ряд, состоящий из снарядов, деталей боевых снарядов,

артиллерийского вооружения, которые как бы сходят с картины и дополняют ее, что дает возможность испытать эффект присутствия в этом сражении, иллюзию непосредственно участие в нем. В структурной части экспозиции представлены фото, документы, личные вещи и другие памятники военного времени юных участников освобождения Украины, Северного Кавказа, Крыма, Белоруссии, стран Восточной Европы [2].

Чрезвычайно трогает история 12-летней девочки Валентины. Которая ушла добровольцем на фронт. Гладкова (Пономарева) Валентина Андреевна родилась в 1928 г.р. в с. Платава Курской области. В годы Великой Отечественной войны санинструктор 887 с.п., 705 полка 121 СД 60 Армии 1-го Украинского фронта. Участница Курской битвы, освобождения Киева, Польши, Румынии, Чехословакии. В 12 лет ушла добровольцем на фронт и в 17 лет вернулась с двумя орденами и двумя медалями за мужество и отвагу в борьбе с фашистами. В 1942 г. 13-и летняя черноглазая девчонка стала связной партизанского отряда. В 14 лет получила свою первую награду – орден Красной Звезды (не понимая ценности ордена, заплакала, хотела при вручении поменять на медаль, т. к. считала всегда, что медаль важнее награда, чем ордена...).

После одного из боев юная разведчица с тяжелыми ранениями была отправлена в госпиталь. После выздоровления Валентина твердо решила стать медицинской сестрой. И вот она снова на фронте. В 1943 г. Валю назначили санинструктором 705 полка 121 СД 60 Армии 1-го Украинского фронта. В наступательных боях 1944 г. Валя все время находилась на переднем крае, оказывая первую медицинскую помощь офицерам и бойцам.

Невзирая на опасность, она, 16-летняя девчонка, выносила с поля боя 164 раненых солдат. Документы о ее подвигах хранятся в Курском музее «Юные защитники Родины» и в медицинском музее в г. Санкт-Петербурге.

Награждена двумя благодарностями Сталина. Более 20 юбилейными медалями. Грамотами, медалями от Президента РФ Б. Ельцина.

Герои Курской битвы вписали славную страницу в летопись Великой Отечественной войны. Памятники, собранные в музее, военно–исторические документы, реликвии войны служат делу пропаганды патриотизма, готовности к самопожертвованию по защите своего Отечества.

Источники и литература

1. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). Новосибирск, 1998. Т. 2.
2. Материалы музея «Юные защитники Родины».

В. А. Хорлина,
Центральный государственный архив Московской области

**ВАСИЛИЙ АНДРЕЕВИЧ ХОЛОДКОВ И ЕГО РОЛЬ В
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕДИЦИНСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ
МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
(НА МАТЕРИАЛАХ ЦГАМО)**

Аннотация. В статье рассказывается о работе В. А. Холодкова в качестве руководителя организаций здравоохранения Московской области в период Великой Отечественной войны и в период ликвидации ее последствий.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, медицина, Московская область, Международное движение Красного Креста и Красного Полумесяца

Василий Андреевич Холодков был заведующим Московским областным отделом здравоохранения (далее – МООЗ) с 1939 до 1947 г., председателем исполкома Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР (далее – СОКК и КП СССР) с 1948 до 1952 г. и депутатом Верховного Совета РСФСР.

Свою трудовую деятельность он начал в 1914 г., и она была далека от медицины. Василий Андреевич был учителем в нескольких начальных школах Тамбовской губернии вплоть до 1917 г. После Октябрьской революции он вернулся на родину, в село Машково-Сурена, где до 1921 г. проработал заведующим школой и Волостным отделом народного образования. После был направлен на обучение в Тамбовский педагогический институт им. Н. К. Крупской, откуда перевелся в Московский медико-педагогический институт, но, по состоянию здоровья, был вынужден оставить обучение [1, л. 1].

После выздоровления, в 1925 г., Холодков поступил в Первый Московский ордена Ленина медицинский институт [2, л. 2]. В 1930 г., после окончания учебы, последовательно занимая должности врача-ординатора и заместителя главного врача Донской психиатрической больницы им. З. П. Соловьева, врача-психиатра и директора центральной поликлиники Четвертого Управления Минздрава СССР, заведующего МООЗ, председателя исполнительного комитета СОКК и КП СССР и с ноября 1954 г. являлся директором загородной больницы Управления [3, л. 1].

В ЦГАМО хранится фонд Холодкова (ф. 420). Он поступил на хранение в 1981 г., через 5 лет после смерти Василия Андреевича и включает в себя 4 раздела: документы служебной деятельности, документы общественной деятельности, документы о получении

образования и научной деятельности и личные документы. В фонде есть множество документов, вызывающих интерес, например, акт о проведении работы по уточнению данных о поступлении дарственного медицинского оборудования и медикаментов из Англии, диссертация Холодкова о работе эвакуогоспиталей, фотографии и личные документы с карандашными правками.

Историография, рассказывающая о деятельности Холодкова, крайне мала, однако нельзя отрицать тот вклад, который он внес в деятельность учреждений здравоохранения в годы Великой Отечественной войны и после нее. Отдельный интерес для нас представляют разделы документов о деятельности МООЗ и исполкома СОКК и КП СССР.

Огромный пласт работ по возвращению в строй раненных и больных бойцов лег на тыловые эвакуогоспитали. С целью оптимизации работы эвакуогоспиталей Наркомздрав учредил Госпитальный совет при Главном управлении эвакуогоспиталей под председательством С. И. Миловидова. В совет вошли 57 членов, среди которых крупнейшие работники лечебного дела, профессора, сотрудники НИИ, крайздравотделов, облздравотделов, начальники эвакуогоспиталей, начальники лечебных отделений [4, с. 3].

Говоря о работе эвакуогоспиталей в период войны, нельзя оставлять без внимания написанную В.А. Холодковым в 1949 году диссертацию "Организация и работа эвакуогоспиталей Московской области в годы Великой Отечественной войны", которая является важным источником информации в вопросе изучения работы МООЗ военного периода. На основе изученного материала можно сделать следующие выводы:

1. Одна из наиболее крупных госпитальных баз РСФСР. Рост количества госпиталей (на 171) и койкомест (66 тыс.) [5, л. 240], сформированных в Московской области. Без внимания не было оставлено и колебание мощности госпитальной базы в течение войны, результатом которой стала большая текучесть госпиталей и кратковременность их работы, что, тем не менее, не сказывалось на качестве работы аппарата здравоохранения.

2. Осложнения задачи кадрового укомплектования эвакуогоспиталей Московской области медицинским персоналом, вызванные резким уменьшением числа врачей в результате эвакуации и оккупации западного района области. По мере расширения сети эвакуогоспиталей, нехватка медицинского персонала только росла. Средний размер укомплектованности должности врачей в период войны составлял 60–70 %, временами падая до 44 %. Стабилизировалась ситуация лишь к 1944 г. – средний размер укомплектованности тогда составлял 75 %. [5, л. 243] Значительную часть некомплектованных должностей составляли категории врачей-специалистов: хирурги, рентгенологи, физиотерапевты. МООЗ был вынужден проводить колоссальную работу в области повышения квалификации врачей и среднего медицинского персонала как

с помощью курсовых занятий, так и с помощью участия медицинского персонала в различных научных конференциях.

3. Разрешение проблемы размещения госпиталей на территориях, пострадавших при оккупации также составило отдельную проблему в виде сжатых сроков. Тем не менее, проблему все же удалось разрешить, путем размещения коек в школах, больницах и других учреждениях.

4. За время Великой Отечественной войны в госпитали МООЗ поступило 234,7 тыс. раненных и 73,1 тыс. больных. [5, л. 245] Особые количественные колебания в числе раненных наблюдались лишь во время оборонительных и наступательных операций, а колебание количества больных были менее резкими, хоть и можно было отметить тенденцию уменьшения числа больных в первые и последние месяцы войны. Холодков также отмечает, что «госпитали МООЗ сумели организовать и построить лечение раненных и больных в сроки меньшие, чем было указано Наркомздравом РСФСР», также делая акцент на важности процентного показателя возвращенных раненных и больных в ряды армии.

5. Подчеркивается роль МООЗ в освоении, внедрении и широком применении новых методов лечения, организации и использования группы усиления для обеспечения своевременной хирургической помощи при поступлении большого количества раненных.

Хотелось бы также обратить внимание на имеющуюся в материалах фонда информацию, касающуюся поступившего из Англии медицинского оборудования. В тексте документа рассказывается о том, что в течение войны «Комитет помощи России» Британского Красного Креста собрал более 6,5 млн фунтов стерлингов. Также британцами был создан «Объединенный комитет», в котором участвовали Национальный совет труда, федерация горняков, англо-советский медицинский комитет, комитет помощи СССР и др., собравшие для помощи Советскому Союзу еще 750 тыс. фунтов стерлингов. В счет собранных средств была произведена закупка медикаментов и оборудования, в т. ч. по заказу исполкома СОКК и КП. Части средств (приблизительно 1 млн фунтов стерлингов) хватило также и на осуществление закупок уже в послевоенный период, вплоть до конца 1940-х гг. [6, л. 1–4].

Возглавив Союз Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца в 1947 г., Василий Андреевич продолжил принимать активное участие в ликвидации санитарных последствий войны. В том же году он становится депутатом Верховного Совета РСФСР от Орехово-Зуевского сельского избирательного округа [7, л. 2].

17 августа 1948 г., решением исполкома Орехово-Зуевского Районного Совета Депутатов Трудящихся Московской области, В.А. Холодков был утвержден председателем Попечительского Совета Горского детского дома № 2 для детей сирот фронтовиков Орехово-Зуевского района [8, л. 1].

На заседании Коллегии Минздрава СССР 4 ноября 1952 г., посвященной рассмотрению итогов исполнения приказа № 310 по ликвидации санитарных последствий войны, была представлена справка о работе организаций Красного Креста и Красного Полумесяца, в которой говорилось о том, что не все планы по ликвидации последствий оказались выполнены. [9, л. 2] В рамках своего доклада на коллегии, Холодков осветил такие вопросы, как структура руководящих кадров СОКК и КП СССР, финансовая отчетность, санитарно-оздоровительная и оборонная работа, пропаганда. Немалую часть выступления также занял вопрос рассмотрения деятельности СОКК и КП СССР в период Великой Отечественной войны. Василий Андреевич отмечает, что деятельность СОКК в предвоенные годы и в годы Великой Отечественной войны «была направлена на укрепление санитарной обороны страны путем массово подготовки населения в кружках ГСО и БГСО, подготовки специальных формирований МПВО и медицинских сестер запаса (было подготовлено свыше 300 тыс. медицинских сестер и 500 тыс. санитарных дружинниц), участия в работе медсанслужбы МПВО и привлечения актива Красного Креста в ряды доноров» [9, л. 4]. В послевоенное время СОКК также принимал активное участие в ликвидации санитарных последствий войны, направляя в освобожденные от оккупации районы тысячи активистов для борьбы с инфекционными заболеваниями. 30 санитарно-эпидемиологических отрядов СОКК, созданных в годы Великой Отечественной войны, продолжили существовать до 1949 г. и внесли весомый вклад в ликвидацию санитарных последствий войны.

При этом, СОКК и КП успевало заботиться не только о населении своей необъятной страны, но и успевало помогать другим странам. В 1953 г., после землетрясения в Греции, СОКК и КП от лица всего советского народа выразило свое сочувствие, а также направило сумму в 250 тыс. рублей, «желая облегчить участь пострадавшего от землетрясения населения» [10, с. 4].

1 сентября 1949 г. на объединительном съезде союзов борцов за свободу и демократию В. А. Холодков выступал в качестве советского делегата с речью в поддержку «строительства новой Польши» и был встречен бурными аплодисментами. На съезде присутствовало более 1 500 делегатов, представлявших 15 стран (СССР, Чехословакия, Румыния, Болгария, Франция, и др.) [11, л. 1–4].

Василий Андреевич также участвовал в переговорах Союза общества Красного Креста и Красного Полумесяца СССР и делегации Японского Красного Креста относительно репатриации из СССР отбывших сроки наказания, освобожденных досрочно в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 г. об амнистии или по определению Верховного Суда СССР японских военнопленных и гражданских лиц из числа осужденных в свое время за различные

преступления. Результатом этих переговоров стало подписанное участниками 19 ноября 1953 г. совместное коммюнике [12, л. 1].

Это далеко не все примеры взаимодействия В. А. Холодкова с иностранными коллегами, но и они наглядно иллюстрируют авторитет советской медицины на международной арене в послевоенное время. Роль В. А. Холодкова в истории советской медицины нельзя переоценить. Коллеги отмечали высокий профессионализм Василия Андреевича как врача и как руководителя, что, делало его тем, кто идеально подходил для занимаемых должностей [3, л. 1–7]. Будучи одним из тех, кто стоял у руля здравоохранения страны в столь сложный для нее период, он смог показать себя с лучшей стороны, сохраняя авторитет советской медицины как внутри страны, так и за ее пределами.

Источники и литература

1. Центральный государственный архив Московской области (далее – ЦГАМО). Ф. 420. Оп. 1. Д. 52.
2. ЦГАМО. Ф. 420. Оп. 1. Д. 48.
3. ЦГАМО. Ф. 420. Оп. 1. Д. 37.
4. Свинцова М.Н. Основные задачи деятельности эвакогоспиталей в период великой Отечественной войны 1941–1945 года (по итогам работы пленумов Госпитального совета Наркомата здравоохранения СССР) // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. 2014. № 41–42 [Электронный ресурс] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-zadachi-deyatelnosti-evakogospitaley-v-period-velikoy-otechestvennoy-voyny-1941-1945-goda-po-itogam-raboty-plenumov> (дата обращения: 25.01.2020).
5. ЦГАМО. Ф. 420. Оп. 1. Д. 49.
6. ЦГАМО. Ф. 420. Оп. 1. Д. 24.
7. ЦГАМО. Ф. 420. Оп. 1. Д. 40.
8. ЦГАМО. Ф. 420. Оп. 1. Д. 47.
9. ЦГАМО. Ф. 420. Оп. 1. Д. 17.
10. Холодков В.А. Помощь Советского Красного Креста населению Греции, пострадавшему от землетрясения / Текст: непосредственный // Известия Советов Депутатов Трудящихся СССР. 1953. № 194.
11. ЦГАМО. Ф. 420. Оп. 1. Д. 29.
12. ЦГАМО. Ф. 420. Оп. 1. Д. 25.

О. А. Черников,
кандидат исторических наук
Государственный архив Курской области

**МОРАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА В ПЕРВЫЕ
НЕДЕЛИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ ПО
МАТЕРИАЛАМ АРХИВНОГО ФОНДА Р-3191 «КУРСКИЙ
ОБЛАСТНОЙ И РАЙОННЫЕ ВОЕННЫЕ КОМИССАРИАТЫ»**

Аннотация. Великая Отечественная война вызвала всплеск патриотического настроения среди советских граждан. Анализу заявлений с просьбами отправки на фронт, поступивших в военкоматы Курской области в первые месяцы после начала войны, и посвящена настоящая работа.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, военкоматы, Курская область, молодежь, заявления.

Документы архивного фонда Р-3191 «Курский областной и районные военные комиссариаты» представляют собой достаточно разноплановый материал, отражающий деятельность курских военных комиссариатов за период с 1932 по 1970 г.

Одними из самых интересных являются документы, относящиеся к первым неделям Великой Отечественной войны. Среди них: приказы облвоенкомата о мобилизации, телеграммы, доклады, сведения, сводки и отчеты о ходе мобилизации по районам и числе отправленных команд, заявления граждан о добровольном зачислении в ряды Красной Армии, именные списки военнообязанных, отправленных в военные части, ведомости и приемо-сдаточные сметы о передаче транспорта, лошадей и других материальных ценностей в воинские части и многое другое.

Часть перечисленных документов содержат сведения, отражающие морально-политическую ситуацию в регионе в первые дни и недели войны. На наш взгляд наибольший интерес представляют донесения районных комиссаров Курскому областному военному комиссару и политические донесения начальнику отдела политической пропаганды областного военного комиссариата. Все они в целом рисуют достаточно схожую картину происходящего.

Так в политдонесении Кировского райвоенкома города Курска майора Афанасьева о первых трех днях мобилизации отмечается: «... Политико-моральное состояние военнообязанных в основном бодрое и уверенное. Высказывания в беседах носят характер боевой и с горячим желанием скорее добраться до врага, почти как общее правило бойцы изъявляют недовольство, если их назначают в тыловые части (мастерские, база и т.д.)». Но в то же время отмечается, что «На ряду с общим здоровым настроением были случаи не спокойного ухода в армию, беспокойство за

свои семьи – будут-ли обеспечены семьи, примут-ли жену на работу и др.» [5, л. 62].

В политдонесении о ходе мобилизации по Свободинскому району говорится: «1-й день мобилизации 23 июня 1941 года. Явка военнообязанных была своевременная, за исключением 2-х с/советов, которые явку на сборный пункт имели с опозданием. Уколовский с/совет на 40 минут, Шестопаловский с/совет на 50 минут.

Политико-моральное состояние среди военнообязанных хорошее, приподнятое и бодрое. Имеются отдельные случаи прибывающих на сборный пункт военнообязанные выпивши: Свободинского, Зиборовского и Жерновецкого с/советов.

Многие приходят в райвоенкомат с просьбами и заявлениями о посылке добровольцами в ряды Красной Армии и просят послать их на фронт ...» [8, л. 2].

В то же время несмотря на общее сходство в описании ситуации в некоторых донесениях, наряду с общими моментами, имеются и отличия.

Райвоенком Верхне-Любазского района в своем донесении о мобилизации за период с 29 июня по 6 июля 1941 г. докладывает: «Среди населения района большой патриотический подъем. Среди колхозников значительно поднялась трудовая дисциплина и не выходы на работу, в абсолютном большинстве колхозов, являются как не значительное исключение.

В некоторых колхозах Бр[ехово] Архангельского и Хмелевского сельсовета в связи с объявлением войны, имеются случаи массового не выхода на работу колхозников. Последние занялись работой личного обеспечения: заготовкой торфа для личных нужд, заготовка сена для личного скота, объясняя это тем, что в случае призыва в Красную Армию мужчин, то оставшиеся женщины будут обеспечены топливом и т. д.» [3, л. 72].

Именно опасения за судьбу своих близких были одними из самых распространенных. Кировский райвоенком сообщая о первых восьми днях мобилизации начальнику 3-го отдела Курского гарнизона отмечал: «Настроение военнообязанных хорошее, кроме явки на пункт в нетрезвом состоянии других антиморальных проявлений не было, у некоторых имеется неуверенность за свои семьи, вокруг этих вопросов ведется работа с военнообязанными и их семьями». Но одновременно указывается «как массовое явление надо отметить явку на сборный пункт и в РВК военнообязанных не приписанных с вопросами, когда их отправят и с прямыми требованиями скорейшей отправки. ... Заявлений о добровольном вступлении в Красную Армию подано 178» [5, л. 60–60 об.].

На наш взгляд о высоком патриотическом подъеме говорит именно значительное число добровольцев.

Медвенский военком 9 июля 1941 г. сообщая о данных заявлениях пишет: «Каждое заявление проникнуто высоким патриотическим чувством

за Родину, за партию Ленина-Сталина, стремлением как можно скорее уничтожить взорвавшихся псов германских фашистов». Здесь же приводятся примеры подобных заявлений: «Младший командир запаса Морозов Дмитрий Иосифович 1916 г. рождения пишет «Прошу зачислить меня в ряды нашей доблестной Красной Армии, которая сражается на фронте с озверелым фашизмом. Я не могу больше сидеть ни одной минуты дома ибо мое место на фронте. Я участник боев с белофинами». В своем заявлении девушка Ревенка Екатерина Дмитриевна пишет: «Прошу зачислить добровольно на фронт в ряды Красной Армии. Учитывая создавшуюся обстановку для Советского Союза, в том, что хищный зверь всего трудового народа Гитлер зверски напал на нашу Родину, желаю идти на защиту своей Любимой Родины и буду бить врага не щадя своей жизни» [7, л. 10].

Верхне-Любазский райвоенком сообщает секретарю местного райкома партии 13 июля 1941 г.: «Общее настроение воен. обязанных здоровое, при беседах с ними проявляют ненависть к разбойничьему нападению фашиста Гитлера. Речей правда не было, а отдельные высказывания не учитывались. Всего подано заявлений о добровольном вступлении в Красную Армию – 34, из них: коммунисты – 9, комсомольцы – 9, женщин – 11. В своем заявлении мл. политрук запаса тов. Барьянов пишет: «Прошу принять меня добровольно в ряды Красной Армии, с именем Сталина я буду идти в бой за Родину, за великую партию Ленина-Сталина и до последнего дыхания буду защищать ее мужественно и умело, для достижения полной победы над врагом». Тов. Ефремов Т.Б. в своем заявлении пишет: «Прошу райвоенкомат зачислить меня добровольно в ряды Красной Армии на защиту своей Родины от германо-фашистских армий. Буду бить до конца германских фашистов, как бешенных собак» [3, л. 74].

В то же время изученные документы свидетельствуют и о том, что не все было так «гладко». Присутствуют и противоположные факты. Кроме простого человеческого беспокойства о судьбе близких [6, л. 15 об.], да и фактически традиционного варианта проводов в армию с распитием спиртного [2, л. 10; 3, л. 88; 5, л. 62, 88; 6, л. 7; 8, л. 5] имело место и иное.

Так, среди документов есть сообщения об отдельных случаях антисоветской деятельности. Среди них, например, такое: «Бывший кулак Анпилогов в момент вероломного нападения фашистов на СССР надел новую рубаху, голову намазал маслом и волосы причесал. Одним словом себя привел в праздничный вид» [3, л. 72]. Кроме того, имеются отдельные сведения о проводимой антисоветской агитации [3, л. 56, 72]. Упоминаются в донесениях и случаи дезертирства [1, л. 55; 3, 103; 4, 43; 7, л. 10]. Но следует отметить, что все подобные случаи носили, в рассматриваемый период, единичный характер.

Таким образом, несмотря на все подобные факты следует признать, что первые дни и недели Великой Отечественной войны

характеризовались массовым подъем патриотических настроений среди населения Курской области. Как свидетельствуют документы архивного фонда Р-3191 «Курский областной и районные военные комиссариаты» в абсолютном большинстве доминировали чувства личной ответственности за судьбу Отечества, патриотизма и веры в победу. Понятно, что эти чувства во многом формировались под воздействием партийно-государственной системы, но все это не умаляет силы морального духа советского народа, позволившего выстоять и победить.

Источники и литература

1. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. Р-3191. Оп. 4. Д. 12.
2. ГАКО. Ф. Р-3191. Оп. 4. Д. 38.
3. ГАКО. Ф. Р-3191. Оп. 4. Д. 40.
4. ГАКО. Ф. Р-3191. Оп. 4. Д. 55.
5. ГАКО. Ф. Р-3191. Оп. 4. Д. 111.
6. ГАКО. Ф. Р-3191. Оп. 4. Д. 127.
7. ГАКО. Ф. Р-3191. Оп. 4. Д. 214.
8. ГАКО. Ф. Р-3191. Оп. 4. Д. 251.

О. Н. Шанина,

кандидат исторических наук

Государственный архив Ярославской области –

Центр документации новейшей истории

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ В УСЛОВИЯХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (НА ПРИМЕРЕ ЯРОСЛАВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Аннотация. В статье рассматривается деятельность четырех общественных организаций (международная организация помощи борцам революции – МОПР, Красный Крест – КК, театральное общество и союз художников), документы о работе которых за военные годы наиболее полно отложились в фондах ЦДНИ ГАЯО. На основании анализа архивных материалов сделаны выводы о том, что довоенные цели и задачи всех ярославских общественных организаций были временно отодвинуты на второй план, а вся их деятельность в годы войны была полностью подчинена оказанию всевозможной помощи фронту.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Ярославская область, общественные организации, МОПР, Красный Крест, театральное общество, союз художников.

Наша страна за свое многовековое существование перелистнула немало поистине трагических страниц истории, но наиболее тяжелые и

страшные испытания, повлекшие за собой неисчислимы материальные и людские потери, принес XX век. Вторая мировая война заставила жителей всего Советского Союза четыре года мужественно и стойко нести на своих плечах тяготы и лишения военного времени. В этих условиях не было ни одного человека и ни одной организации, которая бы осталась в стороне от решения жизненно важных задач помощи фронту. В Ярославской области в годы войны функционировало более десяти общественных организаций, и все они внесли свой вклад в общее дело победы над фашизмом. В рамках данной статьи хотелось бы остановиться на деятельности четырех общественных организаций (международная организация помощи борцам революции – МОПР, Красный Крест – КК, театральное общество и союз художников), документы о работе которых за военные годы наиболее полно отложились в фондах ЦДНИ ГАЯО.

На территории СССР МОПР была создана в 1922 г. Главной задачей данной организации было оказание помощи борцам за дело социалистической революции, заключенным в тюрьмах, а также их семьям и детям. Для достижения этих целей комитеты МОПР на местах привлекали в свои ряды новых членов, проводили агитационные кампании, используя все виды устной и печатной пропаганды, входили в контакт с партийными и общественными организациями, брали шефство над политзаключенными. На момент начала Великой Отечественной войны в Ярославской области было 44 района, и в каждом официально имелся городской или районный комитет МОПР. С первых дней войны организации МОПР перестроили свою работу, направив все силы на помощь фронту в разгроме врага.

29 июня 1941 г. было проведено совместное заседание обкома МОПР и обкома ВКП(б) с руководителями комитетов и ячеек МОПР г. Ярославля по вопросу задач МОПР в условиях Великой Отечественной войны [1, л. 16]. Обозначенные направления работы мопровских организаций (а именно: массово-воспитательная работа среди женщин и подростков, которые стали основной базой для пополнения рядов мопровских организаций; широкая организация помощи в работе госпиталей; помощь детям-сиротам и детским домам; развертывание социалистического соревнования; создание на фабриках, заводах, колхозах фронтовых мопровских бригад; организационное укрепление и увеличение численности ячеек) были закреплены в Постановлении пленума Ярославского обкома МОПР от 3–4 апреля 1943 г. [2, л. 8].

Так с 1941 г. обком МОПР взял шефство над двумя госпиталями (один из которых был латышский) в Ярославле, над одним в Рыбинске и одним в Ростове. Члены мопровских организации помогали по уходу за ранеными, в уборке помещений, починке и пошивке белья и обмундирования, обслуживании раненых культурными мероприятиями. С ноября 1941 по декабрь 1944 г. на один только ярославский госпиталь № 3016 обкомом МОПР было израсходовано 49 914 рубля 28 копеек, не

считая стоимости переданных подарков [3, л. 1]. Интересно отметить, что из числа раненых проходило пополнение рядов мопровских организаций. Например, из Латышского подшефного госпиталя в августе 1943 г. был взят на должность председателя Сталинского и Резинокомбинатского РК МОПР бывший рядовой латышской гвардейской дивизии, инвалид войны Э. И. Паберзин [4, л. 30–30 об.].

Также члены МОПР активно сдавали кровь на спасение раненых. По Ярославлю, Рыбинску и Костроме на постоянном учете состояло 332 человека, систематически сдававших кровь [1, л. 18].

С 1942 г. была налажена работа по шефству над детьми-сиротами и детскими домами. Членами МОПР г. Ярославля за год (с 1942 по 1943 г.) было взято в свои семьи 25 человек детей-сирот. С 1942 г. на средства членов МОПР содержался интернат детей-сирот в колхозе «Красная Звезда». Ростовский РК МОПР взял шефство над детдомом «Малютка», где содержались дети, эвакуированные из Калининской области. В начале 1943 г. по договоренности с Ярославским ОБЛОНО и обкомом ВКП(б) на содержание Ярославской областной мопровской организации был передан Ленинградский детский интернат № 59 на 300 человек детей на ст. Лютово [5, л. 5]. Оказывалась моральная и материальная помощь семьям фронтовиков. В Рыбинске ячейкой МОПР при женсовете была организована комната для детей, матери которых работали на подсобном хозяйстве военторга [4, л. 30–30 об.].

С началом войны агитационно-массовая работа мопровских организаций была полностью перестроена на разъяснение существа фашизма. Всего за годы войны мопровскими организациями было проведено 2 360 бесед, 95 антифашистских вечеров, прочитано 930 докладов на темы войны и международного положения [6, л. 3].

В 1942–1943 гг. члены МОПР Ярославской области по инициативе комитета МОПР военизированной охраны Резинокомбинатского района провели сбор средств на постройку боевых самолетов «Ярославский мопровец». В сборе средств приняли участие широкие слои трудящихся Ярославской области. Всего по области было собрано 1 370 755 рублей. 11 ноября 1943 года 4 новых штурмовика ИЛ-2 в торжественной обстановке были переданы боевым экипажам [7, л. 39]. Члены МОПР также приняли активное участие в сборе средств на танковую колонну «Иван Сусанин», в сборе средств и вещей для жителей Смоленской и Калининской областей.

Ярославские мопровские организации постоянно собирали и отправляли на фронт письма и подарки для бойцов. Так в феврале 1942 г. к 24-й годовщине Красной Армии были организованы подарки бойцам на Калининский фронт. В подарки были вложены: сыр, колбаса, сухари, баранки, пряники, махорка [1, л. 5, 6].

На заседании президиума обкома МОПР от 28 февраля 1944 г. были выделены 14 наиболее крупных районов, где силами актива МОПР был

произведен засев зерновыми и огородными культурами особых участков земли (так называемы мопровские гектары), урожай с которых был передан подшефным детдомам, госпиталям и семьям фронтовиков. По области таким образом было засеяно 79,15 га земли [11, л. 58–58 об.].

Всего за годы войны Ярославским обкомом МОПР было собрано 2 833 950 рублей. Из них по основным взносам 204 249 рублей, добровольным – 357 669 рублей, на вооружение Красной Армии – 1 370 755 рублей, на детей – 826 167 рублей, облигациями в Фонд обороны – 75 110 рублей [6, л. 2].

Ярославский областной комитет общества Красного Креста (КК) СССР был создан в апреле 1936 г., сразу после образования самостоятельной Ярославской области [9, л. 21]. Основными целями деятельности организации являлось оказание гуманитарной помощи, охрана здоровья населения, пропаганда идеалов мира и человечности.

В военный период была проделана большая работа по привлечению населения Ярославской области в ряды Общества Красного Креста. Так, если на апрель 1942 г. в обществе состояло около 64 000 человек (причем 15 227 из них стали членами Общества после начала войны), то на январь 1944 г. – уже более 87 000 человек [10, л. 1]. Была поставлена задача создать вокруг каждого лечебного учреждения актив КК с целью развертывания широкой практической и агитационно-массовой работы по оздоровлению труда и быта населения области.

Постановление СНК СССР от 2 июля 1941 г. о всеобщей обязательной подготовке к противохимической обороне всего взрослого населения от 16 до 60 лет и Постановление Государственного Комитета Оборона СССР о всеобщем обязательном военном обучении граждан СССР мужского пола в возрасте от 15 до 50 обязали комитеты обществ КК в кратчайшие сроки подготовить все взрослое население по нормам ГСО и помочь органам здравоохранения в проведении санитарной подготовки мужского населения по программе Всеобуча [11, л. 1]. Всего за время войны на курсах подготовки значкистов ГСО и БГСО в организациях КК было подготовлено 347 086 и 93 038 человек соответственно [12, л. 68].

Одним из основных направлений деятельности общества с первых дней войны стала подготовка медицинских сестер. Она проводилась и в довоенное время. Длительность обучения в довоенное время варьировалась от 1,5 лет до 11 месяцев [13, л. 9]. В связи с началом военных действий и острой нехваткой медицинского персонала сроки обучения были сокращены до 2–5,5 месяцев [14, л. 70, 76]. Учитывая исключительно важное оборонное значение подготовки медсестер, Приказ № 317 по Народному комиссариату здравоохранения СССР от 7 июля 1941 г. возложил ответственность за обеспечение курсов медсестер необходимым количеством врачей-преподавателей и лечебных баз на местные органы здравоохранения под личную ответственность

руководителей областных здравотделов и руководителей лечебных учреждений [13, л. 44].

За первые 9 месяцев войны курсы медицинских сестер закончили более 1 500 человек [15, л. 19], за 2 года – более 3 000 [16, л. 9], а за все время войны – 5 500 [12, л. 68]. Помощь эвакогоспиталям со стороны областного комитета КК проводилась во многом за счет того, что, прошедшие курсы медицинские сестры, оставались работать в госпиталях.

Другим важным направлением деятельности Ярославского отделения КК в годы войны было развитие донорства. Еще до начала Великой Отечественной войны стал создаваться донорский фонд крови, предназначенной для помощи больным и раненым. По решению Исполкома СОКК и КП от 29–30 апреля 1941 г. было учреждено звание «донор Красного Креста» [13, л. 40]. Донором КК мог стать человек, сдававший кровь не реже одного раза в год. Доноры, сдававшие кровь не менее 3-х раз за последние 5 месяцев, имели право на получение продуктовых карточек на хлеб, сахар, макаронные изделия, мясо или рыбу [18, л. 21]. В период Великой Отечественной войны донорством было охвачено около 6 000 членов общества ежегодно, в фонд донорской крови было собрано более 33 000 литров [12, л. 68]. Более 100 человек были удостоены нагрудным знаком «Почетный донор СССР» [19, л. 34].

Важнейшей задачей КК в условиях начала войны и эвакуации части населения являлось сохранение крепкого надежного в санитарном отношении тыла и поддержание эпидемического благополучия страны. Для достижения данной цели проводилась активная агитационно-массовая работа. Поддержание санитарного порядка в бомбоубежищах, газоубежищах, полевых укрытиях также являлось значимым участком работы организаций КК.

В августе 1942 г. перед возобновлением работы школ областной комитет КК получил целый ряд директив, указывающих на необходимость проведения мероприятий санитарно-оборонного значения среди подрастающего поколения. Согласно полученным инструкциям при областном комитете и районных комитетах в 15 районах области были созданы школьные секции, в которые также вошли представители от здравотдела, районо, райкомов ВЛКСМ. При их участии в школах были созданы санитарные уголки, выставки. Количество первичных организаций КК при школах выросло с 6 679 (4 кв. 1942 г.) до 23 369 (июнь 1943 г.), количество санпостов с 164 до 411. Санпосты проводили борьбу за чистоту во всей школе путем регулярного осмотра классовых помещений и осмотра учащихся. Вне школы они обслуживали госпиталь эвакуированного населения и семьи фронтовиков. Лучшим районным комитетом КК по работе среди школьников в г. Ярославле был признан Сталинский комитет. Здесь во всех 7 школах были созданы первичные организации, в которых состояло 3 323 члена общества. В педагогическом училище все 138 учащихся являлись членами обществ КК и прошли

обучение по программе дружинниц. Училище также являлось шефом госпиталя [20, л. 8–9 об.].

Санитарные посты создавались не только в учебных заведениях, а также на предприятиях, в совхозах, колхозах, учреждениях, на транспорте, в жилых домах. Они являлись санитарно-оборонными формированиями обществ КК и выполняли функции первичного звена общества в системе медико-санитарного обслуживания населения. Их основными задачами были проведение мероприятий по улучшению санитарного состояния, оказание доврачебной помощи, помощи медперсоналу по уходу за ранеными и больными [21, л. 27, 28, 29].

По итогам работы в непростое военное время многие медицинские сестры и санитарные дружинницы, подготовленные организациями КК, были отмечены правительственными наградами, такими как Орден Ленина, Орден Красной Звезды, Орден Красного Знамени и медалями «За Отвагу» [17, л. 100 об.].

Ярославский филиал Ивановского областного союза советских художников (ССХ) был образован в конце 1933 г. С 1 апреля 1936 г. после образования Ярославской области, филиал получил статус Ярославского областного союза советских художников [22, л. 41]. Организация была создана для объединения художников и искусствоведов, для обеспечения и поддержания условий их творческой деятельности. К 1944 г. по области в ССХ состояло 25 человек: 9 членов и 1 кандидат в Ярославле, 9 членов в Костроме, 2 члена и 2 кандидата в Рыбинске. До октября 1944 г. в Ярославле также трудилась группа эвакуированных ленинградских художников (6 членов и 2 кандидата ССХ). На тот момент Ярославская организация являлась одной из крупнейших. После выделения из состава Ярославской области самостоятельной Костромской области в 1944 г. в союзе осталось 13 членов в Ярославле, 5 в Рыбинске и 1 в Мышкине [23, л. 120].

Во время Великой Отечественной войны значительно возросла роль работы художников как одной из действенных форм массовой агитации на фронте и в тылу. Советские художники деятельно участвовали в помощи фронту посредством своего творчества в рамках больших и малых форм (от плаката и карикатуры до масштабных картин). Они показывали боевые будни советского народа, его ежедневную борьбу с врагом. В 1943 г. впервые ССХ опробовал опыт командировок советских художников в части Красной Армии. Например, ярославский художник А. Ефимов таким образом собрал большой материал в одной из летных частей для своих произведений и дал на выставку ряд портретов бойцов Красной Армии. А. Н. Яковсон был командирован в зенитную часть для создания серии рисунков «Девушки в Отечественной войне». Также часть художников была отправлена в колхозы и на предприятия для изучения жизни тыла в условиях войны [23, л. 153].

Собранный в командировках и из сообщений софинформбюро материал был осмыслен художниками и представлен на различных выставках времен войны. Так в 1942 г. в Москве была организована Всесоюзная выставка картин «Отечественная война», посвящена 25-й годовщине революции. Она явилась первым этапом работы ярославских художников в военные годы. От Ярославского Союза художников в ней приняли участие несколько человек: художники А. Гришин, С. Юдовин, М. Колесов, А. Ефимов, Е. Манизер.

Вторым этапом творческой деятельности ярославских художников в годы войны можно считать 6 областную художественную выставку «Отечественная война», посвященную 25-й годовщине РККА (1943 г.). Она была аналогична проходившей параллельно всесоюзной выставке, открытой в Центральном Доме Красной Армии в Москве (в которой также принимали участие ярославские художники Е. Манизер, С. Юдовин, председатель ЯОССХ А. Шиндыков, Б. Ефремов, А. Ефимов, В. Дружинин).

В Ярославской областной выставке приняли участие 42 художника, представившие зрителю около 120 произведений живописи, графики и скульптуры. Большинство из них отражали события Отечественной войны, а также были посвящены темам любви к Родине: «Севастопольцы» Е. Е. Буланова; «Письма с фронта» М. А. Владыкина; «Сыну на фронт» Ю. М. Дружининой; «Стирка белья для фронта» А. И. Рябикова и другие [24, л. 2].

С началом войны ярославские художники также были привлечены к работе по маскировке городских и фабрично-заводских объектов от налетов врага (А. К. Шиндыков, А. А. Ефимов) [23, л. 162–167], брали для постоянного художественного обслуживания (оформление красных уголков, ленинских комнат, лечебных кабинетов и агитационных пунктов) госпиталя. Так Ярославскому отделению были подшефны 5 госпиталей: 3 в Ярославле и 2 в Костроме [24, л. 113].

Ярославское отделение ВТО (Всероссийского театрального общества) было создано 3 марта 1937 г. на организационном собрании членов Всероссийского театрального общества, работников театра им. Ф. Г. Волкова. Его основными направлениями деятельности были содействие развитию театрального искусства в Ярославской области и защита прав и интересов работников театров [25, л. 1].

В годы Великой Отечественной войны многие работники театров области, члены союза ушли на фронт. Так, в театре им. Ф. Г. Волкова ушли добровольцами на фронт в составе Ярославской коммунистической дивизии, и, пройдя боевой путь до Берлина, вернулись в театр художественный руководитель Д. М. Манский, режиссер С. М. Оршанский, Герой Советского Союза актер К. С. Лисицын, артистки С. П. Аверычева и М. М. Рыпневская, народный артист РСФСР Ю. Караев,

заслуженный артист РСФСР Л. Дубов, народный артист СССР С. К. Тихонов.

На протяжении всех лет войны члены ВТО, не ушедшие на фронт, обслуживали шефскими концертами госпиталя и части Красной Армии. Например, летом 1944 г. в г. Рыбинске во время гастролей Волковского театра была образована бригада ведущих актеров, членов ВТО для поездки на фронт. Были подготовлены пьесы Островского «Не все коту масленица», водевиль «Простушка и воспитанная», а также концертная программа [26, л. 1]. Фронтальная бригада волковцев была награждена гвардейским знаком.

Волковцы – члены ВТО также активно принимали участие в сборе средств в Фонд обороны страны и Фонд помощи семьям фронтовиков. Например, 1 и 18 февраля 1945 г. были проведены два творческих вечера-встречи с актерами Н. В. Комиссаровым и С. Д. Ромодановым, приуроченные к 25-летию их трудовой деятельности в театре. Все полученные сборы были переданы в Фонд помощи семьям фронтовиков [26, л. 4 об.].

В период Великой Отечественной войны коллектив Рыбинского драматического театра также активно выступал в казармах, клубах, на мобилизационных и призывных пунктах, в госпиталях, четырежды посылал свои бригады на фронт. В общей сложности театром за годы войны было дано 1 226 выступлений, из них на фронтах 430 концертов и 75 спектаклей. В фонд обороны страны было собрано 184 634 рубля [27, л. 1–5].

Таким образом, довоенные цели и задачи всех ярославских общественных организаций были временно отодвинуты на второй план, а вся их деятельность в годы войны была полностью подчинена оказанию всевозможной помощи фронту.

Источники и литература

1. Центр документации новейшей истории Государственного архива Ярославской области (далее – ЦДНИ ГАЯО). Ф. 2710. Оп. 1. Д. 61.
2. ЦДНИ ГАЯО. Ф. 2710. Оп. 1. Д. 79.
3. ЦДНИ ГАЯО. Ф. 2710. Оп. 1. Д. 98.
4. ЦДНИ ГАЯО. Ф. 2710. Оп. 1. Д. 83.
5. ЦДНИ ГАЯО. Ф. 2710. Оп. 1. Д. 81.
6. ЦДНИ ГАЯО. Ф. 2710. Оп. 1. Д. 109.
7. ЦДНИ ГАЯО. Ф. 2710. Оп. 1. Д. 82.
8. ЦДНИ ГАЯО. Ф. 2710. Оп. 1. Д. 96.
9. ЦДНИ ГАЯО. ОАФ. 855. Оп. 2. Д. 21.
10. ЦДНИ ГАЯО. ОАФ. 855. Оп. 2. Д. 95.
11. ЦДНИ ГАЯО. ОАФ. 855. Оп. 1. Д. 71.
12. ЦДНИ ГАЯО. ОАФ. 855. Оп. 2. Д. 286.
13. ЦДНИ ГАЯО. ОАФ. 855. Оп. 1. Д. 7.
14. ЦДНИ ГАЯО. ОАФ. 855. Оп. 1. Д. 10.
15. ЦДНИ ГАЯО. Ф. 272. Оп. 224. Д. 660.
16. ЦДНИ ГАЯО. Ф. 272. Оп. 224. Д. 971.

17. ЦДНИ ГАЯО. ОАФ. 855. Оп. 2. Д. 144.
18. ЦДНИ ГАЯО. ОАФ. 855. Оп. 2. Д. 143.
19. ЦДНИ ГАЯО. ОАФ. 855. Оп. 2. Д. 472.
20. ЦДНИ ГАЯО. ОАФ. 855. Оп. 2. Д. 136.
21. ЦДНИ ГАЯО. ОАФ. 855. Оп. 1. Д. 14.
22. ЦДНИ ГАЯО. Ф. 865. Оп. 1. Д. 7.
23. ЦДНИ ГАЯО. Ф. 865. Оп. 1. Д. 86.
24. ЦДНИ ГАЯО. Ф. 865. Оп. 3. Д. 5.
25. ЦДНИ ГАЯО. ОАФ. 834. Оп. 1. Д. 1а.
26. ЦДНИ ГАЯО. ОАФ. 834. Оп. 1. Д. 4.
27. ЦДНИ ГАЯО. Ф. 272. Оп. 225. Д. 556.

Е. П. Щукина,

Государственный архив Липецкой области

В. Б. Поляков,

почетный архивист Российской Федерации
Государственный архив Липецкой области

ВОЛОВЦЫ – ФРОНТУ (ПО СТРАНИЦАМ РАЙОННЫХ ГАЗЕТ)

Аннотация. В данной статье рассказывается о героическом подвиге, проявленном в тылу и неocenимом вкладе в Победу над фашистской Германией тружеников Воловского района Курской (современной) Липецкой области в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Ключевые слова: Военный заем, Воловский район, газета, колхоз, сельский Совет.

Утром 22 июня 1941 г. войска фашистской Германии, вероломно нарушив государственную границу Советского Союза, вторглись в пределы нашей Родины. Началась Великая Отечественная война. На долю советского народа выпали невиданные доселе испытания. Но наши доблестные вооруженные силы с честью выполнили свой долг и водрузили в победном мае сорок пятого алое знамя над рейхстагом. Эта победа ковалась не только на полях сражений. Не меньший вклад в неё внесли и труженики тыла, своим самоотверженным трудом наносившие удары по врагу. Доля этого вклада принадлежит и трудящимся Воловского района. Об этом повествуют документы и газеты военной поры, хранящиеся в Государственном архиве Липецкой области.

С первых же дней войны труженики – воловцы мобилизовали все свои силы для достижения главной цели – победы над врагом. Вот что писала газета «Ударник полей» 3 июля 1941 г.: «Колхозники сельхозартели

имени Энгельса в ответ на подлое нападение фашистской Германии на нашу страну, устроили свою энергию на колхозных полях.

Колхозники бригады № 1 заявляют: колхозная работа – это второй фронт. Работать на благо родины, на помощь нашим бойцам-героям – вот что от нас сейчас требуется.

В колхозе имени Куйбышева все трудоспособные заняты на прополке яровых посевов, на сборе семян кок-сагыза. Здесь же на сбор семян кок-сагыза ежедневно выходит по 90–100 человек школьников. Собрано более 6 центнеров семян.

В сельхозартели имени Энгельса кладовщик т. Бачурин Ф. К. ушел в ряды Красной Армии. На его место стала девушка т. Дворядкина Евдокия, которая прекрасно справляется с работой.

– Своим энергичным трудом на колхозных полях, на предстоящей уборке урожая будем крепить нашу Родину, будем ковать победу над врагом, – так заявляют колхозники Гатищенского Совета...

Колхозник Чибисов Федор ушел на фронт. 70-летний отец Чибисова спокойно на это ответил: ну что ж, вы идите на фронт, а мы здесь будем дело держать. Чибисов сам вышел на работу, а за ним вышли и два его сверстника Ф. П. Чибисов и Ф. П. Дорофеев.

Бригадир полеводческой бригады сельхозартели «Искра» т. Шаталов Илья выехал на фронт. На его место встала сестра – Шаталова Мария. Место мужа, выбывшего на фронт, занимает жена, место брата – сестра. За руль трактора, за штурвал комбайна вместо трактористов и комбайнеров, выбывших на фронт, садятся девушки-комсомолки.

Учителя Тургеневской неполной средней школы все, как один, работают на колхозных полях. Они косят траву, мобилизуют школьников и сами участвуют в сборе семян кок-сагыза. Так поступают патриоты нашей Родины...!

На колхозных полях с величайшим подъемом работают и взрослые, и пионеры, и школьники. Комсомольцы Скорняков и Сентюрев из сельхозартели «Путь к социализму» уже 9 дней пашут пар и ежедневно перевыполняют свои задания, пашут по 1,1–1,2 га при норме 1 га на двухкорпусный плуг.

Так идет великий трудовой подъем на социалистических полях» [1].

7 августа 1941 г. в газете «Вперед, к Победе!» появилось сообщение: «Вечером 2 августа работники станции Набережное и члены их семей на собрании прослушали доклад о Дне железнодорожника. Собрание решило: День железнодорожника, 3 августа, отметить массовым воскресником и заработанные деньги внести в фонд обороны.

В 7 часов 3 августа все работники станции, все свободные от дежурства и члены их семей вышли на работу. Работа по ремонту стрелок и пути продолжалась до 5 часов вечера. Весь дневной заработок в сумме 482 рубля 40 копеек передали в фонд обороны страны», – так труженики-воловцы ответили на призыв «Все для фронта, все для победы!» [2].

Осенью 1941 г. война вторглась и в пределы воловщины. С 26 ноября по 8 декабря враг оккупировал часть района (было занято 10 сельсоветов). В результате зимнего контрнаступления Красной Армии район был освобожден, но 10 июня 1942 г. гитлеровцы вновь заняли часть его территории. Историческая победа под Сталинградом и последовавшее за ней наступление наших войск положили конец присутствию захватчиков на территории Воловского района, который был полностью освобожден 31 января 1943 г.

За короткое время оккупации фашисты нанесли хозяйству огромный ущерб. Было сожжено и разрушено: 71 скотный двор, 107 конюшен, 661 зернохранилище, 3 864 дома колхозников, 31 школа, 3 560 учащихся были лишены возможности продолжить образование. Животноводство района было полностью уничтожено. После освобождения в районе осталось 29 голов крупного рогатого скота [3, л. 4].

Гитлеровская оккупация сопровождалась невиданными зверствами по отношению к гражданскому населению.

В селе Вышнее Большое фашисты заживо сожгли 56 советских граждан. Всего по району было расстреляно и замучено 239 человек, 71 – попали в фашистскую неволю, 102 человека – изувечено [4, л. 7].

Несмотря на тяжелые условия военного времени, наши земляки ни на один день не ослабляли усилий на трудовом фронте. Хорошим подспорьем в труде явилось социалистическое соревнование, развернувшееся среди тружеников района. Об этом писала газета «Ударник полей» 3 июня 1943 г.: «Включившись во Всесоюзное социалистическое соревнование женских тракторных бригад трактористки Васильевской МТС Полипкина Анастасия Петровна и Сергеева Мария Ильинична, работающие на колесных тракторах, взяли обязательство вспахать за сезон по 500 га каждая. Сейчас А. П. Полипкина за 18 рабочих смен вспахала 105 га и сэкономила горючего 370 кг. М. И. Сергеева за 10 рабочих смен вспахала 55 га, сэкономив 15 кг горючего» [5].

О самоотверженном труде советского патриота говорится в заметке, опубликованной в «Ударнике полей» 19 января 1945 г.: «Кузнецу Калинину Гаврилу Филипповичу 60 лет. Работая кузнецом в колхозе «Рассвет» Васильевского сельсовета он за время с 1-го по 15 января закончил ремонт 9 плугов и 15 борон и дал обязательство к 1 февраля сделать вновь еще 2 плуга. Кроме того, кузнец Калинин в свободное время отремонтировал 5 плугов и 8 борон колхозу «Клара Цеткин» Большовского сельсовета.

– Своим трудом помогу Красной Армии добить врага в его собственном логове, а колхозам сделаться передовыми, – так заявляет кузнец» [6].

Трудящиеся Воловского района помогали фронту и личными средствами. Об этом писала газета «Ударник полей» 11 марта 1944 г.:

«Обсудив приказ Верховного Главнокомандующего к 26-й годовщине Красной Армии, колхозники колхоза «Заря № 2» Васильевского сельсовета в течение 2-х часов собрали в фонд Красной Армии 3 000 рублей деньгами и 10 000 рублей облигациями госзайма. Собранные средства они сдали в отделение госбанка. Одновременно с этим колхозники сдали около 4 000 рублей собранных средств в уплату военного налога. Примеру передовых колхозников последовали колхозники колхоза «Рассвет» и имени Тельмана того же сельсовета, собравшие и сдавшие в фонд Красной Армии 5 000 рублей денег и 40 000 рублей облигациями госзайма и уплатили 4 000 рублей военного налога» [7].

19 марта 1944 г. появилась такая заметка: «В фонд Красной Армии. С большим патриотическим подъемом прошло общее собрание колхозников колхоза «Веселый» Захаровского сельсовета. Воодушевленные подвигами Красной Армии, колхозники решили провести сбор средств в фонд помощи Красной Армии. Первой внесла 100 рублей на усиление военной мощи Родины ученица 7 класса Захаровской средней школы З. В. Заваленкова. Ее примеру последовали: М. Маркеев, А. К. Лысова, Н. Д. Федотова, Еремина Александра и ряд других колхозников. На собрании колхозники внесли более 1 000 рублей» [8].

Немаловажной формой помощи тыла фронту был сбор средств по военным займам. Воловцы приняли активное участие в этой патриотической кампании.

«Все колхозники Васильевского сельсовета на 19 июля полностью рассчитались по подписке на заем. В сберегательную кассу внесено 14 370 рублей» [9], – писала газета 20 июля 1941 г.

6 мая 1944 г. в этой же газете можно было прочитать следующую заметку: «С огромным воодушевлением встретили трудящиеся нашего района выпуск Третьего Государственного Военного Займа. В первый же день, 4 мая 1944 г., за несколько часов подписка на заем достигла 363 895 рублей. При подписке внесено 122 184 рубля наличных денег» [10].

«Колхозники колхоза имени Ленина Липовского сельского Совета одобряют решение правительства о выпуске Четвертого Государственного Военного Займа. Собравшись на митинг, они подписались на 16 000 рублей и сразу же при подписке внесли деньги наличными. Колхозница Мельникова Татьяна Лазаревна сказала: – Желаю от всей души помочь своей Красной Армии, где сражается мой брат, я даю займы государству 500 рублей и вношу наличными. За два часа колхозники внесли по подписке на заем 4000 рублей наличных денег» [11], – писала газета 5 мая 1945 г.

Как бы, подводя итоги работе, проделанной в помощь фронту, трудящиеся-воловцы писали Верховному Главнокомандующему: «Мы,

передовики сельского хозяйства Воловского района Курской области, собравшиеся на районный слет, подводя итоги своей работы в текущем году, добились успехов в восстановлении колхозов и МТС района... В целом наш район на 15 октября выполнил государственный план хлебопоставок. Особенно хорошо справились с этой задачей колхозы Александровского, Липовского, Воловчинского, Васильевского сельских Советов, в которых сейчас идет сдача хлеба в фонд Красной Армии.

Государственный план развития животноводства выполнен по крупному рогатому скоту на 142 %, по овцам – на 12 %, по свиньям – на 180 %. В колхозах района построено и восстановлено 56 животноводческих построек. Как видный пример патриотизма необходимо отметить такой факт, когда колхозники района на своих коровах вывезли государству 120 000 пудов зерна.

Несмотря на трудности военного времени, одна треть колхозов района на 5 октября 1944 года, на день завершения фронтового декадника, закончила сдачу хлеба государству и озимый сев.

Хорошо справились со своими задачами Васильевская МТС, выполнившая годовой план тракторных работ на 110%, выработав на каждый трактор 400 га. Тракторные отряды этой МТС М. Я. Шумского и В. А. Пикалова выполнили план работ на 163 и 147 процентов.

Чтобы нанести смертельный удар по врагу требуются новые усилия. Мы должны удвоить, утроить нашу помощь доблестным Советским воинам, бесперебойно снабжать их всем необходимым для победы.

Да здравствует могучая Советская Родина!

Да здравствует героическая Красная Армия, ведущая победные бои за полное и окончательное торжество нашего правого дела!» [12].

Самоотверженный труд воловцев и их помощь героической Красной Армии нашли горячий отклик в сердцах фронтовиков.

Вот письмо Солдатова Герасима Игнатовича, опубликованное в газете «Ударник полей»: «Я на фронте, вы в тылу, нанесем смертельный удар врагу.

Товарищи колхозники и колхозницы! Из писем с родины я узнал, что мой родной район в этом году оказался передовым районом в сдаче хлеба государству по Курской области. Я хочу передать вам свое фронтовое спасибо за ваш самоотверженный труд в тылу. Ваш самоотверженный труд помогает нам, фронтовикам, бить злейшего врага немецких фашистов и обязывает еще сильнее обрушить свои удары так, чтобы в 1945, победном году, добить его в своем собственном логове.

Товарищи, за ваш самоотверженный труд в тылу, за хорошую помощь фронту, я обязуюсь мстить немцам за страдания моих земляков, сожженных живыми, Аносова Федора Ивановича, Солдатова Михаила Васильевича и других.

Сейчас вы готовитесь к новой весне 1945 года. В этот период вы должны еще больше усилить свой труд для того, чтобы быстрее

восстановить свое разрушенное хозяйство и дать фронту и Родине больше продуктов.

Товарищи! Вы в тылу, а я на фронте будем крепить наши удары по злейшему врагу!

Ваш земляк гвардии майор Солдатов Герасим Игнатович» [13].

Мыслью о неразрывном единстве фронта и тыла проникнуто стихотворение красноармейца-воловца А. Еремина, опубликованное в газете «Ударник полей» 8 марта 1945 г.

К воловцам!

В колхозе работа зимою

Готовит к весне нам поля

Удобрить навозом, золою,

Чтоб хлеб родила нам земля.

В тылу вы победу куете

Работой ударной своей

Продукцию армии шлете

С колхозных родимых полей.

Мы вам обещаем, воловцы

Свой выполнить долг боевой

За честь и свободу бороться

За юность и край свой родной.

Чтоб варвары русских узнали,

Узнали советский народ

Мы миру всему доказали

За Родину каждый встает» [14].

Отгремели залпы Великой Отечественной, но Советский народ никогда не забудет героев фронта и тыла, отдавших все свои силы для достижения Победы.

Источники и литература

1. Ударник полей (Воловский район). 1941. 3 июля.
2. Кладов, Некрасов. В день праздника // Вперед, к Победе (Тербунский район). 1941. 7 авг.
3. Государственный архив Липецкой области (далее – ГАЛО). Ф. Р-856. Оп. 1. Д. 13.
4. ГАЛО. Ф. Р-856. Оп. 1. Д. 14.
5. Росляков А. Соревнование трактористок // Ударник полей. 1943. 3 июля.
6. Глушков С. Обязательство кузнеца Калинина // Ударник полей. 1945. 19 янв.
7. Давыдов Е. В ознаменование побед Красной Армии // Ударник полей. 1944. 11 марта.
8. Селищев Г. В фонд Красной Армии // Ударник полей. 1944. 19 марта.
9. Мартынов В. Васильевцы полностью оплатили подписку на заем // Ударник полей. 1941. 20 июля.
10. Подписка началась // Ударник полей. 1944. 6 мая.
11. Новиков М. Подписку оплачивают наличными // Ударник полей. 1945. 5 мая.
12. Ударник полей. 1944. 19 окт.
13. Ударник полей. 1945. 19 янв.
14. Ударник полей. 1945. 8 марта.

К. В. Яценко,
доктор исторических наук
Курский государственный университет

ПРОБЛЕМА РОЛИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА И НАРОДА В СОВРЕМЕННЫХ ФАЛЬСИФИКАЦИЯХ ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. Рассматриваются основные направления современных фальсификаций роли советского государства и народа в годы Великой Отечественной войны в контексте информационной войны Запада против России.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Вторая мировая война, фальсификации истории.

Приближение юбилея Победы в Великой Отечественной войне сопровождается невиданной прежде по масштабам волной фальсификаций истории, обвинений в адрес нашей страны. Запад, забывая свои неблагоприятные дела перед Второй мировой войной, теперь возлагает чуть ли не главную роль в ее развязывании на СССР. 19 сентября 2019 г. была принята резолюция Европарламента «О влиянии исторической памяти на будущее Европы». Какую же «историческую память» пытаются нам навязать в этой резолюции? Утверждается, что виновники Второй мировой войны – «коммунистический Советский Союз и нацистская Германия» (именно так – СССР на первом месте), что превращение России в демократическое государство будет тормозиться до тех пор, пока в стране «будут продолжать обелять коммунистические преступления и прославлять советский тоталитарный режим» [1].

От России требуют уже не только покаяться, но и выплатить репарации за ущерб, якобы нанесенный другим странам во Второй мировой войне. Чего ждать дальше: территориальных претензий или исключения России, как государства-агрессора, из Совета Безопасности ООН и лишения права вето? Самое отвратительное – в этом хоре обвинений чуть ли не громче всех звучат голоса отечественных «обличителей». И это вполне объяснимо – ведь осталось убедить в преступности деяний СССР и ущербности своей истории собственный народ. А Победу надо забыть, как пережиток, мешающий дальнейшему развитию: «Воспоминания о войне нужны в первую очередь для легитимации централизованного и репрессивного социального порядка... в обществе, не справившемся с вызовами вестернизации и модернизации» (социолог, директор Левада-Центра Л. Гудков) [2, с. 103]; «Вместе с культом «победы» в русской ментальности отомрут многие мрачные реликты, препятствующие нашему вхождению в сообщество цивилизованных народов» (публицист А. Широпаев) [3]. У сторонников

этой точки зрения даже сам праздник – День Победы – не вызывает никаких положительных эмоций, а тех, кто по-прежнему считает его одним из главных, они обвиняют в «победобесии».

В стремлении развенчать величие Победы фальсификаторы ведут наступление на историческую истину методично и с разных направлений, стремясь кардинально пересмотреть причины, характер и итоги войны. Одним из главных аспектов нового мифотворчества является извращение факторов Победы.

В советский период Победа использовалась, как доказательство прочности, жизнеспособности социализма. Говоря о ее факторах, указывали на роль государства, коммунистической партии. В последние же десятилетия много усилий было направлено на подрыв тезиса о том, что Победа была одержана совместными усилиями народа и государства, благодаря советскому политическому строю. Не благодаря, а вопреки – вот основная идея этой пропагандистской кампании.

Получается, что советское руководство к победе не имеет никакого отношения, мало того, показало свою полную недееспособность, не сумев подготовить страну к неизбежной войне и являясь помехой для народа в его борьбе с врагом.

Но тогда возникает вопрос: кем и каким образом был организован народ для ведения этой борьбы? Без организации сведения воедино усилий многих людей никакой успех, при всем героизме и самопожертвовании, был бы невозможен, тем более в столкновении с таким организованным противником, как гитлеровская Германия. Будет не лишним вспомнить, что в 1941 г. фашистский блок вместе с оккупированными территориями превосходил СССР по промышленному потенциалу, а помощь союзников была еще очень незначительной. Что касается человеческих ресурсов (а некоторые авторы считают главной причиной победы именно наше якобы подавляющее численное превосходство – «трупам закидали немцев»), то и здесь нельзя говорить о нашем колоссальном и безоговорочном преимуществе. Советский Союз привлек за время войны в свои вооруженные силы 34 476 700 человек, Германия – 21 107 000 человек, то есть лишь в 1,63 раза меньше, чем СССР, а ведь на советско-германском фронте воевали еще и войска стран-сателлитов Гитлера [4, с. 508].

Стремление дистанцироваться от всего советского, принизить, а то и вовсе замолчать роль тогдашнего строя наложили большой отпечаток на освещение истории войны. Кстати, в упомянутой резолюции Европарламента российское правительство, политическая элита и политическая пропаганда обвиняются в прославлении «советского тоталитарного режима» [1]. Но это утверждение явно грешит против истины. Достаточно обратить внимание на мавзолей Ленина, который закрывают декорациями каждый раз ко Дню Победы. А ведь именно к его подножию советские солдаты на Параде Победы в июне 1945 г. швыряли штандарты поверженной гитлеровской Германии. Сюда же можно

добавить рекомендацию координаторов Бессмертного полка отказаться при проведении шествия от советских символов, в том числе красного Знамени Победы.

Такой подход проник, к сожалению, и в современные школьные учебники, из которых изымаются факты об организующей роли советского государства, коммунистической партии. Так, в учебнике «История России» для 10 класса практически отсутствует материал об организации перестройки страны на военный лад в начале войны, проведении масштабной эвакуации и налаживании работы оборонных предприятий на востоке страны. Пара предложений об этом содержится лишь в разделе «Материал для самостоятельной работы», где говорится о вкладе союзных республик в борьбу с фашизмом [5, с. 52]. В результате остается непонятным, на каком экономическом фундаменте базировалась Победа. Ни в одном из параграфов, посвященных Великой Отечественной войне, не упомянуто о роли в Победе комсомола, хотя говорится о РОА, УПА, Крымском мусульманском комитете, других коллаборационистских организациях, которые вели борьбу с Красной Армией [5, с. 31, 53]. Между тем, в рядах Советских Вооруженных Сил в годы войны сражалось 11 млн членов ВЛКСМ, более 60 % Героев Советского Союза составили комсомольцы и воспитанники комсомола в возрасте до 30 лет [6, с. 7].

Конечно, в истории нашей страны, в том числе в военный период, были неоднозначные страницы. Но можно ли на этом основании отождествлять гитлеровскую Германию и Советский Союз, опровергать справедливый, освободительный характер Великой Отечественной войны, наконец, отрицать само это название – Великая Отечественная война? В 2009 г. вышел объемный двухтомник «История России. XX век» под редакцией доктора исторических наук, профессора МГИМО А. Б. Зубова [7]. Группа, работавшая над этим изданием, включает в себя более сорока авторов из России и Русского Зарубежья. В книге утверждается, что войну 1941–1945 годов нельзя называть Великой Отечественной, а необходимо именовать «советско-нацистской», поскольку советский режим был более кровавый, более губительный, нежели нацистский, СССР начал и закончил Вторую мировую войну как агрессор и оккупант. В таком случае можно ли вообще победу в войне считать победой? Как пишет автор многочисленных публикаций о войне, доктор филологических наук, кандидат исторических наук Б. В. Соколов, это была победа именно государства и Сталина, «народ эту войну в конечном счете проиграл, хотя до сих пор верит, что выиграл» [8, с. 329].

Таким образом, выходит, что победа была нужна государству, защищавшему себя, но не народу, так как вела к еще большему укреплению тоталитарного сталинского режима. В итоге получается другая крайность – государство победило вопреки народу.

В такой конструкции героизму и самопожертвованию народа, советского солдата-победителя места уже не остается. Да и что было ждать

от воинов Красной Армии, если в их адрес можно прочитать следующее: «Немецкий солдат был хозяйственным крестьянином, фермером или горожанином – активным, хорошо образованным и инициативным. Безликая масса красноармейцев состояла из забитых и замученных беспросветной жизнью пассивных колхозников» [7, с. 39].

Зато можно поднять на щит тех, кто выступил на стороне Гитлера. А. И. Солженицын в свое время писал о якобы чуть ли всенародном освободительном порыве после нападения Германии на Советский Союз: «Когда началась советско-германская война – естественным движением народа было – вздохнуть и освободиться, естественным чувством – отвращение к своей власти... Населению СССР до 1941 естественно рисовалось: приход иностранной армии – значит свержение коммунистического режима, никакого другого смысла для нас не могло быть в таком приходе. Ждали политической программы, освобождающей от большевизма» [9]. Вот так, не больше и не меньше: народ только и ждал «Гитлера-освободителя».

Подобные выводы можно встретить и у современных авторов, например, в книге М. Зефирова и Д. Дегтева «Все для фронта? Как на самом деле ковалась победа» [10]. Государство «не доверяло своему народу», сам же народ предстает в книге пассивной массой, объектом эксплуатации правящего режима (вынужден работать на «сталинской барщине», «на заводе, как в концлагере», жить в «сталинских бомжатниках» и т. д.). Привлечение населения на строительство оборонительных сооружений, авторы называют «трудовым рабством». Активность народа проявлялась у них лишь в том, чтобы уклониться от мобилизации в армию, на оборонные работы, от других мероприятий, инициируемых властью. Не может не возникнуть вопрос: не удивительно ли, что с такими настроениями в обществе нашей стране удалось одержать победу в тяжелейшей войне в истории?

Измышления современных фальсификаторов оскорбительны для нашего народа, оскорбительны для того героического поколения, которое отстояло честь и независимость Родины и спасло от коричневой чумы все человечество.

Источники и литература

1. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2019-0021_EN.html (дата обращения: 27.01.2020 г.).
2. Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М., 2005.
3. URL: <https://shiropaev.livejournal.com/65699.html> (дата обращения: 27.01.2020 г.).
4. Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. М., 2001.
5. История России. 10 класс. Учебник для общеобразовательных организаций. В 3 ч. Ч. 2. / под ред. А. В. Торкунова. М., 2016.
6. Роль Ленинского комсомола в Великой Отечественной войне. М., 2017.
7. История России. XX век. В 2 т. М., 2009.
8. Соколов Б.В. Оккупация. Правда и мифы. М., 2002.

9. URL: <https://all-the-books.ru/books/solzhenicyn-aleksandr-arhipelag-gulag/> (дата обращения: 27.01.2020 г.).
10. Зефилов М., Дёгтев Д. Все для фронта? Как на самом деле ковалась победа. М., 2009.

**«1941–1945.
ЭТОТ ДЕНЬ МЫ ПРИБЛИЖАЛИ,
КАК МОГЛИ!»**

*Материалы
Всероссийской научной конференции,
Курск, 23 апреля 2020 г.*

Подписано в печать 14.12.2020 г.
Формат 60x84. Печать офсетная 80 г/м². Гарнитура Таймс. Тираж 100 экз.
Отпечатано ООО «Центр рекламы «Лощман»
г. Курск, ул. Семеновская, 78